70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

11-1990

ISSN 0235—7089

Фото ВЛАДИМИРА ЛАГРАНЖА

ВРЕМЯ ЖИТЬ...

ЛИТВА, ЯНВАРЬ 1991

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛОГИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

ФОТО ВЛАДИМИРА ЛАГРАНЖА

ЛИТВА, ЯНВАРЬ 1991

ЛИТВА, ЯНВАРЬ 1991

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

11-1990

Выходит с января 1989 г.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СТАРОЕ

14

Великий реформатор или провинциальный политик? Этот вопрос, связанный с личностью П. А. Столыпина, вновь будоражит наши умы. Разноречивость этой исторической фигуры подчеркивают три мнения о Столыпине, которые мы публикуем.

40

Постоянная рубрика журнала «Наше исследование» посвящена сегодня одной из самых запутанных и малоосвещенных тем: на какие средства была совершена Октябрьская революция?

49

Воспоминания Татьяны Кузнецовой, адвоката А. Солженицына, касаются самого сложного и драматического периода в жизни великого русского писателя.

НОВОЕ

54

Известный драматург Виктор Розов делится своими мыслями о сегодняшнем дне, о «половодье правды», которое захлестнуло нашу общественную жизнь.

58

Сибирь — хороший иммунитет против самодовольства и чванства, считает историк Михаил Гефтер.

ВЕЧНОЕ

8

Русская идея — вечная тема для отечественной философской мысли. Сегодня мы предоставляем слово публицисту из Мюнхена Михаилу Назарову.

78

«Меркантильные обстоятельства» Пушкина» — еще один материал о русском национальном гении. На сей раз автор рассказывает об одной из самых малоизвестных сторон жизни поэта.

88

Возрождению духовности, религиозным исканиям посвящен материал под названием «Заступница».

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ,
член-корреспондент АН СССР, председатель Научного совета АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской революции»

Сейчас, когда среди нашей общественности в моде «исторический ревизионизм», прославляются блага эволюции и предаются анафеме революции, надо трезво разобраться в соотношении этих двух путей исторического процесса.

Марксизм, как известно, революционная теория, и поэтому в нем изначально заложена высокая оценка исторической роли революций в общественном развитии. В основе этого лежало обобщение опыта революций XVII—XIX веков прежде всего как рычага межформационного перехода от феодализма к капитализму. В самом деле, можно ли представить себе такой переход и становление современной индустриальной цивилизации без английской и французской буржуазных революций?

И все-таки классический марксизм свободен от упрощенного отождествления социального прогресса с революцией, он рассматривает эволюцию как нормальную форму исторической деятельности людей и не сводит ее роль к подготовке почвы для очередной революции.

Ленинизм, отталкиваясь от опыта самого революционного в мировой истории — XX века, резко заострил марксистское внимание к революции. В политической практике последователи марксизма-ленинизма явно предпочитали революции другим формам общественного преобразования. В такой ориентации на преимущественно революционные методы в ущерб реформистски-эволюционным сказались и национальные российские особенности исторического развития. В силу крайней окостенелости абсолютистско-бюрократического государственного устройства в общественной мысли России, начиная с конца XVIII века, приоритетное положение заняло революционно-демократическое направление. Именно оно, а не либеральное или религиозно-философское, было властителем дум наиболее активной части русской общественности.

Эйфория, охватившая левые, революционные круги после победы Октябрьской революции, а затем утверждение в официальном марксизме идейного господства сталинизма привели к вульгаризации исходных марксистских представлений о соотношении эволюции и революции, революции и реформы. Революция стала рассматриваться не только как наиболее желательная и исторически неизбежная, но чуть ли не как каждодневная форма социального прогресса. Напротив, эволюционные формы третировались, а в догматическом марксизме вообще утратили какую-либо конструктивную роль.

Начавшееся в последние годы освобождение сознания и духа открыло возможность взглянуть на историю и сегодняшнее бытие нашего народа без идеологических шор и по-новому осмыслить такую фундаментальную проблему, как революция и эволюция. Оказалось, что XX век, особенно его вторая половина, дал богатейший материал для размышлений над хитростями и загадками истории и для избавления от иллюзий и самообмана. Раньше всего рухнула под натиском фактов абсолютизация революций как чуть ли не единственной формы социального прогресса. Выявилось, что проблема их цены и исторической результативности — одна из самых сложных для правильной оценки революционных скачков. Больше того, поставлен вопрос и о том, что некоторые революции могут привести общество к инволюции, то есть попятному движению.

С другой стороны, эволюция, по пути которой пошли многие народы Запада, показала свои преимущества. Во-первых, в отличие от революций с их бурным разрушительным пафосом эволюционная форма дала возможность обеспечить преемственность общественного развития и благодаря этому сохранить все накопленное богатство. Во-вторых, эволюция, вопреки нашим примитивным представлениям, сопровождалась и крупными качественными изменениями в обществе, причем не только в производительных силах и технологии, но и в духовной культуре, в образе жизни людей. В-третьих, для решения возникавших в ходе эволюции новых общественных задач она взяла на вооружение такой способ общественного преобразования, как реформы, оказавшиеся по своим «издержкам» просто несопоставимыми с гигантской ценой многих революций. В конечном счете, как показал исторический опыт, эволюция способна обеспечивать и поддерживать социальный прогресс, придавая ему к тому же цивилизованную форму.

Как видим, назрела необходимость отказаться от традиционных, явно устаревших догматических схем. Значит ли это, что мы должны впасть в другую крайность и вычеркнуть революции из истории, отказав им в какой-либо закономерности? Нравится кому-либо или нет, но если считать исторический процесс вариативным, то мы должны признать эволюцию и революцию, по крайней мере с нового времени, двумя формами, двумя сторонами социального прогресса. Надо считаться с историческим опытом, в частности нашего столетия. А он свидетельствует, что, как ни привлекательна эволюция, обеспечивающая естественное, органическое, мирное и последовательное изменение общества, она не всегда способна решить новые задачи, особенно в кризисные эпохи. Бывают, и, к сожалению, нередко, ситуации, когда та или иная страна в силу конкретно-исторических причин, чаще всего по вине правящих классов, заходит в тупик, оказывается в состоянии тотального и глубокого кризиса. Народные массы, убедившись в безвыходности положения, в тщетности надежд на мирное реформирование общества и постепенную развязку накопившихся проблем, обращаются к радикальному методу — революции. И действительно она дает выход из тупика, включает новые механизмы ускорения и выводит на новый путь развития.

Следовательно, диалектика такова: когда эволюционное развитие общества становится невозможным, наталкиваясь на объективные и субъективные преграды, на смену приходит революция, способная их устранить и вновь расчистить дорогу эволюции.

Возросший интерес общественности к проблеме эволюции и революции, как правило, фокусируется на новейшей истории нашей страны. Не касаясь здесь всего спектра мнений, отмечу, что несостоятельны представления тех, кто полагает, будто в дооктябрьской России шла «нормальная эволюция», а революция, свалившись, как громадный обвал, выбила целый народ из этой колеи и увлекла на путь неоправданного социалистического эксперимента. На самом деле такие особенности русской эволюции, как общая отсталость от стран Запада, экстенсивная форма развития экономики, громадная роль политической надстройки, недемократичность политического строя, слабость «среднего класса» и в связи с этим либерально-реформистского течения в общественном движении, придавленность и угнетенность основной массы трудящихся, и другие дают в итоге отнюдь не «нормальную» форму эволюции.

Сегодня правомерен вопрос: не отходит ли в конце XX века революция в прошлое? Не идет ли ей на смену реформа? Ответ может дать только будущее.

МИХАИЛ НАЗАРОВ

Михаил Назаров живет в Мюнхене. Принадлежит к русской эмиграции «третьего поколения». Долгое время работал в издательстве «Посев». С 1978 года по настоящее время член редколлегии журнала «Посев». Известен на Западе рядом публикаций в журналах «Вестник русского христианского движения», «Вече», «Посев». Выступает и непосредственно в немецкой прессе, где пишет на немецком языке.

Статьей Михаила Назарова «Замысел Божий о России» мы продолжаем разговор о судьбах нашего многострадального Отечества, русском национальном самосознании, превратностях русского миросозерцания, начатый выступлением Александра Янова «Русская идея и 2000-й год» (Родина» № 1, 1990), а также размышлениями на заданную тему Леонида Люкса «Государство правды» («Родина» № 7, 1990).

Но и публикацией Михаила Назарова мы не собираемся ставить точку. Тема будет продолжена. Мы приглашаем к разговору всех, кому дорога Россия, независимо от национальности, вероисповедания, идеологических пристрастий.

ЗАМЫСЕЛ БОЖИЙ О РОССИИ

Разные уровни русской идеи

«Русская идея» — это *замысел Божий о России,* то, для чего Россия предназначена в мире. Этот Замысел не записан в виде какой-то программы, он познается нами лишь в истории — религиозной интуицией, ответно, постепенно, как наш *национальный идеал.* Этот идеал, однако, отражен в словах, поступках и трудах русских святых, богословов, философов, писателей...

С одной стороны, этот идеал очень прост: максимально возможная христианизация не только личной, но и общественно-государственной жизни. С другой стороны, движение к этому идеалу очень сложно, и его практические аспекты обдуманы еще недостаточно. Более того, чем «ниже» мы спускаемся в конкретную жизнь в практическом воплощении этого идеала, тем больше возможны разномыслия и споры о том, как это сделать.

Для бо́льшего понимания важно отметить, что этот идеал в нашей жизни и культуре выражен на разных уровнях. На главном, духовном уровне это идеал святости, «Святая Русь» (он включает в себя и конкретные достижения: духовные подвиги, которые образуют непрерывно нарастающее ядро духовной реальности, и она, в свою очередь, оказывает воздействие на нашу жизнь). На национально-государственном уровне этот идеал выражен в формуле «Москва — Третий Рим», что с самого начала понималось как преемственность ответственности за судьбы христианского мира от первого в истории христианского государства — Византии. Русская идея может — и должна! — иметь также социальную проекцию: конкретные структуры для наилучшего воплощения христианских принципов в жизни общества. Споры о правомерности тех или иных формулировок «русской идеи» возникают и в нашей среде, но, кажется, лишь из-за смешения разных уровней.

Оправдание нации

Есть, однако, довольно большая группа людей и в числе христиан, которые лишены духовной интуиции, необходимой для восприятия национальной идеи. Они считают, что задачи христианина лежат только в плоскости личного самосовершенствования — мол, ведь много раз было сказано апостолом Павлом: «нет различия между иудеем и эллином» (Рим. X,12); «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба и свободного, но все и во всем Христос» (Кол. III, 11).

Эти цитаты, вырванные из контекста, приводятся очень часто. Однако их контекст совершенно ясно говорит о том, что только в наивысших уровнях духа, в соизмерении с Царством Божиим «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. III, 28—29). Неразумно ведь из этих слов выводить, что в земной жизни нет «ни мужеского пола, ни женского» — так же и в отношении народов.

Более того, в Новом завете многократно подтверждается, что в земной жизни именно народы — деятели истории. Христос говорит своим ученикам: «Идите, научите все народы» (Мф. XXVIII, 19). Это подтверждается схождением Святого духа на апостолов, которые обрели знание «иных языков» (Деян. II, 4), причем «все народы» сохраняются до конца времен, когда Господь будет их судить (Мф. XXV, 32).

Это евангельское описание «суда над народами» в конце времен говорит о том, что не только человек,

но и народ наделен каким-то личностным качеством — только в этом случае к нему применимы нравственные требования и суд. *Нация — соборная личность*— так это выразил Достоевский; это личностная ступенька в иерархии духовных ценностей между человеческой личностью и Богом. Поэтому мы вправе применять к нации понятия ответственности, воли, судьбы. Мы вправе иметь для этой ступеньки и общественный идеал. Таким образом, русская идея есть христианский идеал на уровне не только личном, но и национальном.

Наше отличие от Запада

Может быть, первое приближение к проблеме нам даст сравнение русских с другими христианскими народами.

Конечно, Россия — неотъемлемая часть европейской христианской цивилизации, но ее особая часть. Ни у одного народа нет христианской идеи на национально-государственном уровне, только у русских. И это не просто хвастливое утверждение. На Западе тоже чувствуют некую особенность русского духа, говоря даже о таинственной «славянской душе». Многих, правда, эта тайна пугает, или они высокомерно видят особенность славян лишь в их недоразвитости, чрезмерной эмоциональности (в Америке, кажется, в таких случаях принято говорить: «too emotional»). Но кого-то славянская душа притягивает духовным максимализмом — в этом можно видеть главную причину того, что находятся люди в западном мире, пусть очень немногие, которые обращаются к православию, начинают изучать русскую культуру.

Эта русская особенность коренится уже в самом способе познания мира. Разумеется, у всех людей одинаковы инструменты познания: чувства, разум (обрабатывающий сигналы от органов чувств), интуиция (непосредственное проникновение в смысл). Но, кажется, русским более свойственно познание мира *религиозной интуицией* как *органического целого* — в отличие от Запада, где философы проникали в тайны мира, расчленяя его *рассудком* на *составные части* для анализа под «философским микроскопом» (прекрасный пример этому дает величайший западный мыслитель Кант). То есть русские философы интересовались в первую очередь смыслом мира, а западные — его устройством. Соответственно русская философия более религиозна, персоналистична и историософична, а западная — более гносеологична, то есть занята разработкой философских систем и методов познания.

Это отличие хорошо видно на примере такой триады духовных ценностей, как Истина, Добро и Красота — все они в русском представлении нераздельны и обретают конечный смысл лишь в связи друг с другом. Тогда как в западном мышлении эти ценности более автономизированы, независимы друг от друга. Всем известный пример: в русском языке слово «правда» имеет значение и истины, и справедливости (добра). А русское ощущение Красоты в ее неразрывной связи с Истиной и Добром отражено в иконе, которая есть «умозрение в красках» (кн. Е. Н. Трубецкой).

Легко заметить, что в русском православном богослужении и церковном искусстве изначально присутствует более строгое, аскетически-духовное понимание красоты — в сравнении с западным. Этим объясняется и отсутствие скульптуры в наших храмах: она воспринималась как огрубление священного духовного содержания, как чрезмерное смешение его с материей, с плотью. И лишь по мере обмирщения, после внедрения Петром I западных веяний, в русской иконописи и церковной архитектуре появляется столь типичная для западного церковного искусства чувственность, некоторый телесный натурализм, игривость, украшательство.

Или взять область права: в русском ощущении правовые нормы имеют лишь оградительно-упорядочивающий, структурный смысл; они не самодостаточны, ибо структура — это еще не самостоятельное положительное содержание. Западная же общественная мысль в своем рационализме полагается на самодостаточность механическо-правовых норм, порою абсолютизируя их. Поэтому, как отмечали еще славянофилы, на Западе право все чаще диктует этику поведения, в русском же восприятии наоборот: этика как высшая ценность должна определять право — ценность хоть и необходимую, но служебную.

В этой цельности русского восприятия мирового смысла коренится одно из определяющих русских качеств: нравственный максимализм. Именно этим (а не «отсталостью») объясняется долгое отсутствие на Руси «срединного», то есть прикладного, уровня культуры: дело в том, что древнерусский православный человек весь устремлялся к Небу, и его «философией» и «культурой» было само православие. Оно столь глубоко пропитало всю русскую жизнь, что в ней просто не могли не возникнуть русская идея как увенчание русского национально-религиозного самосознания. Этому способствовало и то, что благодаря трудам св. Кирилла и Мефодия Русь получила христианство на понятном всему народу языке. Тогда как на Западе усвоение христианства требовало знания латыни — языка, бывшего привилегией ученого духовенства и недоступного основной массе населения.

К упрекам в «утопизме»

Наши противники говорят: мол, все это утопизм; человек — существо несовершенное, греховное, поэтому утопична и русская идея. Если уж использовать это неточное слово, то это «утопизм» особого рода. Русская идея «утопична» ровно настолько, насколько «утопично» само христианство, которое ставит перед человеком бесконечно высокую, недостижимую цель подражания Христу.

Мы не считаем, что в этом мире, испорченном грехопадением, нам по силам создать «рай на земле». Утопизм такого рода действительно опасен. С. Л. Франк назвал это «ересью утопизма», которая из-за непонимания духовных причин существования зла и греха в мире приводит лишь к умножению зла. Типичная ересь такого рода — безбожный социализм, который вознамерился уничтожить зло простой нивелировкой социальных структур (в том числе разрушением семьи и нации), не отдавая себе отчета, что допускаемые при этом насилие и разрушение станут единственным результатом этой попытки.

Однако, мы утверждаем другое, человеку, созданному по образу и подобию Божию, дана возможность неограниченного самосовершенствования, раскрытия и очищения в себе этого образа и подобия. Близко к истине кто-то выразил это и на светском языке: «Идеалы — как звезды: они недостижимы, но по ним мы определяем свой путь». Так вот: наша звезда — Вифлеемская, а наш идеал — Святая Русь.

О мессианизме и скромности

Конечно, столь громкие «максималистские» определения, как «Святая Русь» и «Третий Рим», не терпят повторения всуе. Они — труднейшее задание; при самовосхвалении они теряют свою онтологическую, то есть бытийную, истину, превращаясь в гордыню. Но гордыня не изначальное их свойство. Наоборот: русской идее как идее христианской присущи скромность, смирение, сознание неотмирности русского национального идеала, что выражено в легенде о скрытом праведном *граде Китеже,* который прекрасно дополняет этот ряд символов русской идеи.

Это же относится к слову «мессианизм»: следует бояться лишь его произнесения всуе, но не его духов-

ного смысла. У этого слова, впрочем, несколько значений, которые часто смешивают.

Первое значение — сознание народом своей избранности для великого дела, своей исключительности по сравнению с другими — «обыкновенными» — народами. Этот тип мессианизма хорошо известен в истории — таково религиозное самосознание еврейского народа.

Как известно, древнееврейское слово «Мессия» (помазанник Божий) переводится на греческий язык словом «Христос». Поэтому христианство в обратном переводе означает не что иное, как «мессианство», понимаемое как многообязывающее следование Христу.

Этот мессианизм не гордыня. Христианство налагает на человека труднейшие обязанности, которые многими воспринимаются как невыполнимые. В этом одна из причин, почему Христа отвергает сегодняшний иудаизм. Этим объясняются и внутренние борения В. В. Розанова, видевшего в христианстве «неоправданное бремя». Мы считаем, однако, что это бремя оправданно как проявление любви к Богу, оно необходимо для нашего духовного роста и поэтому имеет собственную ценность. Главное же — в этом росте смысл и личной жизни, и человеческой истории.

Часто приходится слышать насмешливую критику выражения *«народ-богоносец»:* мол, это претенциозно и нескромно. Но вслушаемся внимательнее: именно *несение* христианского бремени, а не гордыня чувствуется в этом слове. В нем можно видеть еще одно определение русской идеи и лишь другое выражение того факта, что основная масса русского народа выбрала себе самоназванием слово *«крестьяне-христиане».* Это не проявление гордыни, а следование христианскому долгу, в связи с чем В. Соловьев писал, что «в Новом завете все народы, а не какой-либо один, в отличие от других, призваны быть богоносцами».

Если представители других народов не чувствуют в своей среде такого национального идеала — это еще не причина, чтобы отвергать возможность такого идеала у других и называть его «манией» или «опасной химерой». Причем исходный мотив новозаветного мессианизма не стремление переделать других и весь мир (который, по мнению марксистов, «философы до сих пор лишь объясняли»). Это задача понять мир как постоянную борьбу между добром и злом и определить свое место в этой борьбе. Русская идея не насилие над *другими,* а *усилие над собой,* которым, как сказано в Евангелии, «Царство Небесное берется».

Замысел Божий — не автоматизм

Понимание русской идеи как духовного усилия над собой приводит нас к важному выводу. Замысел Божий не есть автоматическое предрешение будущего, для которого ничего не надо делать, мол, все само осуществится. Так как человеку дана свобода воли, этот Замысел может проявляться в судьбе народа как закон с *двоякой* неизбежностью, о чем писал В. Соловьев: если народ познает Божий замысел о себе и следует ему — этот замысел действует в его истории как *закон жизни;* если народ не прилагает усилий познать этот Замысел и не следует ему — тот же закон становится для народа *законом смерти:* народ увядает, не выполнив своего призвания, как растение, не выпустившее генетически заложенного в нем цветка.

Итак, идеалы — это необходимое положительное содержание истории человечества, но она определяется идеалами не в меньшей степени, чем отпадением от них.

Революция как отход от русской идеи

Таким отпадением от русской идеи в сторону закона смерти стала революция в России. Но русская цельность проявилась и в этой трагедии. Не случайно в западной советологии доминирует объяснение коммунизма русским национальным характером. И, справедливо утверждая, что марксизм прямо противоположен православию, нам необходимо все же понять, почему такие русские достоинства, как цельность и нравственный максимализм, могут отбрасывать тени в виде недостатков. Ошибка советологии (иногда намеренная) лишь в том, что она считает первичным тень, а не отбрасывающий ее предмет.

В этой связи, думается, следует осторожнее обращаться с темой покаяния. Конечно, в русской православной традиции не обличать других, а искать вину в себе: «заслужили по грехам нашим» — говорили наши предки даже после нашествия татаро-монголов.

Призывов к покаянию много слышится и сегодня. Но при всем этом покаянном отношении к собственному греху не следует исключать из рассмотрения действие организованных сил зла, которые воспользовались нашим греховным состоянием для нанесения решающего удара. Иначе эти силы останутся нераспознанными, а наше покаянное чувство может быть утрировано до абсурдного утверждения, как, например, в книге Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»: «Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея», принявшая «уродливые формы».

Бердяевские формулировки в этой книге очень небрежны, и его поиск тоталитаризма в русских национальных особенностях можно признать справедливым лишь в одном: русская цельность стала причиной того, что западные идеи не привили русской душе западные нормы, а вскрыли разрушительные силы. Запад победил эгалитарно-социалистические идеи равнодушием; русский же максимализм, своеобразно проявившийся и в среде безбожной интеллигенции, превратил эти идеи в псевдорелигию. Западный плюралистический корабль со множеством внутренних переборок, получая пробоину в одном отсеке, держался на плаву благодаря другим. Русский же цельный корабль потонул от одной пробоины.

Необходимо и сегодня учитывать русскую особенность

Идеология, потопившая русский корабль, себя уже изжила. Но непонимание цельной структуры русской души сегодняшними реформаторами-плюралистами может снова привести к такому же результату. Мы уже видим, что в прорубаемое заново «окно в Европу» на российские просторы первыми хлещут плоды разложения западной культуры, а не ее историческая христианская глубина.

Для проведения оздоровительных реформ и в сегодняшнем «советском человеке» необходимо вычленить неизменную цельность русской души. Необходимо увидеть в национал-большевизме патриотизм, в покорности угнетению — терпеливость и жертвенность, в ханжестве — целомудрие и нравственный консерватизм, в коллективизме — соборность и даже в просоциалистических симпатиях — стремление к справедливости и антибуржуазность как отказ от преобладания материалистических целей в жизни.

Надо отделить привнесенное от национальных достоинств, очистить их и строить будущее на реальностях, а не фикциях. А таким искателям «истинного социализма», как публицист-почвенник М. Антонов, можно предложить формулу Достоевского: *«православие — наш русский социализм».*

Непонимание России Западом

Всего этого не понимает и Запад: даже самые доброжелательные его круги видят свою «помощь перестройке» лишь как переделку русских по своему образцу и готовы оказывать только такую «помощь».

А ведь Россия в своей трагедии осуществила не столько свою судьбу, сколько всечеловеческую. Она показала финал болезни гуманистического безбожия в европейской цивилизации. Запад попытался равнодушно закрыть глаза на это развитие, а Россия в своем максимализме ускоренно прошла весь путь до финала и показала истинность христианских ценностей — их доказательством от обратного.

Столь экстремальный опыт соприкосновения со злом дал уникальный плод мирового значения: русскую философию, которая религиозно осмыслила и опыт коммунистической «ереси утопизма», и западный опыт бездуховной свободы, и неустранимое противоречие между высоким идеалом и человеческим несовершенством. Можно сказать, что русская религиозная философия — это катарсис и путь преодоления не только нашей трагедии, но и общечеловеческого духовного кризиса. И в этом тоже общечеловеческое значение российской революции, хоть оно еще не открыто в полной мере Западом...

Вселенскость происхождения и вселенскость призвания

Здесь мы подходим к такому важнейшему признаку русской идеи, как ее вселенскость, то есть всечеловечность. Сначала подчеркнем *вселенскость происхождения* русской культуры.

Во-первых, оно коренится уже в неотъемлемом качестве христианства как религии универсальной, всечеловеческой (а не расово-национальной). Пропитав свою культуру христианством более других народов, Россия более других впитала и его универсализм.

А во-вторых, само христианство взято нами из его средиземноморского первоистока, из которого вышла вся европейская культура: корни нашего европеизма в эллинско-христианской Византии, а не в реформах Петра, пересадившего с Запада чужой, искаженный европеизм в виде плодов Реформации и секулярного Просвещения. В очищении нашего первоистока лежит и ключ примирения между нашими почвенниками и западниками (сегодняшние западники претендуют быть единственными представителями европеизма, не понимая, в сущности, что это такое...).

Но эта русская вселенскость происхождения приобретает еще один аспект: *вселенскость призвания.* Вспомним знаменитую Пушкинскую речь Достоевского — огромный успех этой речи свидетельствует о том, что Достоевскому удалось выразить в ней важную суть русского духа:

«...назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, быть может, и значит только — стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите». И Достоевский спрашивал: не в том ли задача России, чтобы «внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех народов по Христову Евангельскому закону?»

Ранее ту же мысль выразил К. С. Аксаков: *«Дух нашего народа есть христианско-человеческий». «Русская история имеет значение Всемирной Исповеди» (каким смыслом наполнилась эта фраза в XX веке!). И даже такую парадоксальную мысль высказал Аксаков: «Русский народ не есть народ: это человечество; народом он является от того, что обставлен народами с исключительно народным смыслом и человечество является в нем поэтому народностью» (К. С. Аксаков. ПСС. М., 1889. Т. 1).*

Чтобы правильно понять эти слова, нужно помнить, что пришествие Христа стало центральной точкой мировой истории, от которой не случайно летосчисление идет в обе стороны. Судьбы мира связаны с историей христианских народов[1]. Первым в истории христианским государством стал Рим при императоре Константине. С перенесением его столицы в Константинополь в IV в., после завоевания Рима варварами (476 г.) и после признания на Западе римским императором франкского короля Карла Великого (800 г.),— центр христианской государственности окончательно переместился в этот Второй Рим. А после Флорентийской унии (1439 г.) и взятия Константинополя мусульманами (1453 г.) традицию странствующего христианского царства переняла Московская Русь.

Между прочим, она в каком-то смысле и была частью Византии: Византия считала Русь своей провинцией, а Константинопольский патриарх долго был каноническим главою Русской Церкви. В начале этого периода перенятия преемственности стоит брак св. Владимира с византийской царевной Анной, в конце — брак Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог. Мы переняли от Византии и герб — двуглавого орла. В результате всего этого в XV веке и возникает понятие «Москва — Третий Рим»: здесь и осознание Москвы столицей христианского мира, и ощущение всечеловеческого призвания народа, сохранившего чистоту православия.

К этому добавим, что родившаяся тогда же русская национальная идеология представляет собой еще одну важную сторону русской идеи: освящение власти, то есть поднятие власти к осознанию ее духовных задач, которые только и могут ее оправдать. То есть возвышение царской власти в России не было «выражением церковного сервилизма (церковные круги ведь сами создали идеологию о царской власти), а было выражением мистического понимания истории. Если смысл истории — запредельный (подготовка к Царству Божию), то самый процесс истории хотя и связан с ним, но связан непостижимо для человеческого ума. Царская власть и есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией». Но тот же «Иосиф Волоцкий, который... так возвеличил царскую власть, твердо исповедал, что неправедный царь — «не Божий слуга, но дьявол»,— пишет прот. В. Зеньковский (История русской философии. Париж, 1948. Т. I. с. 50).

В послепетровскую эпоху эта идеология претерпела значительные изменения, но потребность духовного оправдания, освящения государственной власти в русском самосознании никогда не исчезала. Этот вопрос требует специального рассмотрения. Сейчас мы говорим о вселенскости русской идеи, и в этой связи можно согласиться с прот. В. Зеньковским, что именно из ощущения преемственности по отношению к Византии «надо выводить те учения о «всечеловеческом» призва-

[1] В неощущении этого заключается главная ущербность евразийства (которое порою выдается за русскую идею): оно отказывается от причастности к стержню истории, отходит от христианского понимания судеб мира — в географическое толкование российского призвания (а у таких нынешних евразийцев, как уважаемый ученый Л. Гумилев, даже в натуралистическое толкование). Поэтому при кажущейся «всечеловечности» евразийства оно скорее похоже на попытку бегства от российского духовного призвания. Ибо всечеловечность — не расплывчато-аморфное стремление объять необъятное; она обостренно конкретна в стремлении понять историю в ее главной точке развития, имеющей смысл для всех (прим. автора).

нии России, которые заполняют историософские построения первой половины XIX века».

Значение русской идеи для современного мира

В прошлом разговоры о русской идее выглядели как романтическая неудовлетворенность западным рационализмом и несовершенством человеческого бытия. В сегодняшнем мире, при небывалом нарастании греха, речь идет не об отстаивании русской особенности, а о единственном пути спасения мира — это самый непосредственный фактор, побуждающий нас к христианскому «мессианизму», то есть к рассмотрению русской проблемы в рамках общечеловеческой судьбы. Именно это русские мыслители в эмиграции, усвоив опыт обеих общественных систем, отразили в своем творчестве.

Русские грешат не меньше других народов — писал Достоевский,— но они воспринимают грех именно как грех, не ища ему оправдания. Так это или нет, но сегодня в этих словах можно видеть глубочайшее различие между прежним состоянием всего мира и сегодняшним. Сегодня размыто ощущение между добром и злом, утрачены сами критерии греха, что позволяет злу выступать под маской добра. Маска марксизма уже сброшена. Но на Западе силы зла избрали другую маску — и лицо, спрятанное за ней, увидено далеко не всеми.

Прежде всего его не рассмотрели наши западники, которые судят о Западе именно по этой маске: высокий уровень жизни, личные свободы. «Прорабы перестройки» в сегодняшнем СССР стремятся вернуть Россию в «общечеловеческую семью» народов, не отдавая себе отчета в проблемах этой «семьи». Свобода, демократия, рынок выдвигаются в виде некоей панацеи, которая автоматически оздоровит страну. Отсутствует понимание того, что все это действует лишь при правильном духовном наполнении, при ощущении абсолютных ценностей. Западные демократии существуют в историческом масштабе очень короткий срок, и сохранившийся на Западе христианский фундамент еще скрепляет их. Но что будет по мере дальнейшего разрушения этого фундамента?

Непонимание этого царит и на самом Западе: такова нашумевшая статья американца Фукуямы «Конец истории» — о том, что в западном мире уже достигнуто окончательное общество, лучше которого ничего не возможно. Общество, в котором идеологическое творчество заменяется экономическим расчетом, комбинацией хозяйственно-экономических мотивов. Сходные мысли представлены и в книге француза Жана Бодрийяра «Америка». Он пишет, что Америка — это «рай», ибо американцы осуществили «выход из истории и культуры», у них «мир без прошлого и без будущего — только настоящее», что «у человечества нет другого выхода: оно неизбежно придет к американской модели», но «добиться американского результата можно только путем отказа от старого культурного багажа, чтобы не сказать хлама», ибо традиционная «культура связывает»; «будущее принадлежит людям, забывшим о своем происхождении, тем, кто не отяготил себя старыми европейскими ценностями и идеалами».

Здесь верно подмечены черты американской цивилизации, бросающиеся в глаза европейцу, но истолкованы они в совершенно безрелигиозном духе: «Спасение не в Боге, не в государстве, а в идеальной форме практической организации жизни»,— пишет Бодрийяр. А что касается Истины: «Верно лишь то, что работает...»

То есть самодовольное непонимание России Западом коренится в разном отношении к целям цивилизации, и фраза «Спасение не в Боге...» грозит обернуться иным «концом истории»: апокалипсисом. Зерно предоставленного самому себе человеческого эгоизма неизбежно даст такой плод: саморазрушение здесь запрограммировано — думаю, в этом глубочайший смысл слов апостола Павла: «...Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фессал. II, 7—8). На этом уровне русская идея есть стремление выполнить роль Удерживающего.

Опасности западного развития

Характерное саморазоблачение западной утопии дает один из главных противников русской идеи — А. Янов. Он пишет, что отцы американской конституции не верили, что добродетель способна когда-либо нейтрализовать порок, «вместо этого отцы конституции полагались на *способность порока нейтрализовать порок*» («Русская идея и 2000-й год». Нью-Йорк, 1988, с. 46). Вслушаемся в эти слова! Это прямое указание на того, «кто» стоит за маской современной западной утопии.

Устойчивое общество невозможно построить на пороке. Ведь выбивать порок пороком, как клином, нельзя до бесконечности: когда-то треснет, расколется сам ствол жизни, в который забивают все более крупные клинья...

А размер «клиньев» все растет, особенно в области науки, мнящей себя «по ту сторону добра и зла». Несколько месяцев назад радио «Свобода» сообщило о новом достижении американских ученых: бычкам вводятся человеческие гены, ускоряющие прибавку мяса. Так что скоро люди будут есть человеческие гены. В этом можно видеть символ материального самопожирания человечества, забывшего о заповеди Христа, что «кроткие наследуют землю» (Мф. V, 5)...

Сама западная экономическая система построена на принципе непрерывного роста, и ей требуются все более крупные «клинья». А когда вся земля освоена, новые рынки сбыта уже ищутся не на заморских территориях, а в духовном мире самого человека, в огромном континенте его инстинктов, где открываются и поощряются все новые виды потребностей и удовольствий.

Происходит энтропийный процесс смещения высших и низших уровней человеческого бытия (в этом смысл так называемой «сексуальной революции»: человек перестает различать животный и духовный уровень своей природы). Идет процесс устранения абсолютных ценностей и отказа от самого понятия греха. Это видно на понимании свободы: плюрализм из естественного уважения к свободе человека (что неразрывно связано с христианским пониманием человеческой личности, созданной по образу и подобию Божию) превратился в агрессивную войну против тех, кто не разделяет равнодушного отношения к Истине.

Эту агрессию можно видеть и в отношении к русской идее: она никому не угрожает, мы просто хотим быть лучше, хотим напомнить миру о его смысле, о его духовных истоках. Но почему-то нас за это обвиняют в «православном нацизме» и выпускают книги с заведомо кощунственными обложками (монтаж иконы и советского герба на обложке книги А. Янова «Русская идея и 2000-й год»). Почему-то автор этой книги утверждает, что русская идея «во сто крат опасней советских похождений в Африке» (с. 21), и настойчиво рекомендует западным политикам: «Если за последнее полутысячелетие существовал момент, когда Западу была жизненно необходима точная, продуманная и мощная стратегия, способная повлиять на исторический выбор России, то этот момент наступил сейчас, в ядерный век, перед лицом ее развертывающегося на наших глазах национального кризиса» (с. 31—32).

Комментарии, как говорится, излишни.

Кто даст душу миру?

Еще в прошлом веке эти агрессивно-плюралистические идеи хоть и были в наступлении, но не господствовали над миром открыто. Они были вынуждены маскироваться. Сегодня эти идеи приобрели вид некоей вселенской миссии космополитической демократии (в духе Фукуямы), в распоряжении которой мощнейшие экономические и финансовые инструменты. В этих условиях отстаивание русской идеи может превратиться в еще один виток противостояния между Востоком и Западом. Причем задачу космополитических сил Запада облегчают и экономическая катастрофа социализма, и иллюзорные надежды многих людей в России на бескорыстную помощь «свободного мира».

Однако мы не можем уклониться от этого противостояния: сегодня русская идея как идея христианской цивилизации приобретает всечеловеческий аспект не потому, что мы выдвигаем эту претензию, а потому, что спасение мира возможно лишь на этом пути.

Мы не отвергаем западную цивилизацию. Мы лишь обеспокоены ее развитием, будучи сами к ней причастны. Славянофилы писали, что Россия призвана не отвергать, а восполнить западную мысль, облагородить и осуществить цели западной — христианской — культуры. «Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотой слога»,— надеялся И. В. Киреевский (1827 г., письмо Кошелеву). Сегодня к этому можно добавить и задачу религиозного наполнения таких секулярных гуманистических ценностей, как демократия, право, научный прогресс, то есть преодоление секуляризма через усвоение его некоторой физической «правды» и отсечение его метафизической «лжи».

Наиболее чуткие западные мыслители, как, например, Гердер, Шпенглер, менее известный Вальтер Шубарт, также возлагали надежды на Россию, что ее философские традиции «могут послужить обогащению в высшей степени обедненного современного западноевропейского и американского мышления» — так говорит сегодня президент Католического университета в Айхштетте (Бавария) Н. Лобковиц («Беседа» № 3, с. 189, 190).

Одна из реакций на эту обедненность Запада — молодежное движение хиппи, отказывающееся от обездуховленного понимания смысла жизни и ищущее истину в наивной простоте. На философском уровне ту же реакцию можно видеть в западном экзистенциализме, который в этом родствен романтической реакции на позитивизм XIX века; только та реакция происходила еще в условиях непрерванной традиции, а в XX веке она рождается из бездны неверия, при утрате абсолютных критериев...

Эту оценку Запада дают и два наших видных современника: А. Солженицын (напр., в Гарвардской речи) и И. Шафаревич (статья «Две дороги к одному обрыву» — «Новый мир», 1989, № 7). Тех же, кто призывает нас к отказу от гордыни и к «христианской скромности», можно вернуть к вопросу: вправе ли христиане не ставить себе этой задачи спасения мира — Божьего творения? Ведь так же как неслиянно-нераздельно соединено божественное и человеческое во Христе, так и от духовных целей христиан неотъемлемо стремление устроить нашу жизнь на земле в соответствии с Христовой истиной.

Даже если в конечном счете эта задача окажется не под силу человечеству (ибо человеку победить зло в мире невозможно, эта битва требует иного разрешения), то уже сами наши усилия приобретают самостоятельную ценность, значение которой мы сейчас не способны оценить в полной мере. Дело не в количестве достижений: не зря говорится, что малое число праведников спасает мир.

Развитие человечества измеряется не столько материальным прогрессом, который сам по себе способен вести и к деградации, сколько духовным совершенствованием. Этот путь труден, бесконечен, но нельзя отказываться от него как цели. Миссия русских — в напоминании о ней. В своей революции мы напомнили об этой цели демонстрацией от противного: показали, что получается при отказе от абсолютных ценностей. После такого опыта мы можем заставить мир относиться к себе серьезнее лишь положительными достижениями, а не только громкими словами об идеале. Сейчас Россия стоит перед решающим испытанием: достойны ли мы того предназначения, которое было замыслено для нас Богом.

Если учесть особенности русского характера (не слишком стремящегося к благополучию и к рациональной организации жизни), не особенно верится, что Россия когда-либо станет лидером экономического прогресса. Но задача России в этом и не заключается. Как писал В. Соловьев: *«Такой народ... не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать жизнь и цельность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом»*. Материальное благополучие, достаточное для достойной жизни, к этому само приложится.

Исполнит ли Россия свое призвание, даст ли душу стремительно объединяющемуся человечеству или же прагматический космополитизм даст ему свою? Во всяком случае, если Россия для чего-то нужна человечеству, то не для расширения сферы действия международных банков и монополий, чтобы они и у нас выбивали порок пороком. Россия нужна в той уникальной роли, которую готовили русские святые, о которой говорили и русские, и наиболее чуткие западные мыслители. Ради этой цели стоит быть русским.

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР ИЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК?

П. А. Столыпин не был профессиональным политическим деятелем-карьеристом. Не живи он в страшное переломное время, когда наше тысячелетнее государственное здание повисло над бездной, его жизненный путь сложился бы, вероятно, иначе.

Он увлекался поэзией, хотя сам не имел стихотворного дара. В его студенческой квартире собирался литературный кружок, где в монументальном кресле, способном выдержать его тяжеловесность, царствовал поэт Апухтин.

Он любил природу, что так ярко изобразил в своем «Красном колесе» Александр Исаевич Солженицын. Был близок к крестьянскому люду. Садился около той или иной крестьянской избы, пил принесенный ему стакан молока и беседовал с нашими литовскими крестьянами.

То, что П. А. Столыпин был бесстрашным, в достаточной мере показано А. И. Солженицыным. Можно добавить, что, будучи в разъездах по Саратовской губернии, П. А. Столыпин послал моей матери короткую записку: «Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов». А когда в 1905 г. саратовские террористы приговорили меня к смерти путем отравления (я был тогда двухлетним ребенком) и моя мать от страха потеряла голову, отец остался невозмутим: «Я буду продолжать свое дело. Да сбудется воля Господня!»

Государственную власть принял он как тяжелый крест. Ознакомившись с общим положением дел империи, понял, что нельзя терять ни минуты. Работал, порою целыми ночами, что в конце жизни отразилось на состоянии его сердца. Спешил каждый вечер окончить работу, положенную на этот день. Глядя на часы, говорил порой с горечью: «Идете, проклятые!..»

П. А. Столыпин тосковал порою, когда думал о будущем России, говорил моей матери: «После моей смерти одну ногу вытащат из болота — другая завязнет». Это опасение усугублялось тем фактом, что отцу трудно было подыскать сотрудников. Были чиновники честные и преданные своему делу. Но почти не было людей, обладавших подлинным государственным мышлением. Разрыв, происшедший еще в прошлом веке, между государственным аппаратом и либеральной интеллигенцией, приносил свои горькие плоды. Переговоры с лидерами кадетской партии привели к полному разочарованию. Не считаясь ни с чем, Милюков и его коллеги надменно требовали полноты власти (всем известно, что произошло в феврале 1917 года, когда они власть получили). Наконец, мой отец сказал царю: «Я охотнее буду подметать снег на крыльце вашего дворца, чем продолжать эти переговоры...»

Неосуществленное преобразование касалось децентрализации — разделения империи на области, располагающие правами самоуправления, при наличии в этих областях представительных учреждений.

Согласно намерениям П. А. Столыпина реформа должна была быть осуществлена в областях, представлявших однородное целое если не всегда в этническом, то по крайней мере в экономическом и бытовом отношении.

Составление проекта о децентрализации мой отец поручил Крыжановскому в 1907 году.

Согласно проекту значительная часть империи должна была быть разделена на одиннадцать областей. В каждой из них — областное земское собрание и областное правительственное управление. Туда должны были быть привлечены местные деятели. Областные земские собрания, образуемые на общих основаниях, принятых для земских выборов, получали широкое право местного законодательства по всем предметам, не имевшим общегосударственного значения.

Проект этот был в 1909 году представлен на рассмотрение императора с обстоятельно мотивированным на этот счет докладом П. А. Столыпина. Но, как это бывало порой, реакция царя была двойственной и нерешительной. Предлагаемым преобразованиям он выразил свое полное одобрение, но решил отложить этот вопрос до того, как окончательно выяснятся результаты сотрудничества правительства с Третьей думой. Оттяжка оказалась равносильной отказу. Убийство моего отца положило конец этому замыслу.

Даже в случае безоговорочной поддержки царем децентрализация заняла бы много времени и натолкнулась бы, вероятно, на ряд препятствий в наших законодательных палатах...

Реорганизация администрации соответствовала политическим и социальным требованиям того времени. Состав наших чиновников, служивших в провинции, увеличивался количественно, но не качественно. А между тем с развитием промышленности и техники на местах возникали все новые задачи. Это было чувствительно особенно на окраинах государства. Поэтому в проекте предлагалось «ограничение русификационной политики и привлечение к управлению окраинами местных элементов».

Преградой к реорганизации на самых низах государственного здания являлась сословная иерархия. Во главе уездов стояли уездные предводители дворянства. Но по причинам обеднения дворянства еще в конце прошлого столетия многим предводителям приходилось служить в городах и появляться в своих уездах изредка. Связь между уездом и дворянством была подорвана. А между тем крепли и добивались права голоса другие слои населения: промышленники и купцы, городская интеллигенция, крестьяне-собственники и т. д. Учитывая это, в проекте предлагалось вместо предводителей дворянства поставить во главе уездов уездных начальников из местной среды, назначенных министром внутренних дел.

Ступенью выше проект предполагал объединение дотоле разрозненного управления в губерниях под руководством губернаторов. Архаическое раздробление властей в губерниях способствовало в 1905 году распространению смуты. Усиление власти губернатора должно было предотвратить повторение таких событий.

Параллельно с этим был разработан проект реорганизации полиции. Численность ее в те времена была далеко не достаточной. Сообразуясь с размерами страны, она была в пять раз малочисленнее, чем во Франции, и в семь раз меньше, чем в Великобритании.

В области технических средств для борьбы с беспорядками наша полиция находилась в отсталом состоянии. Это привело к роковым последствиям в пору революционных волнений 1905 года, а затем и в пору Февральской революции...

Настала пора практического осуществления. Ранее, чем представить проекты в законодательные палаты, решено было их рассмотреть в недавно созданном Совете по делам местного хозяйства, по выражению П. А. Столыпина,— в «Преддумии». В нем участвовали наряду с чиновниками представители нашей интеллигенции. И тут зачинателей преобразования постигло разочарование. Проект натолкнулся на резкую оппозицию значительного числа членов этого Совета. Как пишет Крыжановский, «оппозиция эта велась главным образом за кулисами, вне заседаний Совета, так как против цифр спорить было нельзя. А цифры были оглушающие».

Итак, это преобразование было остановлено на полном ходу. До рассмотрения проектов в Государственной думе дело не дошло. А преемники моего отца отложили это дело в долгий ящик. Административный и полицейский фундамент империи остался в архаическом состоянии, совершенно не приспособленном к новым требованиям, выдвинутым жизнью. Государству и народу пришлось тяжело за это поплатиться, когда настали грозные времена...

АРКАДИЙ СТОЛЫПИН

Париж, 1986

ПЕТР СТОЛЫПИН: СКРОМНЫЙ, НО ВЕРНЫЙ ПУТЬ

(Из речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности, произнесенной в Государственной думе 10 мая 1907 года)

Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения этого вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту...

Переходя к предложениям разных партий, я прежде всего должен остановиться на предложении партии левых... Признание национализации земли, при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история. Но это, конечно, не довод против предложения левых партий, если это предложение будет признано спасительным. Предположим же на время, что государство признает это за благо, что оно перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного, образованного класса зем-

левладельцев, что оно примирится с разрушением редких культурных очагов на местах,— что же из этого выйдет? Что был бы, по крайней мере, этим способом разрешен, хотя бы с материальной стороны, земельный вопрос? Дал бы или нет возможность устроить крестьян у себя на местах?

На это ответ могут дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой — по 185 дес., в Архангельской — даже по 1309 дес., в 14 губерниях недостало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих. Четвертая часть частновладельческих земель находится в тех 12 губерниях, которые имеют надел свыше 15 десятин на двор, и лишь одна седьмая часть частновладельческих земель расположена в 10 губерниях с наименьшим наделом, т. е. по 7 десятин на один двор. При этом принимается в расчет вся земля всех владельцев, то есть не только 107 000 дворян, но и 490 000 крестьян, купивших себе землю, и 85 000 мещан,— а эти два последние разряда владеют до 17 000 000 десятин. Из этого следует, что поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах; придется прибегнуть к тому же средству, которое предлагает правительство, то есть к переселению; придется отказаться от мысли наделить землей весь трудовой народ и не выделять из него известной части населения в другие области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается из цифр прироста населения за 10-летний период в 50 губерниях европейской России. Россия, господа, не вымирает; прирост ее населения превосходит прирост всех остальных государств всего мира, достигая на 1000 человек 15 в год. Таким образом, это даст на одну европейскую Россию всего на 50 губерний 1 625 000 душ естественного прироста в год, или, считая семью в 5 человек, 341 000 семей. Так что для удовлетворения землей одного только прирастающего населения, считая по 10 дес. на один двор, потребно было бы ежегодно 3 500 000 дес. Из этого ясно, господа, что путем отчуждения, разделения частновладельческих земель земельный вопрос не разрешается. Это равносильно наложению пластыря на засоренную рану. Но, кроме упомянутых материальных результатов, что даст этот способ стране, что даст он с нравственной стороны?

Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию. Всё и все были бы сравнены, земля стала бы общей, как вода и воздух. Но к воде и воздуху не прикасается рука человеческая, не улучшает их рабочий труд, иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была бы плата, на них установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распределилась бы между гражданами, отчуждалась бы у одних и предоставлялась бы другим местным социал-демократическим присутственным местом, что эта земля получила бы скоро те же свойства, как вода и воздух. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать к ней свой труд с тем, чтобы результаты этого труда перешли к другому лицу,— этого никто не стал бы делать. Вообще стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданин — а между ними всегда были и будут тунеядцы — будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено,— но нельзя ленивого равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самою силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле...

Теперь обратимся, господа, к другому предложенному нам проекту, проекту партии народной свободы. Проект этот не обнимает задачу в таком большом объеме, как предыдущий проект, и задается увеличением пространства крестьянского землевладения. Проект этот даже отрицает, не признает и не создает ни за кем права на землю. Однако я должен сказать, что и в этом проекте для меня не все понятно, и он представляется мне во многом противоречивым...

Вообще, если признавать принцип обязательного количественного отчуждения, то есть принцип возможности отчуждения земли у того, у кого ее много, чтобы дать тому, у кого ее мало, надо знать, к чему это поведет в конечном выводе,— это приведет к той же национализации земли. Ведь если теперь, в 1907 г., у владельца, скажем, 3000 десятин будет отнято 2500 десятин и за ним останется 500 десятин культурных, то ведь с изменением понятия о культурности и с ростом населения он, несомненно, подвергается риску отнятия остальных 500 десятин. Мне кажется, что и крестьянин не поймет, почему он должен переселяться куда-то вдаль ввиду того только, что его сосед не разорен, а имеет, по нашим понятиям, культурное хозяйство. Почему он должен идти в Сибирь и не может быть направлен — по картинному выражению одного из ораторов партии народной свободы — на соседнюю помещичью землю. Мне кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отменяется; она изъемлется из области купли и продажи. Никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть через несколько лет отчуждены. Докладчик партии прикидывал цену на отчуждаемую землю в среднем по 80 рублей на десятину в европейской России. Ведь это не может поощрить к применению своего труда к земле, скажем, тех лиц, которые за землю год перед тем заплатили по 200—300 рублей за десятину и вложили в нее все свое достояние.

Но между мыслями, предложенными докладчиком партии народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себе самое серьезное внимание. Докладчик заявил, что надо предоставить самим крестьянам устраиваться так, как им удобно. Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы действительно поможем населению. Нельзя такого заявления не приветствовать, и само правительство во всех своих стремлениях указывает только на одно: нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает...

Где же выход? Думает ли правительство ограничиваться полумерами и полицейским охранением порядка? Но прежде чем говорить о способах, нужно ясно себе представить цель, а цель у правительства вполне определенна: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина

богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами. Теперь же надлежит немедленно браться за незаметную черную работу, надлежит сделать учет всем тем малоземельным крестьянам, которые живут земледелием. Придется всем этим малоземельным крестьянам дать возможность воспользоваться из существующего земельного запаса таким количеством земли, которое им необходимо, на льготных условиях.

Здесь нападали и на Крестьянский банк, и нападки эти были достаточно веские. Была при этом брошена фраза: «Это надо бросить». По мнению правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дело надо улучшать. При этом должно, быть может, обратиться к... мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на том соображении, что государство есть один целый организм и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю.

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупало бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в настоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом, вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87-й статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. Способ этот более гибкий, менее огульный, чем тот способ повсеместного принятия на себя государством платежа половинной стоимости земли, которую предлагает партия народной свободы. Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет, при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представился бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной России оно создаст еще класс разоренных вконец землевладельцев. Обязательное отчуждение действительно может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться главным образом тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими землей, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства — устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы...

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! □

ОППОНЕНТ МИНИСТРА

Он был самый-самый. Самый молодой губернатор, самый молодой министр на самом важном посту в Российской империи, самый молодой глава правительства, вершитель самого крупного государственного дела после отмены крепостного права. Его имя гремело по всей стране. В «двенадцатибалльный шторм» 1906 года он возглавил Совет Министров и одержал верх в борьбе с наступавшей и такой близкой к победе революцией. И он же взялся за переустройство всей прежней деревенской жизни, дабы стомиллионное крестьянство превратилось в неисчислимую армию собственников.

В Саратове, где Петр Аркадьевич Столыпин губернаторствовал с 1903 года, он воочию убедился, что жить по-старому уже нельзя. В 1906 году Столыпин возглавил Министерство внутренних дел и продолжал считать, что спасение не в военной силе, главная задача — перебросить мосты через пропасть вражды, отделяющей миллионы бунтовщиков от правительства. Самая первая необходимость — выйти из изоляции, в которой оказалась власть. Будучи премьер-министром, Столыпин говорил, что «пред Государем — три дороги — реакции, передачи власти кадетам и образования коалиционного министерства с участием общественных деятелей... Путь реакции нежелателен, кадеты скомпрометировали себя Выборгским воззванием (призывом оказать ненасильственное сопротивление правительству в ответ на разгон Думы.— **Ю.С.**)... остается третий путь, имеющий особенное значение ввиду предстоящих выборов. Задача правительства — проявить авторитет и силу и вместе с тем идти по либеральному пути, удерживая Государя от впадения в реакцию и подготовляя временными мерами основы тех законов, которые должны быть внесены в будущую Думу».

Переговоры нового премьер-министра с либералами остались безрезультатными. Но аграрная реформа набирала силу: осенью 1906 года был издан важнейший указ, предоставлявший свободу выхода из общины. Намечались меры, которые должны были освободить крестьянина из-под власти сельского мира, уравнять в правах с поместным дворянством. Замысел этот встретил яростное сопротивление бывших крепостников, увидевших в равноправном крестьянине не союзника, а сильного врага.

В изображении консерваторов Столыпин выступал пособником, если не посланцем сил, стремившихся ниспровергнуть существующий строй и для начала покончить с самодержавием. Среди неутомимых сокрушителей премьер-министра-реформатора был князь Михаил Андроников — знаменитость петербургского политического мира. Не занимая никакого официального положения (всего-то будучи причисленным к Министерству внутренних дел), он по праву считался закулисным вершителем больших дел. К нему относились, как к своему человеку, министр финансов Коковцов, обер-прокурор Святейшего Синода Саблер, дворцовый комендант Воейков, министр Императорского двора Фредерикс, начальник его канцелярии Мосолов и многие другие важные особы. Он мог прямо обратиться к царю и обеим императрицам по важнейшим политическим вопросам, давал советы самому государю.

Политические средства Андроникова были незамысловаты. Великолепно работал излюбленный прием — преподнесение нужным людям ценных и трогательных подарков. Искусно князь закидывал сети, в которые ловилась рыбка большая и маленькая.

Этот человек и стал умным, опасным критиком важнейших действий Столыпина. Публикуемая сегодня впервые записка предназначалась для Николая II. Она содержит немало острых, убедительных выпадов против правительственного курса. Можно предполагать, что Андроников сыграл не последнюю роль в провале столыпинской политики, совершившемся задолго до убийства самого премьера эсером Д. Г. Богровым 1 сентября 1911 года. О том, насколько зыбки были позиции Столыпина накануне покушения, свидетельствуют слова, сказанные о его гибели императрицей его преемнику Коковцову: «Мне кажется, что Вы очень чтите его память и придаете слишком много значения его деятельности и личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало... Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место и что это для блага России». Это высказывание царицы Коковцов сопроводил собственным комментарием: «...мне было ясно одно: о Столыпине, погибшем на своем посту, через месяц после его кончины уже говорили тоном полного спокойствия, мало кто уже и вспоминал о нем, его глубокомысленно критиковали, редко кто молвил слово сострадания о его кончине».

Не стало Столыпина — заглохла и созданная им политическая система. Объяснить его падение просто тем, что ему пришлось иметь дело с «неудачным» царем, как о том иногда пишут за границей, значит видеть лишь лежащее на поверхности. Корни столыпинского провала надо искать в реформе 1861 года, после которой старая власть стала антитезой развернувшимся в стране преобразованиям. Самодержавие было чем-то вроде вечной мерзлоты, очень трудно поддававшейся внешним воздействиям.

Необходимо осознать неразрешимость кризиса системы, уцелевшей после пожара первой революции. Столыпин хотел сделать крестьянина-собственника точкой опоры и совершить коренной переворот жизни, но при этом сохранить старую общественную структуру.

Глубокой подпочвой, на которой держался весь прежний порядок жизни, оставалось дворянское землевладение. Русский помещик и после революции не преобразился в прусского юнкера — одного испуга оказалось для этого недостаточно. К союзу с новыми, буржуазными элементами деревни, которым столыпинская реформа открывала широкий простор, дворянство было не готово и видело в сельских капиталистах не столько подмогу и опору, сколько конкурентов и соперников.

Гибель Столыпина — очередное крушение попыток начать старыми картами новую игру.

ЮРИЙ СОЛОВЬЕВ,
доктор исторических наук

МИХАИЛ АНДРОНИКОВ: БУТАФОРСКАЯ РЕФОРМА

За период отсутствия из России Государя Императора (царь в ноябре 1910 года побывал в Германии.— **Ю. С.**) определилось в нашем обществе несколько любопытных настроений. Деятельность премьера приобрела такую окраску и такие черты, что приходилось все чаще и чаще слышать весьма странный в России вопрос: «Государь еще царствует или отрекся от престола и своим заместителем сделал Столыпина?» И как ни нелеп, казалось, этот вопрос, но он невольно приходит в голову многим, т. к. за последнее время фигура премьера сильно заслоняет собой Государя и это вызывает недоумение и соблазн.

Для наглядного примера следует обратить внимание на последнюю триумфальную поездку г. Столыпина по Сибири и по хуторам (в сентябре 1910 года.— **Ю. С.**). Кому попадется напечатанная в газетах инструкция местным властям о встречах премьера и сопровождавшего его г. Кривошеина, тот может подумать, что дело идет о поездке по крайней мере высочайших особ. Да и о великих князьях никогда ранее таких инструкций не давали.

С такой же помпою осматривались новоучрежденные хутора в европейской России для людей местных, видящих вещи, как они есть, а не так, как их воспевает официозная печать, давно уже ясна вся несерьезность аграрных увлечений г. Столыпина. На один жалкий, на казенный счет устраиваемый бутафорский хутор, который показывают совершенно так же, как картонные деревни по Днепру в путешествие Екатерины, приходятся, увы, сотни брошенных наделов, обездоленных жен и сирот и пропойц домохозяев, ставших пролетариями. Деревенская голь растет сотнями тысяч и скоро начнет расти миллионами, нарушая заветы и оскорбляя священную память Царей: Освободителя крестьян и Охранителя их землевладений. Куда денет г. Столыпин эту страшную армию все растущего пролетариата? Какою работою он ее обеспечит и где даст приют? А между тем как проста и ясна задача правительства дать свободный выход из общины тем, кому в ней тесно, давая одновременно помощь и содействие общине там, где она еще жива и жизнеспособна. Поднимать земледелие всей страны, не деля ее искусственно на овец-хуторян, столь любезных сердцу г. Столыпина, и козлищ-общинников, оставляемых без всякой помощи и доводимых до отчаяния. Создается постепенно такое положение, что в деревне уже становится невозможно жить. Оторвавшийся от земли мужик, пропивший свою кормилицу, обращается в хулигана, в парижского апаша, поджигает, грабит, вламывается в церкви, ибо с потерей земли и своего старого «мира» ему терять уже нечего. И с ужасом ждут сериозные элементы деревни, к чему все это приведет и чем кончится, тем более что спасение деревни путем строгих законов, обеспечивающих собственность и порядок, в правительственную программу, по-видимому, вовсе не входит.

В самом деле, в какой стране может быть терпимо почти безнаказанное воровство сена из стогов в поле, снопов из скирд и т. д.? Какими средствами может сельский хозяин предупредить умышленный выпуск скота на его поля, массовое браконьерство всякого рода, при котором сторожа или не решаются идти ловить воров и их скот или способствуют грабежу сами? Наши законы налагают прямо смешные наказания за явное грабительство и этим совершенно останавливают земледельческую культуру. Эти законы должны быть пересмотрены и карты усилены немедленно [...]

В министры приглашаются родственники и свойственники г. Столыпина. Портфели иностранных дел и просвещения уже отданы гг. Сазонову и никому не ведомому Кассо. За кем очередь? Весьма возможно, что у г. Столыпина есть в родстве кто-нибудь, изучавший финансы по университетским или лицейским тетрадкам. Может быть, идут уже переговоры?

Можно сознавать все неприятные стороны характера и не быть поклонником Владимира Николаевича (Коковцова.— **Ю. С.**), но нельзя не признать, что в эту минуту только он и Сухомлинов держатся независимо и составляют бельмо на глазу у столыпинской диктатуры. И вот удивительно ловко начинают подкапываться под г. Коковцова: не успели гг. министры вернуться из своего триумфального шествия, как уже готов проект: отобрать у Коковцова банк Дворянский и Крестьянский. Если удастся получить на это согласие Государя, Коковцов, конечно, уйдет, и место столыпинскому родичу готово.

А затем уйдет Коковцов, уйдет Сухомлинов, которому при его рыцарском характере так легко подставить ножку или устроить ловушку,— и дело сделано, правительство будет действительно «объединено». Группа столыпинской родни и нескольких благочестивых ничтожеств вроде гг. Лукьянова, Харитонова, Щегловитова, Тимашева и пр., дрожащих за свои портфели и смотрящих на премьера как на непосредственное начальство. При этих условиях самовластие г. Столыпина получит новый простор, а Государь будет еще полнее изолирован и лишен возможности знать правду и поправлять действия правящего механизма.

Невысокий полет указанного выше персонала и отсутствие всякого чувства независимости перед премьером не мешает, однако, многим из гг. министров быть до крайности ревнивыми к личной инициативе Государя. Достаточно было, например, Государю одобрить потешных и пожелать широкого применения в гражданских школах военной выправки и воспитания, чтобы Министерство просвещения постаралось тотчас же парализовать осуществление высочайшей воли. Все это делается благонамеренно и незаметно, и все направлено к тому, чтобы постоянными неудачами охладить у Государя желание проявить личную инициативу. Никогда еще эта старая повадка бюрократии не достигала таких широких размеров и такой планомерности, как при г. Столыпине.

Его мания величия, на этой почве разросшаяся, уже начинает граничить со смешным. Всем известно, что г. Столыпин уклонился от ревельских торжеств только потому, что ему уже «неуместно» играть вторую роль, раз представительство Государя поручено великому князю.

Вот в каких формах, с каким персоналом и при каких условиях идет работа Правительства великой державы. Становится для всех очевидным, до какой степени не отвечает оно своему положению и своим огромным и тяжким государственным задачам. И в какой момент!..

Мысль отказывается представить себе размер будущей неминуемой мировой борьбы, где все ужасы обещают обрушиться на Россию. Она в центре событий, она главный театр войны. Наши опасности и задачи так огромны и сложны, что перед ними задумались бы и Бисмарк, и Гладстон, и Кавур. А у нас вместо Бисмарков и Гладстонов гг. Столыпины с шириною взглядов провинциальных вице-губернаторов, убеждениями и нравственными качествами Ивана Александровича Хлестакова, приемами и манией величия политических parvenus.

Вот откуда тот пессимизм, та беспросветная апатия, которая как удушливый туман окутала наше общество и парализует всякие силы и порывы. Равнодушно и чуть ли не злорадно смотрят наши современники, как рушатся алтари и престолы, как язва социализма все расширяется и готова пожрать старое общество. Никто никому не верит, никто ничего не ждет. Разгорается только злоба и ненависть на почве последней борьбы между церковью и все заливающим неверием, между монархией и неизведанными еще в России формами государственного строя, коих логический конец — разложение государства и анархия. И каким жалким и бессильным в этой борьбе является кабинет г. Столыпина!..

Страшный и последовательный ход истории неудержим. Старые государственные люди один за другим сходят со сцены, а более молодые поколения выходят на дело. Дай бог, чтобы среди них нашлись наконец люди, которые с твердой верой в бога, истинной любовью к царю и народу, могли бы отвратить нашу Родину от неминуемой гибели, к которой могут ее привести случайные люди, капризно брошенные судьбой на вершины государственного здания.

БЫВШИЙ. СЕГОДНЯШНИЙ. БУДУЩИЙ?

Когда этот номер «Родины» выйдет к читателям, мы уже будем знать итоги выборов нового руководства Верховного Совета Азербайджана. Известие о том, что дважды Герой Социалистического Труда, бывший член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев стал единственным человеком из руководителей страны в 70-е годы, кроме М. С. Горбачева, кто избран сегодня — уже по воле народа — в Верховный Совет, причем не только Азербайджана, но и Нахичеванской АССР, ошеломило: пожалуй, никто, кроме Брежнева, из прежних членов Политбюро ЦК КПСС не подвергается в печати такой критике, как Алиев, и именно он, 67-летний пенсионер, вдруг оставлнет свою благоустроенную квартиру на улице Ал. Толстого в Москве, судя по всему, уже навсегда, и перебирается к себе на родину, в Азербайджан. Что это? Та самая «мрачная сила мстящего консерватизма», о которой, выступая в Перми два года назад, говорил А. Н. Яковлев? Или действительно «голос народа»? Ведь уже известно, что в 340-м Неграмском округе за Алиева проголосовало 95 процентов избирателей — чуть ли не все до единого, кто пришел в этот день на избирательный участок. И вообще: что происходит в Азербайджане? Вопрос для россиян не праздный: в республике живет немало наших соотечественников, мы крепко связаны с Азербайджаном экономически. Почему за все это время в республике не было ни одного антиалиевского митинга? А митингов в защиту Алиева от нападок центральной прессы — десятки, если не сотни?

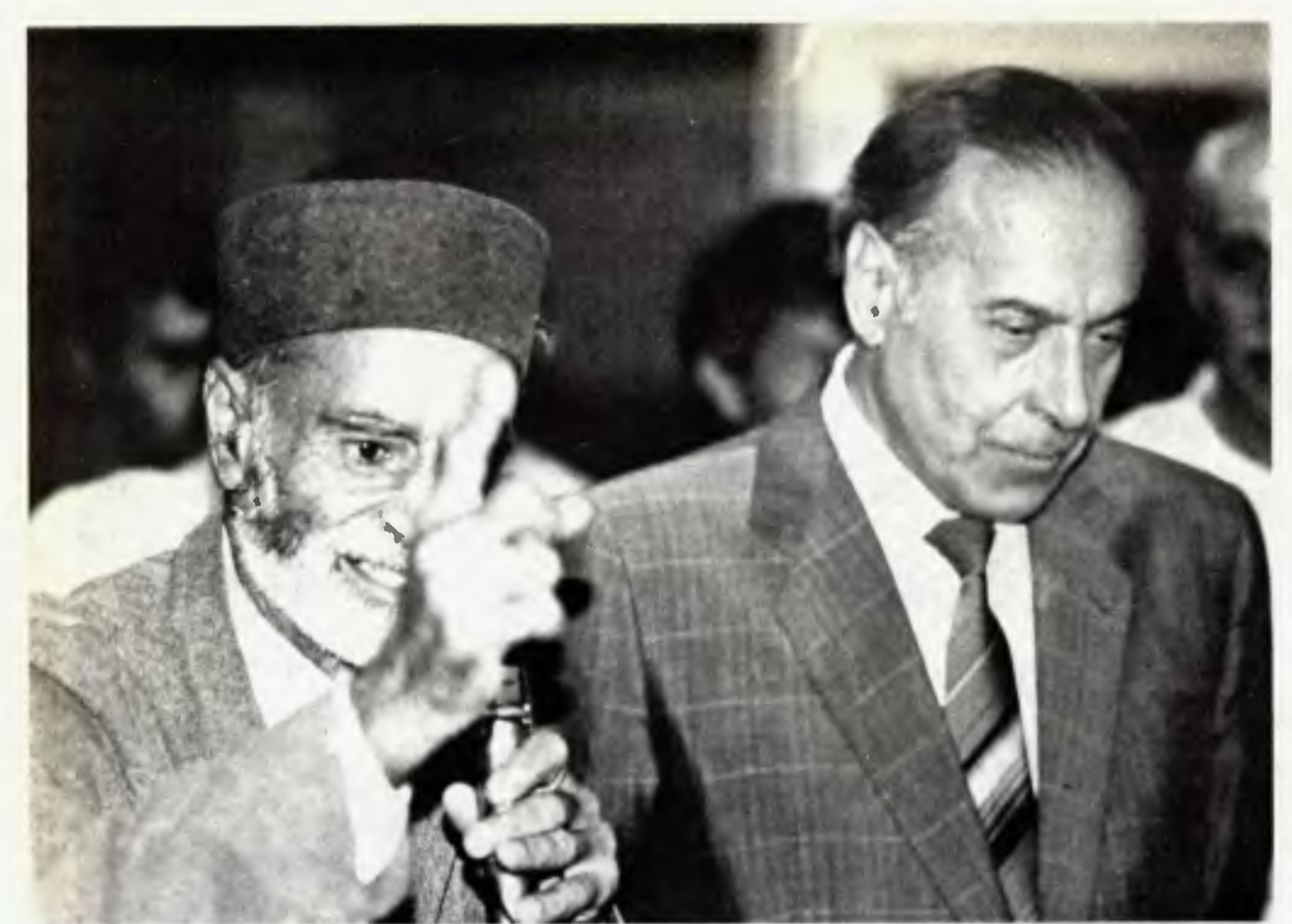
Много вопросов. Жизнь покажет, что будет дальше. Но возвращаться в Москву, где скрываются от своих народов Кармаль, Цеденбал, многие бывшие руководители союзных республик, включая, кстати говоря, и руководителя Азербайджана в годы перестройки Везирова, бывший член Политбюро не думает.

А. КАРАУЛОВ

Фото ВАЛЕРИЯ ЩЕКОЛДИНА

«Туча над темной Россией...»

Димитрий Михайлович Панин родился 11 февраля 1911 года в Москве в семье адвоката. Во время первой мировой войны его отец стал армейским офицером. Предки Панина со стороны отца были стрельцами, мать принадлежала к старинному дворянскому роду. Путь в институт был закрыт Димитрию Панину как «лишенцу» (лишенному прав после 1917 года) из-за его происхождения, и по окончании техникума он с 17 лет работает рабочим на цементном заводе в Подольске. Однако параллельно учится в Московском институте химического машиностроения (заочно), защищает там диплом инженера-механика и оканчивает аспирантуру. В 1940 году, перед защитой диссертации, его арестовали по доносу человека, которого он считал другом, почему и поверял ему свои мысли в коридоре московской коммунальной квартиры, где жил. Особое совещание осудило его по статье 58-10 за разговоры против режима. Когда пятилетний («детский») срок подходил к концу, Панину в лагере добавили еще 10 лет, сфабриковав дело об организации вооруженного восстания, а по окончании этого нового срока отправили на вечное поселение в Кустанай. В 1956 году он вернулся оттуда в Москву, где и работал до пенсии главным конструктором в одном из научно-исследовательских институтов.

В Вятлаге в 1943 году Панин дал обет Богу, услышавшему его молитву и спасшему его от неминуемой гибели: «Постоять за выполнение Его святой воли и тем самым помочь рядовым труженикам». Во исполнение своего обета Панин в 1972 году уехал на Запад, чтобы иметь возможность завершить работы, задуманные еще в заключении. Им и посвятил он себя целиком до своей внезапной смерти 18 ноября 1987 года в Париже.

В 1973 году на русском, а в 1975-м на французском и английском вышли на Западе лагерные мемуары Панина: «Записки Сологдина». В 1991 году они будут изданы в СССР. Название — согласно воле автора — «Лубянка — Экибастуз».

На Западе вышли и другие работы Панина:

«Теория густот» *представляет собой опыт христианской философии конца XX века, где с позиций и на основе современной науки доказывается создание вселенной Творцом;*

«Постулаты марксизма и законы природы», *примыкающие к предыдущей работе. Здесь показано, что марксистское понимание материи, пространства и времени, сознания, происхождения жизни противоречат универсальным законам природы;*

«Механика на квантовом уровне», *посвященная научному поиску на основе теории густот;*

«Мир-маятник», *в которой развитие человечества уподобляется движению огромного маятника, приближающегося к конечной точке своего размаха, но могущего благодаря усилиям людей доброй воли начать новую осцилляцию, при которой духовные и материальные возможности общества лишь возрастут. Новое мироустройство — Общество независимых — сокращенно изложено в этой книге. Главные его особенности: разделение на секторы и этический контроль. Сектор энергии осуществляет индустриальное производство, развивающееся благодаря свободной конкуренции рынка и воздействию Палаты регулирования. В секторе жизни разрешаются вопросы, связанные с созданием и распределением материальных благ. В секторе духа формируется душа под воздействием ряда факторов, главный из которых — мировоззрение. В основе социально-экономического устройства — новая политэкономия на основе закона сохранения энергии, созданная Паниным. Принципы людей доброй воли строятся на заповедях Спасителя;*

«Созидатели и разрушители». *Автор рассматривает причины катастрофы в России в 1917 году и духовного оскудения Запада. Он считает, что в душе каждого человека берет верх созидательное или разрушительное начало. Если благородное начало не одержит победы над стремлением к разрушению, то человечество неизбежно придет к гибели. Только этический контроль способен остановить его погружение в бездну. Большую роль должна играть Совещательная дума, состоящая из отраслевых дум, созданных на основе драгоценного опыта земств, вполне оправдавших себя в российской действительности.*

«Достижение сложной цели,— пишет в 1982 году Панин в «Теории густот»,— возможно при последовательных приближениях». Неустанно возвращается он к мыслям о новом мироустройстве и в «Державе созидателей», *которую успел закончить перед смертью. Этический контроль общества он предлагает поручить службе защиты из рыцарей духа. «Созидатель достигнет прочного правого сознания, когда произойдет слияние сознания правоты его поведения с правами, на которые он заслуженно претендует по закону. Право вне правоты открывает путь разрушителям для достижения их целей»,— пишет он в главе «Правота и права человека». Разбирая слабость сегодняшней демократии, он возлагает ответственность на Церковь за воспитание подростков в школе и считает возможным вернуть женщину в семью, повысив заработок ее мужа. В главе «Как наладить жизнь в новой России» предложены конкретные меры для сегодняшней России, которые заслуживают внимания руководителей перестройки, если они хотят вывести страну из хаоса и анархии, которые ей угрожают.*

Солженицын в брошюре «Как нам обустроить Россию», опубликованной в 1990 году, заимствует главные идеи Панина, изложенные последним в «Мире-маятнике» и в «Созидателях и разрушителях». Почти дословно повторяя Панина, он говорит, что всеобщее изобилие одно не может быть венцом человечества, что необходим этический контроль в обществе и регулирование монополии производства, подчеркивает роль духовного благородства, предлагает Совещательную Думу, думы по отраслям, земства, комиссию экспертов (у Панина — институт экспертов), возврат женщины в семью при должном мужском заработке, преследование уголовно тайных союзов (у Панина — запрет тайных объединений), призывает явить пример бесстрашия по завету Христа, следовать свободе, включающей добровольное самоограничение, считает, что задача высокой трудности может быть достигнута рядом последовательных приближений. Как и Панин, он обеспокоен здоровьем сегодняшней демократии и не всегда обоснованным повторением самого модного лозунга — «права человека». Список можно удлинить.

К сожалению, Солженицын не назвал имени Панина.

Димитрий Михайлович Панин — мыслитель, ученый, философ — в своей борьбе против произвола и насилия был всегда мужественным рыцарем без страха и упрека. «Он посвятил себя,— писал после его смерти писатель Владимир Максимов,— служению Богу и прекрасной Даме, коей была для него Россия. Его творчество является общенациональным достоянием... После него остались книги.., а также многочисленные рукописи. Наш долг — сделать все это достоянием... в первую очередь отечественных читателей».

Я глубоко признательна журналу «Родина», публикующему сегодня главу из последней рукописи моего мужа — «Державы созидателей», и уверена, что читатель в скором времени будет иметь возможность прочесть ее целиком, равно как и другие труды Панина.

ИССА ПАНИНА

ДИМИТРИЙ ПАНИН

КАК НАЛАДИТЬ ЖИЗНЬ В НОВОЙ РОССИИ *

1. Грандиозное свершение — образование новой России — должно быть на прочных основаниях, и для этой цели они должны отвечать или не противоречить главным заветам Спасителя:

— Возрождение народа благодаря возврату к Богу, вплоть до нового крещения Руси;

— Милость к падшим;

— Не мстить за старое;

— Жалеть людей, а для этого, особенно в первое время, не жалеть денег и других средств для духовного и телесного оздоровления населения;

— Вовлечь малые нации в единый поток выздоровления и возрождения. И для того, чтоб был могучий поток, а не отдельные ручейки, следует держаться вместе;

— Все для созидателей;

— Относиться к разрушителям (коммунистам) как к неполноценным братьям, зная, что при беспечном к ним отношении они опасны. К тем из них, кто не нарушает законов общества созидателей, относиться по-братски, но неуклонно пресекать разрушительные действия любой природы против новой России.

2. Выбор экономической системы.

Исхожу из предположения, что удалось провести в достаточном объеме революцию в умах в СССР [1], и здравая, деятельная часть населения ознакомилась с идеями и предложениями, изложенными в этой книге (если она будет принята на вооружение).

После освобождения от тоталитарного коммунистического режима в новой России будет соблазн перейти к либеральной экономике, распространенной в западном мире. Однако после стольких безумств и ошибок не следует повторить еще недостатки либеральной системы, которая сама оказалась в собственных тисках.

В главе 14 мы указали на главные изъяны либеральной системы. Остановимся на некоторых из них:

— Внедрение автоматов, роботов, кибернетики рождает безработицу [2] среди наиболее ценных работников. Коммунисты используют возникшее резкое недовольство для разрушения общества;

— Общество, состоящее, с одной стороны, из немногих крупных и сверхкрупных банков и фирм, а, с другой стороны, из множества мелких предприятий, позволяет отдельным акулам бесчестной наживы использовать свою финансовую мощь и законы для ограбления и удушения мелких созидателей. В начале нашего века в США были миллионы фермеров. Сейчас остались огромные зерновые фабрики, наемная армия сельскохозяйственных сезонных рабочих и горстки разоряемых фермеров-одиночек. Законы ловко используются более сильной стороной. Изменить же эти законы невозможно, так как на них основана либеральная экономика: рынок, спрос и предложение, кредит, конкуренция... Таким образом, в либеральной экономике маломощные предприниматели оказываются беззащитными и зачастую обречены на исчезновение не из соображений пользы общества, а ради удовлетворения жажды алчной наживы отдельных аспидов среди банкиров.

Для устранения этого изъяна в Обществе независимых [3] существует сектор энергии и сектор жизни. В первом — сильная конкуренция партнеров крупного калибра; во втором, в секторе жизни, конкуренция мелких предпринимателей. Крупные банки сектора энергии не имеют доступа в предприятия сектора жизни, который располагает своими мелкими банками. Служба этического контроля защищает независимость и экономическую самостоятельность жизнеспособных предприятий сектора жизни.

В Обществе независимых заложено стремление приносить для него пользу, и личное обогащение не должно этому противодействовать. Получай прибыль и наживай деньги, изощряя свои способности, изобретая, изыскивая новые формы производства или новые изделия и товары, которые найдут спрос и обогатят жизнь населения. Одерживай верх над своими конкурентами в этом русле, что естественно и не возбраняется.

В новой России после всего пережитого особенно остро встанет вопрос возрождения, спасения, излечения миллионов искалеченных режимом людей. Спихнуть их в систему либерального хозяйства означало бы загубить многих из них окончательно: отвычка от добросовестной работы, такой порок, как пьянство, склонность к блатным повадкам при длительной безработице сделают свое дело. Общество обязано возродить десятки миллионов изувеченных режимом: падших, сбитых с толку, опустошенных, обленившихся, возненавидевших труд и не имеющих понятия о добросовестном отношении к делу. Им всем требуется пребывание в секторе жизни в течение ряда лет в особых спокойных условиях, предназначенных для выздоровления, чтобы они могли работать артельно, привыкнуть к работе на себя, отвыкнуть от своих пороков. Для этой цели потребуются отряды миссионеров (сперва доморощенных), толковых воспитателей, мастеров своего дела, способных передать опыт другим.

Жажда духовного возрождения дает надежду на массовый возврат в православие. Людей потянет в монастыри. Начнется также восстановление и строительство церквей, для чего потребуется много утвари, икон, особых тканей, и люди искусства найдут себе широкое применение.

Не менее важна задача новой России — возродить крепкое крестьянство в виде могучего сословия, представляющего собой костяк народа, источник его здоровья и силы. Сословие должно быть защищено от происков бессовестных любителей наживы, и лица, которые в него входят, должны спокойно работать, полагаясь на свои старания и труд, уверенные в защите своих кровных интересов.

В целом выбор экономики новой России должен будет остановиться на Обществе созидателей с огромным и разнообразным сектором жизни. Разрушенная деревня постепенно будет восстанавливаться в русле освоения хуторских, фермерских хозяйств в секторе жизни. За 70 лет своего владычества режим коммунистов разрушил не только крестьянство, но и землю. Земля изуродована до такой степени, что не приходится рассчитывать на быстрое восстановление плодородия почвы. Вернуть почве ее плодородие возможно лишь благодаря упорным трудолюбивым усилиям крестьян-собственников, спокойных за свое будущее, при деятельной помощи государства и Палаты регулирования.

Все мелкие предприятия войдут в сектор жизни, и следует восстановить ценные ремесла и кустарные промыслы.

Возрождение человеческой жизни в России потребует огромного жилищного и дорожного строительства, устроения мелких мастерских, торговых заведений,

* Глава из книги «Держава созидателей», подготовленной И. Я. Паниной по рукописи и заметкам, оставшимся после смерти автора.

рынков. Эта деятельность входит тоже в сферу огромного сектора жизни.

После трагедии нашего народа, ломки, рабской зависимости от партийных тиранов, духовного опустошения, насильственного насаждения безбожия и марксистского мракобесия ошибочно исходить из поврежденной всем этим части населения. Ставка революции в умах (особенно когда в силу обстоятельств нами потеряно уже 13 лет) [4] должна быть на людей, которым поручены ответственные участки, и только на тех, кому они поручены не за партийный билет в кармане, не за стукачество, не за подхалимство, а за *умение и способности*. Без таких людей котлы взрываются, станки и машины выходят из строя, здания обваливаются, поезда сходят с рельсов. На этих людей рассчитана самая главная и важная часть плана революции в умах. К счастью, еще немало миллионов таких людей (ведь советская колымага хоть со скрипом, но ползет!). Из них будет создано ядро сил освобождения. Партийный билет не цвет кожи, который не переменишь, и из 17 миллионов членов КПСС несколько миллионов давно в душе принадлежат к силам освобождения, и нас ожидают многие приятные неожиданности.

Из ядра освобождения будет образовано временное правительство, и можно надеяться, что его глава станет регентом престола, пока нет самодержца. Часть борцов с режимом из сил освобождения будет в числе тех, из кого создана служба защиты, и поставит руководителей этического контроля.

Московская патриархия должна будет очистить Церковь от проникших в нее агентов КПСС и КГБ. На поместном Соборе произойдет объединение с ветвями зарубежной русской православной Церкви и будет выбран патриарх.

Временное правительство и служба этического контроля кликнут клич и пригласят крупных знатоков экономики, выбранных среди специалистов, работавших в системе свободного рынка на Западе, среди практиков советской экономики [5], среди тех, кто проявил свои способности на черном рынке в СССР. Они внесут деловые предложения в обсуждение мироустройства по модели Общества созидателей.

Огромная тяжелая, машиностроительная, обрабатывающая, военная промышленности, а также многие научно-исследовательские институты войдут в сектор энергии. Исторически в старых индустриальных странах сперва возникала легкая промышленность, а затем уже тяжелая промышленность. Поскольку в нашей стране уже имеется тяжелая промышленность, в короткое время можно будет справиться с созданием легкой промышленности. Недавние эмигранты из СССР в издающемся во Франкфурте-на-Майне журнале «Посев» (на русском языке) ратовали за сохранение значительной части предприятий с рычагами планирования в руках государства. Мы категорически против этого. От коммунистического планирования мы не оставим камня на камне. На первых порах в ведении государства придется оставить железные дороги, флот, связь и те предприятия, которые трудно преобразовать в акционерные кампании.

Экономическая основа нашего Общества созидателей — в разделении на секторы, в рынке-конкуренции под надзором Палаты регулирования и этического контроля. Плановость быстро превратится в кошмарное воспоминание лихолетья.

Мы быстро забудем о плане, но долго будем изживать его последствия. Одно из таких мучительных последствий — положение подсоветской женщины под господством партийных вампиров. Первоочередное внимание должно быть обращено на женщину. Ее следует освободить от тяжелой, ночной, опасной, мужской работы, от собраний и стояния в очередях и предоставить ей выбор здоровой пищи. Ей и ее семье следует помочь с жильем. Следует способствовать возвращению многих из них на землю, которая перестанет быть мачехой, и помочь женщине обрести домашний очаг, трезвого, работящего мужа и здоровых детей. Не успеем в этом — заплатим вырождением народа.

3. Первоочередные экономические преобразования:

— Все жилые дома становятся собственностью жильцов, а не государства;

— Все запасы продовольствия (включая резервные) распределяются по твердым ценам среди населения. На этот период сохраняются советские деньги. Чтобы население имело возможность покупать продовольствие и предметы первой необходимости у фирм свободного мира, надо как можно скорее ввести в обращение новую валюту с обеспечением золотого фонда государства;

— Все государственные предприятия превращаются в акционерные компании. Акции распределяются поровну между постоянными рабочими и служащими каждого предприятия независимо от занимаемой должности [6]. Управление предприятиями производится администрацией, выбранной или нанятой согласно нормам и требованиям свободного мира;

— Разрешается любая частная инициатива. Акционеры могут свободно продавать свои акции;

— Сельскому населению — бывшим колхозникам и батракам совхозов — раздаются земли и обобществленный скот. На первых порах следует передать товариществам по совместной обработке земли, организованным по территориальному признаку, сельскохозяйственные машины. В дальнейшем крестьянство, по всей вероятности, изберет для своего процветания фермерский путь [7];

— Лица свободных профессий и работники, обслуживающие население, конечно, освобождаются от связывающих их пут;

— Создание Палаты регулирования;

— Временному правительству придется произвести крупный заем у западных банков сроком на 25—30 лет при 2—3% на взятую ссуду. Первые 3—4 года в счет займа в Россию будут поступать в требуемом количестве мука, жиры, мясные консервы и прочие продукты питания, предназначенные прежде всего для городского населения — рабочих, служащих, ученых, учащихся, армии, полиции, заключенных. Есть основание полагать, что, поскольку из деревни продовольствие больше не выкачивают, сельское население обойдется своими возможностями и помощь потребуется ограниченному числу районов.

Не исключено, что в связи с таким займом придется выплатить Западу царские и часть советских долгов. Страшного в этом ничего нет. Страна решительно пойдет по пути достижения благоденствия, и выплата долгов пройдет незаметно. Зато мы избежим голода и всевозможных нехватки и процесс становления и оздоровления значительно ускорится;

— Широкое привлечение богатых иностранных предпринимателей для образования отделений и фирм в России. Разрешается покупка предприятий и отдача предприятий на концессию. Это приобщит бывших подсоветских людей, в том числе и молодежь, к стилю работы на высоком уровне. При таком решении экономической проблемы свободный мир сразу направит на подходящих условиях средства в освобожденные страны;

— Освобождение из тюрем и дурдомов всех, кто туда был послан за противодействие режиму и за подпольную экономическую деятельность, и всех узников совести в частности, сведет четыре миллиона заключенных к 2,5 миллиона. Закрыть лагеря и наводнить страну уголовниками недопустимо, и придется временно сохранить это наследство, введя преобразования. Так, устанавливается здоровое достаточное питание независимо

от выработки заключенного. Его труд оплачивается. Люди сами разбиваются на артели, для которых устанавливают аккордный объем работ. Дни плохой работы не включаются в отбываемый срок (зачеты со знаком минус). Медицинское обслуживание, одежда, общежитие, условия работы — на человеческом уровне. Для неисправимых — тюремное заключение;

— Военная промышленность должна быть максимально переведена на гражданские нужды. (Боевые самолеты становятся транспортными, прогулочными, гоночными; танки и бронемашины идут на тракторы, автомашины, сельскохозяйственные машины и изделия широкого потребления; часть пороховых заводов переводится на производство искусственного волокна, часть химических заводов — на тонкую химию и фармацевтические препараты, часть военных заводов будет законсервирована или продана);

— В вывозе первое время будут преобладать нефть, газ (которого теперь Западу не придется опасаться), уголь, марганец, цветные металлы, сталь, чугун (для третьего мира);

— Вначале возможно разделение на фермеров-землевладельцев и фермеров-механизаторов, предоставляющих машины на ходу для обработки земли;

— В ходе налаживания производства совершится достаточно резкое разделение работников. Полноценные прилежные работники будут вести воз и получать высокие заработки за свой труд. Иначе предприятие не сможет выпускать пользующиеся спросом качественные изделия. За бортом производства останутся слабые, опустившиеся от пьянства, не умеющие работать люди. Их в большом количестве искалечил советский режим, и станет вопрос об их приобщении к жизни. Поскольку в стране необходимо будет проложить огромное количество дорог, особенно в сельских местностях (для конной тяги и грузовиков), на эти работы и надлежит направить ослабевшую часть рабочих. Многих из них сможет возродить дружная работа в артели на вольном воздухе, на деревенских харчах. Не следует мрачно оценивать положение. Все эти люди крепко ушиблены режимом, но, коль скоро его нет, они смогут распрямиться подобно не окончательно затоптанной траве. Постепенно они найдут занятия по своим силам. Служба этического контроля и Церковь окажут деятельную помощь и содействие возрождению многих.

В ходе налаживания жизни в стране будет идти постепенное становление Общества созидателей. Центр тяжести переместится в сектор духа, и от ума, энергии, воли людей этого сектора и от их преданности идее Общества будет зависеть многое в самой трудной и ответственной работе по возрождению народа и отечества.

Сами обстоятельства становления и овладения новым (а частично и забытым) стилем работы укажут последовательность социально-экономического устроения Общества созидателей. Разрешение проблемы резервистов отодвигается до полной стабилизации сектора энергии.

4. С устранением коммунистического режима господство разрушителей кончится. Им придется приобретать навыки в области полезного труда. Их не будут преследовать, однако нянчиться с ними тоже не станут.

В новых условиях придется переучиваться и многим созидателям:

— Работающим в гуще свободного рынка в условиях конкуренции придется развивать в себе дух предприимчивости, частной инициативы, при соблюдении правил честной игры;

— Производственникам придется измерять свою деятельность прибылью предприятия, зависящего от выпуска изделий высокого качества. Лучшие работники будут оплачиваться выше согласно возможностям их предприятия;

— Инженерам и техникам придется добиваться высокого качества и дешевизны выпускаемых изделий.

Хорошие заработки и широкие перспективы будут содействовать оздоровлению основной части рабочих и служащих.

Становление новой России требует разрешения тысяч задач, простых и сложных. Выше были намечены лишь стержневые и первоочередные из них.

Освободившийся гигант, распрямляя спину, учтет свои необъятные силы и возможности и уточнит предлагаемый план, подскажет и найдет множество ценных необходимых предложений. Так схема плана обретет плоть, составленную из дополнительных решений.

У нас крепкая уверенность в нашем светлом будущем. Порукой тому:

— творческие силы могучего народа, разорвавшего свои оковы,

— христианский добрый и требовательный взгляд на жизнь и прочная связь с Церковью,

— зоркое отношение к происками зла без беспечного отношения к разрушительному началу,

— неустанная забота о предстоящей смене и формирование из неустойчивых подлинных созидателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. План Панина проведения революции в умах в СССР опубликован впервые на русском языке на Западе в 1973 г. (Прим. ред.)

2. Наблюдения свидетельствуют, что оказавшиеся в ходе прогресса производства безработные находят себе применение в смежных областях развивающейся промышленности. Но это требует времени и стечения благоприятных обстоятельств в местности проживания безработных. Иначе процесс перехода рабочих в стадию безработных достаточно болезненный.

3. Схема Общества независимых изложена в книге Панина «Мир-маятник» (1977 г.) и входит в его рукопись «Держава созидателей». (Прим. ред.)

4. Эта глава написана в 1986 г., т. е. через 13 лет после опубликования на Западе брошюры «Как провести революцию в умах». (Прим. ред.)

5. Среди работников Госплана, министерств и заводов имеется много умудренных людей, прекрасно понявших всю порочность коммунистической экономики. У ряда из них имеются конкретные планы изменения этой формы хозяйства, которые могут быть полезными и в новой обстановке.

6. Впоследствии произойдет естественное перераспределение купли-продажи в зависимости от полезного вклада каждого акционера.

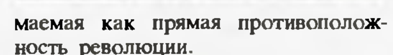
7. На первых порах новым крестьянам для перехода от колхозов к единоличному, а затем и фермерскому хозяйству придется преодолеть ряд трудностей. Отвыкшие от самостоятельности и нелюбящие новые земледельцы смогут объединиться в артели. Избранный ими, наиболее умный и опытный из них артельщик наладит обработку участков машинной тягой. «Механизаторы» также объединяются в артели. Артельщикам проще договориться. Работники Палаты регулирования подключаются к этой работе. Временное правительство срочно открывает сеть крестьянских банков и помогает возвращению в деревню бывших крестьян, любящих землю. Ему следует также заказать нужное число лошадей и племенного скота в США, Аргентине, Европе.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ОТ АНАРХИИ К СОЦИАЛИЗМУ

РИЧАРД КОСОЛАПОВ,
доктор философских наук, профессор

Сама постановка вопроса — эволюция или революция? — по меньшей мере условна, потому что часто у людей нет выбора. Они поневоле включены в социальную эволюцию, когда так или иначе приходится осуществлять количественные изменения и качественные подвижки или мириться с ними, и, в сущности, никто не властен предотвращать революции. От личности зависит подчас очень и очень мало.

Я решительно не одобряю тех, кто считает, что надо осуществлять революцию на каждом шагу. Для меня, например, неприемлема фигура Троцкого, который во имя революции вершил геноцид, что и проявилось, скажем, в его отношении к казачеству. В свое время император Павел I, осерчав на Англию, послал казака Платова «через Бухару и Хиву на реку Индус». То же самое в августе 1919 года рекомендовал Центральному Комитету партии Лев Давыдович, считавший, что надо наносить удары по государствам Азии, если у нас ничего не получается в Европе. Такого рода ультрареволюционность, которая, впрочем, гасилась здравым смыслом, гением Ленина, мне претит.

Но и с теми, кто осуждает революцию от начала до конца (это, как правило, ретрограды-индивидуалисты), не могу согласиться. Сейчас у нас в моде Столыпин. Этот государственный деятель хотел разрешить земельный вопрос эволюционным путем. И что же получилось? Не только не осуществились замыслы, но и сам премьер-министр пал жертвой террора. А революция в России, которую так хотел предотвратить Столыпин, назревала объективно и неизбежно. Я в данном случае стою на ленинских позициях и вообще считаю, что, кроме Ленина, никто не отразил адекватно потребности России.

Когда-то страна сотрясалась гигантскими крестьянскими революциями, восстаниями, но они глохли, потому что не имели ни четкой организации, ни идеологической направленности. Из всех российских деятелей единственным революционером был Петр I — одновременно и якобинец, и крутой деспот на троне. Россия низко пала во второй половине прошлого века и так и не смогла восстановить свое могущество вплоть до середины нашего столетия.

После второй мировой войны мы стали второй державой мира, я уж не говорю, что международный авторитет Советского Союза был в то время необычайно велик. Это потом по собственной вине, из-за того, что не слишком экономно расходовали историческое время, мы начали сдавать позиции. Наследником Сталина был Хрущев, совершавший преобразования, не считаясь с действительностью. А потом наступил период мертвой эволюционности, связанный с политикой умиротворения, которую проводил Брежнев. И в данном случае нас подвела эволюция, понимаемая как прямая противоположность революции.

Лично я не верю в так называемую революцию сверху. Поэтому, наверное, у меня нет удовлетворенности политикой перестройки. Программы, которые принимаются, трудно назвать вполне компетентными. Самое неприятное состоит в том, что они не содержат анализа обратных связей. Очень скупо представлена прогностическая часть: 500 дней, а что потом? Как будто важные решения будут вырабатываться сами собой.

Сейчас мы переживаем сложный анархический процесс, который нельзя назвать ни эволюцией, ни революцией. Если это революция, то очень непоследовательная, я бы назвал ее революцией гласности. Да и то такой гласности, которая не дает говорить в полный голос всем.

Думаю, нас ожидает эволюция, может быть, даже деструктивного плана, и нарастание предпосылок новой революции, на сей раз очень масштабной: либо буржуазно-демократической, либо социалистической. Силами первой, помимо ученых и журналистов, станут теневая экономика, сомкнувшаяся с ней коррумпированная бюрократия и кооператоры. Программа будет следующей: «осветление» теневых капиталов, раздробление государственного сектора, приватизация, частные хозяйства, парламентские институты, в которых уже сейчас все подчинено интересам частного капитала. Так что установление парламентских порядков вряд ли является прогрессом. Нужна советская власть, исходящая из трудовых низов. Разве нормально, что в составе Съезда народных депутатов РСФСР 78% управленцев и только 5,9% рабочих и крестьян? Я не за то, чтобы кухарка управляла государством, но я против того, чтобы ее перестали считать человеком и лишили возможности участвовать в управлении государством. Введение частной собственности и приватизация предприятий грозят ликвидацией занятости, безработицей, снижением уровня жизни.

Я, конечно, хотел бы быть на уровне эпического спокойствия, но пепел Клааса стучит в мое сердце и подсказывает, что надо быть на стороне униженных и оскорбленных.

Второй — социалистический — путь просматривается яснее: движущей силой революции будут рабочий класс, который пока еще слабо шевелится, крестьянство — оно уже сейчас сопротивляется попытке ликвидировать колхозы и совхозы, интеллигенция, которой нечего терять, кроме своих цепей (речь не идет об элитарной, привилегированной группке, живущей в столице и выступающей в средствах массовой информации).

Да, так уж сложилось, что в России прогресс всегда шел рука об руку с террором. И сейчас террор — повсюду. В газетах — отсутствие этики, шельмование тех, чьи позиции не совпадают с точкой зрения журналистов. И, как ни странно, призывы к диктатуре исходят в основном от демократов. Собчак выдвигает идею ликвидации Российской коммунистической партии, Клямкин и Миграмян требуют железной руки, к жесткой власти призвал и российский депутат Клеменок, обращаясь к Ельцину.

Сейчас бескорыстие считается дуростью. Если Шмелев пишет, что нравственно все то, что приносит доход, да еще и сожалеет, что у нас не прижилась мещанская мораль, о чем можно говорить? Конечно, оптимальной формой развития общества была бы интенсивная социальная эволюция, которая не связана с большими жертвами и укладывает происходящее в алгоритм, разработанный заранее. Но это детские сказки. Такой путь в принципе невозможен. Если революция неизбежна, надо не сдерживать ее, а придавать ей культурную, организованную форму. Должна прежде всего работать система социального прогнозирования. Будем идти навстречу надвигающейся революции.

НИКОЛАЙ ПЕТРО (США)

ЧТО ПРОИСХОДИТ С РУССКИМИ?

Автор предлагаемой статьи читает лекции по политологии в Пенсильванском университете. До этого занимал пост политического советника советского отдела госдепартамента США и являлся политическим атташе посольства США в Москве.

Уже начиная привыкать к быстрым переменам в Советском Союзе, некоторые комментаторы оказались вполне подготовленными к следующим событиям:

на заключительном заседании XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев утверждает, что единственный выход для партии — это проведение глубоких радикальных рыночных реформ и многопартийная система. Одновременно 200 тысяч москвичей с трехцветными дореволюционными флагами собираются на Красной площади, требуя немедленного отказа КПСС от монополии на власть;

Борис Ельцин, недавно избранный глава Российской республики, выбывает из состава компартии. Мэры Ленинграда и Москвы следуют его примеру. На следующий день Верховный Совет РСФСР приветствует своего главу за принятое решение бурной овацией, стоя. Когда аплодисменты утихают, Б. Ельцин просит отца Вячеслава Полосина, бывшего диссидента-священника, в настоящее время члена Президиума Верховного Совета РСФСР, открыть сессию коротким благословением;

на недавнем пленуме российского Союза писателей Владимир Карпец, 34-летний писатель и юрист, обвиняет Ленина и Октябрьскую революцию в разрушении многовековых российских ценностей. Он заканчивает свою речь призывом «почтить вставанием память всех невинно убитых русских людей, начиная с царской семьи». Большинство встает.

Опытные советологи, будучи свидетелями подобных событий, только недоумевают и спрашивают: «О каком времени мы говорим — 1990-х или 1890-х?» Среди западных ученых было широко распространено мнение, что великороссы (самое многочисленное население СССР) лишь молчаливо приняли большевистский переворот в октябре 1917-го и что давно утеряны символы старой России — трехцветный флаг, православная церковь, монархия. По крайней мере режим мог рассчитывать на поддержку кучки русских националистов в тех случаях, когда другие национальности выступали против Советской власти. Возникновение русского национального движения, выступающего в оппозиции режиму, многих застало врасплох.

Кому-то на Западе может показаться странным, что великороссы все больше и больше убеждаются в том, что им необходимо освобождение от коммунистического правления так же, как любой другой национальности страны. Считается, что русские занимают в стране привилегированное положение: русский язык — государственный в СССР; ключевые посты в Коммунистической партии традиционно предназначались для русских (или славян); миграция русских в другие республики подавляла коренное население, превращая его в национальное меньшинство на родной земле. Но средний русский человек не чувствует своей избранности. Наоборот, он считает, что Россия больше всех пострадала от строительства коммунизма.

Благодаря гласности стали известны новые факты о величине ущерба, причиненного Советской властью национальностям и их культурам на всей территории Советского Союза. У русских эти разоблачения вызывают желание узнать наконец истинную свою историю и культуру и приводят к возрождению патриотизма. Русские все более и более убедительно доказывают, что и они страдали при коммунистическом режиме, поскольку тот служил только своим интересам.

Теперь уже и советские ученые признают, что с самых первых дней своего правления лидеры большевиков разрушали традиционные русские ценности и культуру, основным хранителем которых было сельское население страны. Большевики полностью отвергли дореволюционную историю России и ее нравы. Их политику в отношении крестьянства современные советские публицисты, например, Ксения Мяло и Борис Васильев, сравнивают с испанской колонизацией инков или режимом Пол Пота в Камбодже. Советская пресса сейчас называет места массовых захоронений жертв тоталитаризма, обнаруженных в Куропатах (Белоруссия), Быковнях (Украина), Барабинике (юго-западная Россия), Ленинграде и Иркутске (центрально-восточная Россия); в Катыни покоятся 15 тысяч польских офицеров, ставших жертвами сталинизма; там же были обнаружены трупы нескольких тысяч советских граждан.

В 70-е годы физику Иосифу Дядькину удалось провести исследование, в котором он приходит к выводу, что в результате казней, искусственно созданного голода, вынужденных ссылок и войны к 1950 году было погублено 78 миллионов человек. В эпоху гласности пересматриваются даже эти страшные цифры. Один из авторов в газете «Комсомольская правда» (22 июня 1989 года) называет общее количество насильно прерванных человеческих жизней — 90 миллионов. За всю историю России ни одно иностранное вторжение не стоило стране так дорого и не было таким ужасающим, как эта война, которая велась против собственного народа.

Пострадали все этнические группы, но жалкое положение самих великороссов в Советском Союзе — одна из самых необъяснимых тайн режима. Только недавно увидели свет некоторые статистические сведения. Галина Литвинова, старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР, отмечает в журнале «Наш современник» (май 1989 года), что социальные показатели великороссов являются одними из самых низких в СССР. Так, Г. Литвинова сообщает, что по сравнению с другими национальностями у русского населения постоянно падают процентные показатели количества людей, имеющих высшее образование. РСФСР в настоящее время является единственной республикой, где процентное соотношение русских студентов и студентов других национальностей гораздо ниже аналогичного показателя по населению.

Строго контролировались как доступность образования, так и его содержание. Подавлялось основательное изучение русской истории (в отличие от советской). Но уже предпринимаются некоторые усилия изменить такое положение вещей, так как в настоящий момент Россия является единственной республикой, которая не имеет ни собственной опубликованной истории, ни академии наук, ни национальной энциклопедии. Русские школы — единственные в Союзе ССР, где нет обязательного курса национальной истории, но зато есть история СССР.

Сейчас русские начинают понимать, что они отстают от большинства других народов Советского Союза не только по образованности, но и по социальному обслуживанию, уровню жизни. Многие советские этнографы отмечают, что социальное обслуживание в большинстве российских городов является самым худшим; особенное беспокойство вызывает, например, тот факт, что Москва — столица СССР, самый крупный город в России, входит в число 70% городов страны, которые остро нуждаются в развитии социальной и культурной инфраструктуры. В 1987 году в трех славянских республиках количество семей, нуждающихся в жилье, было в 2—3 раза больше, чем в любом другом регионе страны.

Кроме того, русские сейчас понимают, что это результат многолетних сознательных усилий правительства по экономическому развитию удаленных регионов за счет центра. Страсти, которые разгорелись вокруг вопроса о главенстве в парламенте РСФСР, привели к тому, что в борьбе за лидерство выступили стойкий приверженец партии Александр Власов и диссидент-популист Борис Ельцин. Эти дебаты впервые показали народу истинный размер субсидий окраинным республикам. Власов признал, что из Российской Федерации вывозится товаров на сумму около 68 биллионов рублей, в то время как ввозится только на 10,7 биллиона. Приблизительно в то же время Институт экономики Уральского отделения АН СССР опубликовал данные, что в 1988 году 61% чистого дохода РСФСР был распределен за пределами республики.

Советские экономисты признают теперь, что эти огромные перемещения средств были настоящим бедствием, так как использовались далеко не на удовлетворение нужд местного населения. Это отрицательно сказывалось и на естественном приросте населения России. Г. Литвинова установила, что за период 1979—1987 годов русское сельское население уменьшилось на 4 миллиона. Ежегодно исчезают 2—3 тысячи российских деревень.

Сельское население, составляющее тем не менее 1/4 часть жителей России, не мигрирует в города, а просто вымирает. В 1970—1980 годы количество детей, посещающих школы, снизилось на 20%. По сравнению с 1940-м стало меньше учащихся в начальных и средних школах РСФСР. Демографы пришли к выводу, что дети, которые должны были посещать эти школы, просто не были рождены. Рождаемость среди славянских женщин ниже, чем требуется для сохранения существующего уровня населения. Если ситуация не изменится, демографы предполагают, что через два поколения русское население уменьшится наполовину.

Отнюдь не процветая в течение 70 лет коммунистического правления, русские сегодня оказались перед угрозой вымирания в крайней нищете, в духовной и интеллектуальной сумятице, к тому же дома и за рубежом их боятся и презирают как агрессоров. В своей нашумевшей книге «Читая Ленина» Владимир Солоухин в доступной форме доказывает, что геноцид — наиболее подходящий термин для характеристики ленинского правления.

В средствах советской массовой информации сейчас свободно появляются материалы, рассказывающие о том, что случилось с русскими за годы Советской власти.

Русские несут ответственность за перестройку

Начиная с 70-х годов озабоченность людей благополучием России определяется популярностью Всероссийского общества защиты памятников истории и культуры, возвратом к религии, но больше всего — огромным успехом писателей школы «деревенской прозы». Валентин Овечкин, Ефим Дорош, Василий Белов, Федор Абрамов, Борис Можаев, Валентин Распутин и другие страстно призывали к возвращению к национальным истокам, писали об этической и социальной цене всеобщей индустриализации и об уничтожении традиций крестьянства. Западногерманский историк литературы Вольфганг Казак отмечает, что их полное собрание сочинений — обвинительный акт ценностям социализма. Виктор Астафьев, один из наиболее публикуемых писателей «деревенской школы», сформулировал такое обвинение в статье, опубликованной в журнале «Наш современник» (май 1986 года):

«Что с нами случилось? Кто и почему швырнул нас в пропасть зла и несчастья? Кто потушил свет добра в наших душах?.. Мы жили со светом в душе (религия), добытым нашими предками и зажженным ими для нас, чтобы мы не бродили в темноте...

Они (коммунисты) украли его у нас и ничего не дали взамен, порождая только неверие, всеобщее неверие...»

Объявленный этими писателями приоритет традиций и духовной культуры вызвал недовольство режима. Особенной остроты конфликт достиг в 1970—1980 годы. Но именно это явилось основой для объединения патриотически настроенной оппозиции. Наиболее яркий представитель почвенников — Александр Солженицын — в 1974 году был депортирован Леонидом Брежневым. В 1983 году предшественник Горбачева Константин Черненко публично обвинил этих авторов в «искажении истории». Горбачев же ввел одного из наиболее ярых оппонентов почвенников, Александра Яковлева, в Политбюро, хотя в то же время он признал их популярность, включив Валентина Распутина в Президентский совет и возвратив гражданство Александру Солженицыну.

Но наиболее ярким примером политика, выражающего устремления русского народа, несомненно, является Борис Ельцин. Даже до своего избрания в Верховный Совет РСФСР он выступал против опустошения российских земель, стараясь предотвратить дальнейший упадок экономики России. Он открыто выступал против «обожествления» Ленина и Октябрьской революции, за разрешение Александру Солженицыну печататься у себя на Родине. Основной лозунг его предвыборной кампании: «За экономическое, политическое и духовное возрождение России».

Возглавив Российский парламент, Ельцин сразу же приступил к выполнению своих предвыборных обещаний, среди которых было и такое — выход из КПСС. Он тесно сотрудничал с радикально мыслящим духовенством в вопросе отмены на территории РСФСР действий и полномочий Комитета по делам религий. В то же время под его руководством разрабатывается претенциозная программа экономической реформы «500 дней», которая предполагает создание в России открытых экономических зон, приватизацию и продажу государственного имущества, а также принятие пакета законов о валютных операциях, разрешающих частным лицам и организациям покупать валюту. Основным пунктом своей программы Ельцин объявил возрождение России. Именно это вызвало одобрение других республик, включая прибалтийские.

Таким образом, Ельцин пытается объединить программы почвенников и радикалов. Он говорит, что одни не смогут победить без других. Обе группы видят в нем человека широких взглядов, способного привести оба лагеря к необходимому для сотрудничества согласию. Основой этого консенсуса являются просвещенный русский патриотизм и забота о благополучии России. Это те ценности, которые Ельцин четко отделяет от завоеваний социализма.

Но даже Ельцин при всей своей многообещающей будущности всего лишь мимолетная фигура в появляющейся плеяде русских политиков нового типа. Программа социально-демократического развития, которую он отстаивает, пользуется широкой поддержкой, так как ее главная цель — уничтожение монополии КПСС на власть и участие всех партий в политической жизни республики. Но у социал-демократов нет четкой программы развития. И когда произойдет разделение власти, они могут оказаться в проигрыше по сравнению с другими партиями, которые гораздо глубже связаны с традициями, культурой и религией народа. Так произошло в Восточной Европе, где социал-демократы потерпели поражение потому, что были слишком тесно идейно связаны с коммунистами. Следовательно, в будущем мы, вероятно, увидим в России преобладание таких партий, как почвенники, консерваторы и христианские демократы.

Россия и Запад

Многие на Западе испытывают страх перед любым возрождением национальной гордости. Они утверждают, что патриотизм может легко перерасти в национализм, который, в свою очередь, оборачивается шовинизмом, антисемитизмом и ксенофобией. Однако совершенно не похоже на шовинизм то радостное возбуждение, которое ощущают эти люди, чувствуя, что они вновь испытывают национальную гордость. Более того, неумение почувствовать такую разницу может не позволить нам оценить, как сильно желание национального самоопределения способствовало прокатившейся по странам Восточной Европы и Советскому Союзу волне демократических революций.

В журнале «The Magic Cantern» была опубликована хроника восточноевропейских революций 1989 года. Ее автор, Тимоти Гартен Аш, указывает, что национальная гордость была первым и наиболее естественным выражением вновь пробудившегося чувства собственного достоинства в людях и жизненно важным шагом в процессе политического раскрепощения личности. То же самое можно сказать и о Советском Союзе. В Прибалтике, на Украине, в России, да и где угодно, независимые выступления и новые политические партии приобрели в народе популярность только после того, как они призвали к возврату дореволюционных ценностей. В коммунистических режимах возрождение патриотического национального консенсуса является, кажется, необходимым предшественником политического плюрализма.

Просвещенный патриотизм, вероятно, сыграет такую же огромную роль в становлении России, какую он уже сыграл в странах Восточной Европы и в Прибалтике. Виктор Аксючиц, народный депутат и один из основателей Российской партии христианских демократов, в своем обращении к Верховному Совету РСФСР, переданному по Центральному телевидению, дал следующее определение просвещенному патриотизму: «Прежде всего это любовь к своему народу, его истории и культуре. Но, как и любая истинная любовь, она отвергает националистическое чванство, конфликты и шовинистическую ненависть. Просвещенный патриотизм означает знание культуры и истории собственного народа». По поводу национального разделения Аксючиц сказал: «Я убежден, что стремление народов нашей страны отделиться есть бегство от политического режима, но не от России. Никого не следует удерживать силой. Чем жестче нажим, тем больше распрей будет в этих регионах. Сегодня необходимо разрешить всем, кто хочет, отделиться. Только это сможет открыть дорогу к реальной консолидации».

Запад сейчас стремится помочь патриотам сделать национальное возрождение основой для взаимного уважения различных наций и их культур и тем самым создать предпосылки для образования крепких связей между ними. К счастью, уже налицо признаки того, что подобный просвещенный патриотизм получает в России поддержку. Весной 1990 года на выборах в местные Советы кандидаты блока «Демократическая Россия» (членами которого являются Ельцин и Аксючиц) получили более трети мест в Верховном Совете РСФСР и практически абсолютное большинство в Советах более чем 20 русских городов, включая Москву и Ленинград. И, наоборот, представители «Памяти» потерпели на этих выборах поражение. Их кандидаты не смогли получить ни одной официальной должности в органах власти. Теперь численность этой организации колеблется вокруг всего лишь тысячи человек.

Избрание таких официальных деятелей, как Виктор Аксючиц и Борис Ельцин, писателей деревенской школы, священников Вячеслава Полосина и Глеба Якунина — все это примеры нового согласия (консенсуса), которое появляется в политической культуре России. Их политические и экономические программы совершенно различны. Но то, что их объединяет, гораздо более важно для будущего республики: отказ от идеологических шор, признание необходимости не революционных, а эволюционных перемен и твердая вера в то, что народ лучше, чем кто-либо, знает, как следует им управлять, и сумеет воплотить это знание в жизнь, если получит шанс.

Но образование этого нового консенсуса займет в России много времени, потому что, как сказал мне один из депутатов: «Самые сильные разрушения всегда бывают в эпицентре землетрясения, и восстановление именно этого участка требует больше всего времени». Но у России есть хороший шанс — заменить коммунистическое мессианство признанием российского культурного, политического и религиозного наследия. Только тогда, когда это возникнет, происходящие сейчас перемены будут действительно необратимыми.

Из журнала «World &J» *(октябрь 1990 г.).*
Перевод Е. Скворцовой.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ТОПОРА*

ГЕОРГИЙ ПЛЕХАНОВ

История скачков не делает! Это совершенно верно. Но, с другой стороны, верно и то, что история наделала множество «скачков», совершила массу насильственных «переворотов». Примеры таких переворотов бесчисленны. Что же значит это противоречие? Оно означает только то, что первое из этих положений формулировано ие совсем точно, а потому и понимается многими неправильно. Следовало бы сказать, что история не делает неподготовлеиных скачков. Ни один скачок не может иметь места без достаточной причины, которая заключается в предыдущем ходе общественного развития. Но так как это развитие никогда не останавливается в прогрессирующих обществах, то можно сказать, что история постоянно занимается подготовкой скачков и переворотов...

Медленно совершается «изменение типа» французской буржуазии. Горожанин эпохи регентства не похож на горожанина времен Людовика XI, но в общем он все-таки остается верен типу буржуа старого режима. Он сделался богаче, образованнее, требовательнее, но не перестал быть roturier (простолюдином.— **Ред.**), который всегда и всюду должеи давать дорогу аристократу. Но вот наступает 1789 год, буржуа гордо подымает голову; проходит еще несколько лет, и он становится господином положения, да ведь каким образом становится! — «с реками крови», с громом барабанов, с «треском пороха», если не динамита, в то время еще не изобретенного. Ои заставляет Францию пережить настоящий «период разрушения», нимало не заботясь о том, что со временем найдется, может быть, педант, который объявит насильственные перевороты «ошибочной концепцией».

Медленно изменяется «тип» русских общественных отношений. Исчезают удельные княжества, бояре окончательно подчиняются царской власти и становятся простыми членами служилого сословия. Москва покоряет татарские царства, приобретает Сибирь, присоединяет к себе половину южной Руси, но все-таки остается старой азиатской Москвою. Является Петр и совершает «насильственный переворот» в государственной жизни России. Начинается новый, европейский период русской истории. Славянофилы ругали Петра антихристом именно за «внезапность» сделанного им переворота. Они утверждали, что в своем реформаторском рвении он позабыл об эволюции, о медленном «изменении типа» общественного строя. Но всякий мыслящий человек легко сообразит, что петровский переворот был необходим в силу пережитой Россией исторической «эволюции», что он был **подготовлен ею.**

Количествеиные измеиеиия, постепеиио накопляясь, переходят, иакоиец, в качествеиные. Эти переходы совершаются скачками и не могут совершаться иначе. Политические постепеновцы всех цветов и оттенков, Молчалины, возводящие в догмат умеренность и аккуратность, никак не могут понять этого обстоятельства, давно уже прекрасно выясненного немецкой философией. В этом случае, как и во многих других, полезно припомнить взгляд Гегеля, которого, конечно, трудно было бы обвинить в пристрастии к «революционной деятельности». «Когда хотят понять **возникновение или исчезиовеиие** чего-либо,— говорит он,— то воображают обыкновенно, что уясняют себе дело посредством представления о **постепеииости** такого возникновения или уничтожения. Однако изменения бытия совершаются не только путем перехода одного количества в другое, но также путем перехода качества различий в количество, и наоборот,— того перехода, который **прерывает постепенность,** ставя на место одного явления другое, качественно отличное от него»...

...Насильственные перевороты. «реки крови», топоры и плахи, порох и динамит — все это весьма печальные «явления». Но что же прикажете делать, если они неизбежны? Сила всегда играла роль повивальной бабки, когда рождалось новое общество. Так говорил Маркс, и так думал не один он. Историк Шлоссер был убежден, что только «огнем и мечом» совершаются великие перевороты в судьбе человечества... Вот что говорит он по поводу проектов реформ Тюрго, до сих пор приводящих в умиление филистеров: «Эти проекты заключают в себе все существенные выгоды. которые приобрела Франция впоследствии посредством революции. Только революцией они могли быть достигнуты, потому что министерство Тюрго в своих ожиданиях обнаруживало слишком сангвинико-философский дух: оно надеялось, вопреки опыту и истории, единственно своими предписаниями переменить социальное устройство, образовавшееся в течение времени и скрепленное прочными связями. Радикальные преобразования **как в природе,** так и в истории возможны не прежде, как по уничтожении всего существующего огнем, мечом и разрушением».

...Откуда же является эта печальная необходимость? Кто виной?

Иль силе правды
На земле не все доступио?

Нет, пока еще не все. И происходит это благодаря различию классовых интересов в обществе. Одному классу полезно или даже существенно необходимо перестроить известным образом общественные отношения. Другому — полезно или даже существенно необходимо противиться такому переустройству. Одним оно сулит счастье и свободу, другим грозит отменой их привилегированного положения, грозит прямо уничтожить их как привилегированный общественный класс. А какой же класс не борется за свое существование, не имеет чувства самосохранения? Выгодный данному классу общественный строй кажется ему не только справедливым, ио даже единственно возможным. По его мнению, пытаться изменить этот строй — значит разрушать основы всякого человеческого общежития. Он считает себя призванным охранять эти основы хотя бы даже силою оружия. Отсюда — «реки крови», отсюда — борьба и насилие.

Впрочем, социалисты, размышляя о предстоящем общественном перевороте, могут утешать себя тою мыслью, что чем больше распространятся их «разрушительные» учения, тем развитее, организованнее и дисциплинированнее будет рабочий класс, а чем развитее, организованнее и дисциплинированнее будет рабочий класс, тем меньших жертв потребует неизбежная «катастрофа».

Притом же торжество пролетариата, положив конец всякой эксплуатации человека человеком, а следовательно, и разделению общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, сделает гражданские войны не только излишними, но даже и прямо невозможными. Тогда человечество будет двигаться одной «силой правды» и ие будет иметь надобности в аргументации с помощью оружия.

---

* Названне дано редакцией.
Из статьи «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова», 1889.

«АНТИСОВЕТСКИЙ» МУЗЕЙ

КРАЕВЕДЕНИЕ ГЛАЗАМИ ГПУ

В 1913 году в Костроме, как и повсюду в России, праздновали 300-летие дома Романовых. В честь этого события организовали земскую выставку — смотр богатств и достижений края. Для устройства отдела, представлявшего губернию в естественноисторическом, географическом и этнографическом отношениях, было создано весной 1912 года Костромское научное общество (КНО). Его секретарем стал Василий Иванович Смирнов.

Много ли могут сделать энтузиасты, объединенные любовью к своей земле и науке? Как показала история КНО, немало. Существуя на взносы и пожертвования, оно развернуло огромную археологическую, этнографическую. просветительскую работу.

Общество не сразу обрело многочисленных сторонников. Когда были впервые разосланы по губернии 3 тысячи экземпляров обращения и устава, желание вступить в организацию изъявили лишь десять человек. А как горько было активистам КНО видеть, что пустует любовно собранная фотовыставка! Кто знал тогда, что эта же фотоколлекция в конце столетия составит основу одной из интереснейших выставок Костромского музея-заповедника...

Октябрьская революция дала костромской интеллигенции надежду. Прежние рогатки рухнули, новые еще не укрепились. Просвещение освободившегося народа — не грандиозное ли поле для работы? Общество стало инициатором создания областного университета, коллегии по охране памятников, геофизической, биологической, этнологической станций. И это в годы всеобщей нищеты, когда русская наука, особенно провинциальная, задыхалась от отсутствия средств!

Вскоре положение стало меняться к лучшему, начало налаживаться снабжение, отделения КНО возникли в уездах. По всей области работали экспедиции, открывались библиотеки, распространялись анкеты, дававшие представление о жизни края. Наступал золотой век костромского краеведения.

Усилия костромичей оценили и поддержали академики Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург. Но, как оказалось, общество привлекло внимание не только светил науки...

Недавно Костромской комитет государственной безопасности раскрыл часть своего архива. Там обнаружились документы, запечатлевшие разгром КНО в начале 30-х годов. Вновь зазвучали голоса обвиняемых и обвинителей, жертв и палачей...

Из речи В. И. Смирнова, председателя Костромского научного общества по изучеиию местиого края (КНО), заведующего Музеем местиого края, посвящеиной 10-летнему юбилею общества 18 мая 1922 года.

Подвижничество никогда не переводилось, подвиг принял лишь в наше время новые формы. А работа Научного Общества при тяжелом экономическом положении, при нехватке предметов научного оборудования и книг, при отсутствии средств для печатания и прочего была зачастую истинной мукой и подвигом...

Приходилось работать часто без книги. Этот самый важный научный инструмент нередко нельзя приобрести на рынке, и как бы ни были полны книгохранилища, они далеки от того, чтобы удовлетворить научный спрос в самых разнообразных отношениях.

Отсутствуют самые необходимые предметы оборудования — инструменты, консервирующие средства и т. д. Дороговизна и трудность оборудования экспедиций, известные затруднения с печатанием, затруднения в настоящий момент прямо непреодолимые — ставили О-во в чрезвычайно тяжелое положение. К этому следует добавить крайнее обнищание как самого О-ва в целом, так и отдельных работников, деятельность которых обычно протекает под знаком бескорыстного увлечения и порыва, несмотря на отсутствие соответствующей обстановки в личной жизни. Вместо кабинетной или, так называемой у естественников, работы в поле приходится работать на картофельных плантациях и разводить кроликов или набирать всевозможные работы, совершенно отвлекающие от краеведческого дела. Положение многих членов граничит в настоящий момент с голодом. Русская наука вообще ходила в рубищах, но провинциальная наука, особенно в последнее

время, являет поразительное зрелище нищеты, для нее героическое время и время кустарничества не миновало. [...]

Особенно страшно стало положение с момента новой экономической политики. Правительство отказывается субсидировать, учреждения, поддерживавшие раньше культурно-просветительные начинания, обнищали сами, новая буржуазия, как кто-то сказал, приобрела все дурные привычки старой и ни одного хорошего навыка. Создается такое положение, что краеведческое дело никому не нужно — ни правительству, которое равнодушно к гибели подобных научно-просветительных учреждений, ни народу — широким массам, которые не умеют еще ценить важности научной работы. [...]

В борьбе за существование в такой ответственный момент, когда кругом гибнут научно-просветительные учреждения, закрываются школы, читальни, библиотеки, университеты, членам Об-ва, не желающим ни чинов, ни орденов, ни знаков отличия, ни повышений по службе, не получающим ни академического пайка, ни подачек **«Ары»**, приходится напрячь последние силы, чтобы спасти положение дела, чтобы Об-во выжило, помня, что только знание страны может вывести русский народ из создавшегося тяжелого положения...

Архивное следственное дело Управления КГБ по Костромской области № 4323 — С. Начато 1930, 15 ноября, кончено 1931, 28 февраля.

Протокол допроса от 1930, 17 ноября

Я, нижеподписавшийся, допрошен в качестве свидетеля, показываю:

Фамилия, имя, отчество. В-в Петр Васильевич.

Возраст. 38 лет, *Происхождение.* Из крестьян.

Местожительство. Кострома. Дом советов.

Основная профессия. Наборщик.

Место службы и должность. Зав. оргинстр. горкома партии.

Семейное положение. Женат.

Имущественное положение. Нет.

Партийность в данное время. Член ВКП(б).

Политические убеждения —

Образование. Низшее.

Чем занимался и где служил: а) до 1914 г. — наборщиком, б) до февраля 1917 г. — то же; с октябрьской революции 1917 года — на разных выборных должностях.

С первых дней моей работы в музее с ноября 1929 г. мною был поставлен вопрос об увольнении из музея научных сотрудников Смирнова В. И., Пауля П. П. и Рязановского И. П. Это же решительно поддерживал и зав. окр. ОНО т. Б-в, который сейчас служит в Ивановском комвузе или Совпартшколе. Толчком к постановке вопроса об увольнении было только что произведенное обследование музея комиссией окрОНО. Обследование показало, что музей не является музеем, который бы содействовал и увязывал свою работу с хозяйственным и культурным строительством Костромского округа, а был только хранилищем старых в большинстве и частью новых экспонатов, в значительной части барахла, которое давно нужно было изъять из музея, в особенности на складах, где было все, что угодно вплоть до множества царских портретов, которые были привезены еще в 1913 году...

Этнологическая станция, которой заведывал Смирнов, была до 1929 г. такая, что я был сторонником ее ликвидации, т. к. она вместо изучения быта рабочих занималась изучением суеверий, верований, хомутов, форм хлебопечения. Я считаю, что Смирнов без сомнения чужой человек по отношению к существующему строю; его идеология без сомнения враждебна политике Соввласти и партии, и он с момента Революции руководил Научным О-вом и Музеем, подобрал подходящих себе по духу людей в числе вышеупомянутых лиц, вел работу, направленную не на пользу социалистического строительства, и научное о-во и Музей являлись базой для а[нти]советских группировок с целью проведения своей а[нти]советской и антиобщественной политики.

Протокол допроса свидетеля Г-на Е. А. (27 лет, образование высшее, экономист), от 1930, 17/XI.

Гр. Смирнова узнал примерно в 1929 г., застав его в должности председ[ателя] КНО, к которому довольно доверчиво относился Губплан, поручая ему ряд работ экономического порядка. На меня он производил впечатление любящего указывать, мня себя большим знатоком дела. В КНО он наряду с председательствованием занимал должность зав[едующего] этнологич[еской] станцией, и, как потом выяснилось... главное внимание уделял в работе вопросам, не связанным с народным хозяйством, а описаниям ведьм, былин и др. прочей дребедени, ничего общего не имеющих с соц. строительством. По настоянию комфракции КНО — нам удалось его снять с должности председателя КНО, а затем особым финансовым манером (т. е. не дали денег на содер[жание] трех раб[отников] этнолог[ической] станции) уволиться с должности зав. станцией.

Протокол допроса свидетеля Б-ва Н. С. (выпускник Московского университета, член ВКП(б) с 1919 г., заместитель директора Ивановского Комвуза по учебной части), 1930, 28/XII.

С Вас. Ив. Смирновым, Паулем и Рязановским я познакомился в конце 1928 г. (октябрь?), когда, по решению Костр. Губкома был введен в состав Правления Н[аучного] О-ва, как представитель ГК. Мне, так же как и др. партийцам в составе правления (К-н, В-в), бросалась в глаза ярко выраженная спайка среди старых работников КНО... Кроме направления работы очень интересно отметить *состав* работников (дети помещиков, попов и т. д.). Для меня все время была вопросом их научная квалификация. О чем они писали в своих «трудах» — ГПУ знает...

Протокол допроса обвиняемой О-вой Н. И., метеоролога костромской геофизической обсерватории КНО (34 года, образование среднее неоконченное, «имущественное положение — рояль»), 1930, 28/XII.

Антисоветские разговоры были, главным образом, у радиоприемника, в комнате, где занимался Добровольский, где мы собирались вечером в свободное от работы время; при а[нти]советских разговорах присутствовали Добровольский, Васильев, Парийская, Титов и я. Инициатором антисоветских разговоров был Добровольский. Антисоветские разговоры сводились к следующему. Добровольский говорил, что положение в стране ухудшается, «тяжелая промышленность идет к упадку и сокращается». В другом случае Добровольский заявлял: «Смена научных работников не подготовляется, старшие работники работают в очень тяжелых условиях и сменяются менее опытными работниками». В отношении коллективизации и ликвидации кулака как класса Добровольский говорил: «Темпы коллективизации взяты правительством слишком быстро, без достаточной подготовки населения». «Факт раскулачивания жесток и конфискация имущества и высылка кулаков несправедлива»...

Из показаний П. К. С. — сотрудника музея с 18/IX 1930 года. Допрос 15/XII.

Как интересный штрих могу сообщить следующий факт: дня два тому назад два члена научного о-ва — Дубынин (быв. зам. председателя) и Полянская, беседуя о чем-то, заговорили о резолюции последнего общего собрания науч. о-ва, в которой говорилось, что «общее собрание посылает пламенный привет ОГПУ, раскрывшему контрреволюц. организации», и высказывали предположение, что пусть кто вносил предложение, тот пусть и передает.

Из показаний Е. Н. Б-вой, педагога. 1930, 20/XI.

Не помню, в каких выражениях, но В. И. Смирнов в разговорах высказывался, что наука падает при коммунизме, что преданных науке людей будет мало. Сам он, по-видимому, считал себя преданным науке.

Все сведения относятся, главным образом, к 1922—23 г., когда я 1/2 года служила в Научном О-ве. После я совершенно потеряла связь со всеми и встречалась только случайно на улице.

В дополнение к данному мною показанию вчера могу сообщить, что на вечеринках политических каких-нибудь ярких тостов не помню, разве только тост за свободную, вне политики, науку, т. к. Смирнов считал, что наука должна быть вне политики, что коммунизм не способствует развитию науки, а, наоборот, является тормозом к ее развитию. Относительно тостов скажу, что теперь, когда прошло так много лет, трудно припомнить, кто произносил тост за свободную от политики науку, но точно бы это похоже больше всего или даже только на Смирнова.

Из показаний В. И. Смирнова, 1930, 22/XI.

По своим научным вкусам я археолог и этнограф. Но... от этих любимых предметов мне часто приходилось отходить ввиду требований жизни. Я, однако, всегда думал, что и археология, и этнография (этнология), изучающие человека, эту самую главную производительную силу, в результатах своих должны иметь практическое значение. Поэтому, когда только представлялось возможным, я занимался этими дисциплинами...

Мое отношение к науке самое возвышенное. Я твердо убежден в силе человеческого разума. Знаю, что наука даст еще колоссальное увеличение естественных производительных сил, вскроет удивительные тайны природы и истории...

Из заявления В. И. Смирнова.

Моя основная мысль о краеведческой работе была такая: край нуждается в изучении не меньше, чем центр. ЭТО НУЖНО ДЕЛАТЬ НА МЕСТЕ. ПО ВОЗМОЖНОСТИ МЕСТНЫМИ СИЛАМИ, СОЗДАВ ДЛЯ ЭТОГО ПОДХОДЯЩИЕ УСЛОВИЯ.

Наука, рассуждал я, и продолжаю так думать, не должна быть достоянием только центральных ученых, которые и не могут обслужить всю страну. Может быть, такое понимание вопросов и можно назвать децентрализацией науки... Мне казалось необходимым спустить научную или по крайней мере собирательскую работу до уезда, потом до волости, и, наконец, до села...

Если все это считать антисоветской децентрализацией — это значит не понимать того, что такое краеведение.

Из показаний В. И. Смирнова, 1930, 27/XII.

Сейчас я задаю себе вопрос: может быть, совсем не надо было заниматься организацией изучения человека? Не говоря о том, что для меня отдать свои силы только на то, чтобы устраивать благополучие биологов, геологов и геофизиков и самому не заниматься интересующими меня научными вопросами, было бы очень тяжело, помимо всего этого — изучение вопросов труда, рабочего и крестьянского быта, изучение технических навыков населения и т. д. В отдельных случаях археологические разведки (чтобы предохранить уничтожаемые распахиванием и кладоискателями памятники) — все это, по моему мнению, нужно и даже очень нужно для социалистического строительства. Дело лишь в том, как это лучше делать.

Постановление о предъявлении обвинения гр. Смирнову Василию Ивановичу, 1931 года Января 15 дня.

...Гр. Смирнов уличается в том, что: являясь руководителем Костромского Краевед. О-ва и Костр. Музея, в работе этих организаций проводил контр-революционные установки, получаемые через Святского от Ленинградского Бюро Краеведения, являющегося контр-революционным центром в краеведении, а потому, руководствуясь ст. 128 УПК, постановил:

Привлечь гр. Смирнова В. И. к делу в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинения по ст. 58/10, 11 УК, о чем и объявить ему под расписку с извещением копией настоящего постановления Прокурора области.

Нач. 2 отдела ПП Л-ий.

Постановление мне объявлено: («и с ним я не» — зачеркнуто — Л. С.)

Вас. Смирнов.

Предисловие и публикация
ЛАРИСЫ СИЗИНЦЕВОЙ

ОГОНЬ, БРОДЯЩИЙ ПОД ЗЕМЛЕЮ...

Писатель и литературный критик Игорь Золотусский — о Гоголе, вере и Оптиной Пустыни.

— Игорь Петрович, в письме Гоголя к отцу Филарету есть известная фраза о том, что надлежит ему, Гоголю, «на всяком месте своего странствия быть в Оптиной Пустыни». Что, по-вашему, она означает? И почему именно Оптина Пустынь?

— Это был первый русский монастырь, который на несколько дней приютил Гоголя. Гоголь мог бывать в монастыре лишь в детстве, с родителями,— они ездили на моление в соседние села, поскольку в самой Васильевке церкви еще не было, они ездили в Диканьку, в Сумы, в Полтаву, и тогда Гоголь мог быть в монастыре. Но первый монастырь, в который попал взрослый, зрелый Гоголь, была именно Оптина Пустынь. Хотя проездом он мог бывать и в других, но таких сведений у нас просто нет.

Оптина произвела на Гоголя сильное впечатление главным образом потому, что тогда он крайне нуждался в духовной поддержке. Ведь время знакомства Гоголя с Оптиной Пустынью совпадает со временем создания второго тома «Мертвых душ». Но, помимо «профессионального» интереса, который Гоголь питал к русскому духовенству (поскольку в этом произведении он хотел изобразить и священника), тут была и личная, духовная потребность, потому что в годы после возвращения в Россию он испытывал страшные колебания, связанные прежде всего с творчеством, с писанием второго тома «Мертвых душ», который ему не давался... Эта поддержка была нужна Гоголю как человеку верующему, но порою нетвердому в вере, что он ощутил в Иерусалиме, когда был там и молился у Гроба Господня. Ему была нужна поддержка не просто хороших и добрых людей, но людей именно духовного звания, которым он верил и к которым с детства привык относиться с уважением. Хотя, например, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» люди духовного звания изображены комически.

Известно, что Гоголь старался сойтись со священниками, служившими в русской церкви в Риме, встречался он со священниками и в России. В последние годы, когда Гоголь жил в доме Талызина на Никитском бульваре, он посещал очень многие церкви и был знаком со многими людьми духовного звания, включая, конечно, и своего духовника, отца Матвея Константиновского, о котором так много говорят, когда вспоминают смерть Гоголя, и священника церкви Симеона Столпника, в приходе которой находился дом Талызина... Что же касается знакомства Гоголя с монастырской жизнью, с бытом монахов, с их духовной деятельностью, то все это он впервые увидел в Оптиной Пустыни, и произошло это в июне 1850 года...

— Случайно ли, на ваш взгляд, то, что посещение Гоголя Оптиной состоялось в самый последний период его жизни?

— Вскоре после смерти Гоголя Жуковский писал, что призванием Гоголя было монашество, что именно к нему он стремился в последние годы жизни, но так и не смог порвать с миром из-за того, что был наделен гениальным даром живописца и поэта. Уход из мира был бы для него уходом из литературы, из творчества. Но то, что Гоголь в личной жизни стремился к монашеству и почти приблизился к нему,— факт бесспорный. Никаких мирских интересов у Гоголя уже не было, особенно после того, как Вильегорская отказала ему (а Гоголь предлагал ей стать его женой, это предложение было сделано косвенно, тем не менее я считаю его фактом биографии писателя). После этого отказа все житейские устремления как бы оборвались. И осталось одно дело — «Мертвые души». Оно-то и не пускало Гоголя в монастырь. А решиться на разрыв с литературой он не мог...

— В отзыве Игнатия Брянчанинова на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (отзыв этот до самого последнего времени приписывался старцу Макарию) есть такие слова: «...Одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, чтобы светил фонарь, недостаточно одного чистого вымывания стекол, нужно, чтобы внутри его зажжена была свеча». Как вы полагаете, была ли эта «свеча» у Гоголя — ведь Брянчанинов почти отказывает писателю в ней, говоря, что его книга «издает из себя и свет, и тьму»?

— В самом деле, до последнего времени принадлежность этого отзыва старцу Макарию почти не подвергалась сомнению, ведь он был переписан его рукой и хранился в библиотеке Оптиной Пустыни. И если рассуждать строго, коли старец Макарий переписал этот текст, то как бы и согласился с ним, благословил его, высказывая и свое мнение о «Выбранных местах...».

А «свеча», безусловно, была. И горела. Только огонь ее то разгорался, то почти угасал. И это, кстати, совпадает с гоголевским признанием о холоде, охватывающем его. Этот холод не только какой-то физической немощи, но холод ослабления веры, угасания ее. Для Гоголя угасание физическое, телесное, связано с угасанием духовным, а духовное, по Гоголю,— это прежде всего вера в Бога. И такое охлаждение было свойственно Гоголю...

— О взаимоотношениях русских писателей с Оптиной Пустынью написано достаточно много. Но вот что бросается в глаза: ни о ком столь беспардонно не лгали, как о Гоголе. В чем, по-вашему, причина?

— В том, что Гоголь был просто узурпирован социалистической идеологией, как критик, как сатирик, как разоблачитель царизма. Гоголю так и не простили того, что простили скрепя сердце Толстому и Достоевскому. Хотя Достоевского до последнего времени опять же всего не прощали... Гоголя как бы разделили на две части: *до* «Выбранных мест...» и *после*. И все, что оказывалось после, окрашивалось в густые, черные тона. Срочно требовался миф о Гоголе-сатирике, Гоголе — карающем гении, который был ниспослан России для того, чтобы обличать ее язвы и раны. И, естественно, все, что было сделано Гоголем после 1842 года (я имею в виду и второй том «Мертвых душ», и «Размышления о Божественной Литургии», и «Исповедь»), никак не желало вписываться в эту мифологию. Поэтому необходимо было объяснить их появление вмешательством каких-то посторонних сил, которые якобы оказывали гнусное влияние на Гоголя. И эти силы были найдены прежде всего среди людей верующих, религиозных, каковыми являлись и Александр Петрович Толстой, и Матвей Константиновский. Считалось, что именно церковь повлияла на Гоголя, заставив его сжечь второй том «Мертвых душ».

— Гоголь, как известно, впервые приехал в Оптину по приглашению Ивана Васильевича Киреевского, первого из русских литераторов, тесно связанного с нею, человека, в литературном и в житейском отношении в общем-то спокойного и уравновешенного... Но вслед за ним в Оптину потянулись люди великих страстей: Гоголь, Достоевский, Толстой, Леонтьев...

— Мне кажется, здесь все очень просто. Эти люди как раз и потянулись туда, что хотели умерить, смирить свои страсти в стенах монастыря, укротить гордыню. Они сознавали меру своего влияния на общество и нуждались в помощи тех, кого бы в некотором смысле могли поставить выше себя. А где, как не в церкви, и прежде всего у старцев, искать этого примирения с самим собой, искать смирения своей гордыни? Ведь старцы — это люди, всей жизнью доказавшие чистоту своей веры, отрекшиеся от всего во имя Бога.

— Один из наших публицистов замечает, что Гоголь и Достоевский приезжали в Оптину Пустынь вовсе не как писатели, а как православные верующие люди... Возможно ли вообще подобное разделение?

— Я думаю, что разделять писателя и верующего христианина в одном человеке нельзя. Потому что писание всегда связано с внутренними убеждениями, а они неотрывны от веры, если он человек верующий. Он может сомневаться, может колебаться в своей вере, может порой задавать Богу провокационные вопросы, как это делал Достоевский, но даже спор с церковью и создание собственного Евангелия, на что решился Толстой в конце жизни, не отрицают того, что все это находится в сфере религиозности этих людей, их веры в Бога. Содержание их жизни неотрывно от того, что они писали. Приведенное вами разделение неточно и несправедливо, потому что для верующего писателя просто нет возможности воплотиться в слове без обнаружения своей веры.

Лев Толстой стремился в Оптину Пустынь не только как религиозный человек, но и как писатель, он и в Оптиной Пустыни продолжал работать, до последнего дня вел записи о собственном состоянии — даже во время последней болезни в Астапове. Писатель, творец не умирал в нем до самой последней минуты. Я думаю, так же было и с Гоголем, и с Достоевским.

— Что вы думаете о паломничестве современных литераторов в Оптину Пустынь? И почему, на ваш взгляд, церковь испытывает некоторую неприязнь к литературной славе, литературной «ауре» Оптиной Пустыни?

— Лично я впервые побывал в Оптиной Пустыни в 1969 году, когда туда еще никто не тянулся, и застал ее полностью разрушенной, разоренной и оскверненной. Единственное, что еще оставалось там, так это могилы братьев Киреевских. Не мода, а Гоголь привел меня туда...

А причина упомянутой вами неприязни — в своеобразном соперничестве за власть, власть над умами. Видимо, церковь не хочет разделить ее с людьми светского звания, каковыми являются писатели, тоже имеющие свою «паству». Тем более, я уверен, деятели церкви связывают писательство с человеческой гордыней и с владычеством над умами, которым никакая церковь не может поступиться.

Думаю, и самая обычная ревность тоже имеет тут место. А уж когда писатель дерзает посягнуть на области, так сказать, смежные с богословием, религией, с учением Христа, когда писатель вторгается в сферу, являющуюся прерогативой церкви. Ведь в эту сферу проникали и Достоевский, и Толстой, и Гоголь, хотя Гоголь, как сказал мне отец Евлогий (архимандрит Евлогий, наместник Оптиной Пустыни с 1988 г. — **Г. О.**), наиболее христианин из них всех, и в его вере больше смирения, покорности и страха, чем, например, в вере Толстого или Достоевского...

— Как вы полагаете, возможно ли в каком-то виде возрождение старчества? В частности, каким, по-вашему, может быть духовный статус воскресающей Оптиной Пустыни?

— У меня был разговор на эту тему с отцом Евлогием. Я спросил: возможно ли возрождение старчества? Именно здесь, в Оптиной Пустыни. Он мне сказал: знаете, чистый духовный огонь, который воплощало в себе старчество, никогда не угасал, он ушел глубоко под землю и где-то «ходит» под землей. Где он снова выйдет на поверхность, мы не знаем. Он может и не выйти вновь, даже если институт старчества будет воссоздан в тех же формах, в каких он существовал в конце прошлого и в начале нынешнего столетия.

Мне понравился его ответ, потому что все-таки Бог — *располагает*. Можно отстроить кельи, можно призвать монахов, готовых к духовному подвигу, но возродится ли былой дух оптинского скита? Ведь создавался он в течение достаточно долгого времени: почти полтора столетия. И на вопрос о возрождении старчества разве что Бог может ответить, здесь ли оно возродится или в другом монастыре, где появится посланник Божьей воли. На этот вопрос ответить так же трудно, как на вопрос: возможно ли у нас появление литературы такого уровня, какая была в XIX веке и которая закончилась... ну, скажем, Блоком? Если Бог захочет, такие люди появятся, таланты и гении придут. А явятся ли они в образе писателей или же будущих старцев — никто не знает.

Но среди нынешних монахов Оптиной Пустыни очень мало людей, подготовленных к какому-то духовному подвигу, развитых в духовном смысле. Они мало читали, мало знают. У них есть чистое, искреннее желание послужить Богу, но нет ни знаний, ни культуры. Поэтому должен минуть целый исторический период, прежде чем появятся такие люди, к которым грядущий Лев Толстой сможет прийти за советом.

— Что значит для вас сегодня Оптина Пустынь как для человека, как для писателя?

— Когда я приехал осенью 1989 года в Оптину Пустынь — мы снимали там фильм о Гоголе,— она как бы пролила на мою душу бальзам, потому что я был в состоянии раздражения и ожесточения, в котором ныне пребывает почти каждый российский житель. И эта атмосфера приюта, угла, где можно приклонить голову и побыть наедине с самим собой, где люди доброжелательны друг к другу, где, наконец, стучат молотки и восстают из пепла и небытия здания и храмы, восстают прямо на глазах,— все это вызвало необычайный душевный подъем. Я жил в келье, питался в трапезной, и никто не знал, кто я такой. И слава Богу...

Радушие, спокойствие, созидание, которое видишь собственными глазами, вдохновляет и окрыляет после разочарования и упадка духа, которые навевают дела, творящиеся в стране, дела, вызывающие чувство безнадежности, тупика и пустоты. Когда я увидел Оптину Пустынь с уже возрожденными главами Введенского собора, других церквей, монастырские стены, то испытал потрясение по-настоящему светлое и доброе. Такого очага добра, спокойствия и трудолюбия я еще нигде не видел...

Беседу вел
ГЕОРГИЙ ОСИПОВ

ОПТИНА-ПУСТЫНЬ.
Видъ Предтечева скита.

МОСКВА, ЯНВАРЬ 1991

Фото ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ,
собственный корреспондент журнала «Родина» в США

ДЕНЬГИ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Извечный спор историков: Ленин и идеи, Ленин и деньги, Ленин и власть. *«В вашем изображении,—* писал меньшевик Н. В. Валентинов другому эмигранту, историку Б. И. Николаевскому 10 января 1959 года,— *... Ленин перестает быть Лениным, человеком, о котором правильно говорили: не он владеет идеями, а идеи им. У вашего Ленина не идеи, а только желание наложить лапу на «секретные капиталы». А для чего ему это нужно? Чтобы держать с помощью денег партию в подчинении. Но для чего ему нужно это подчинение? Чтобы партия шла по пути, им указанному, осуществляя идеи, им указанные. Но если это так, а это вне сомнения, то ведь главное у Ленина идеи, а не деньги»* (Архив Института Гувера, коллекция Николаевского (АИГН), 508/2).

«Основное наше расхождение, по-моему,— отвечал Николаевский,— *конечно, в общей оценке Ленина... Вы считаете, что не Ленин владел идеями, а идеи им? Я считаю это совсем неверным. Конечно, у Ленина были известные идеи, которым он оставался верен с юности до конца, но этими идеями он владел с большим искусством, делая их крайне гибкими,— как никто другой на верхушке старой социал-демократии. Конечно, Вы правы, деньги нужны были не для денег. Он хотел иметь власть над партией для проведения определенной политики, но он был убежден, что если он будет иметь власть, то он сможет проводить нужную ему политику лучше, чем кто-либо другой. Поэтому для получения власти он был готов идти на большие зигзаги. Деньги были нужны для власти над партией... Так он думал всегда и именно для этого не останавливался ни перед чем, чтобы завладеть кассой»* (АИГН, 508/2).

Если признать эту точку зрения правильной, то на пути к власти Ленин должен был принять любую помощь — в том числе и поддержку со стороны Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария), противостоявшего России в первой мировой войне. Здесь истоки неоконченного спора о «германских деньгах» большевиков.

I. Так были ли миллионы?

В 1919 году в Вашингтоне на английском языке были изданы так называемые Сиссоновские документы, содержавшие свидетельства связи большевиков и немцев. Однако, как показал анализ, эти достоверные в своей основе документы были «подредактированы» заинтересованными лицами, гнавшимися за политической шумихой.

В 1921 году сенсацией разнеслись по миру куда более достоверные сведения. Они были обнародованы германским социал-демократом Эдуардом Бернштейном, занимавшим одно время пост заместителя министра финансов Германии. В статье «Темная история», опубликованной в утреннем выпуске газеты «Форвертс» 14 января 1921 года, он указал, что германское правительство, заинтересованное в скорейшем ослаблении Российской империи и выходе ее из войны, нашло выгодным для себя финансирование социалистических партий (в том числе и ленинской группы), ибо те стояли за поражение России в войне и вели усиленную пораженческую пропаганду.

«Антанта утверждала и утверждает до сих пор, что кайзеровская Германия предоставила Ленину и товарищам большие суммы денег, предназначенные для агитации в России. Действительно, Ленин и его товарищи получили от кайзеровской Германии огромные суммы. Я узнал об этом еще в конце декабря 1917 года. Через одного друга я осведомился об этом у некоего лица, которое, вследствие своих связей с различными учреждениями, должно было быть в курсе дела, и получил утвердительный ответ. Правда, тогда я не представлял размера этих сумм и не знал, кто был посредником при их передаче. Теперь я получил сведения от заслуживающего доверие источника, что речь идет о суммах почти неправдоподобных, наверняка превышающих 50 миллионов немецких золотых марок, так что ни у Ленина, ни у его товарищей не могло возникнуть никаких сомнений относительно источников этих денег».

Статья Бернштейна вызвала протесты германских коммунистов: его обвинили в клевете и потребовали у МИДа официального ответа — кто финансировал ленинскую группу в Германии. Министерство, по существу, ушло от ответа. Тогда Бернштейн опубликовал вторую статью — «Немецкие миллионы Ленина».

«На запрос правительству коммуниста В. Дювеля относительно выдвинутого мною утверждения о выдаче Ленину и его товарищам 50 миллионов марок

министерство иностранных дел дало именно тот ответ, какой предполагала расплывчатая формулировка вопроса. МИД заявил, что в его документах нет никаких указаний на то, что он дал согласие на поддержку Ленина и его товарищей немецкими военными властями...

Этот ответ отрицает то, чего я не утверждал, зато тщательно обходит всякое высказывание о том, соответствует ли действительности или нет сказанное мною... В ответе даже не сказано, что министерству ничего не известно об этом деле. В ответе лишь говорится, что в документах МИД на эту тему ничего нет. Но на войне происходит множество событий, которые никоим образом не отражаются в документах правительственных учреждений».

Не удовлетворившись статьей, Бернштейн опубликовал еще и заявление:

«В коммунистических и националистических газетах выдвигается утверждение, будто мои данные о крупных суммах, которые Ленин и товарищи получили в 1917 году из средств кайзеровской Германии на деятельность в России, базируются исключительно на публикациях правительств Антанты... Это утверждение высосано из пальца. Эти публикации прессы Антанты и Вашингтонского информационного агентства появились летом 1918 года, я же, как я писал об этом в своей первой статье по этому вопросу, получил информацию об этом в конце 1917-го. Добавлю, что информация исходила от немцев... Но так как тогда я не узнал точных данных о размере суммы, я ограничился тем, что поставил в известность об этом лишь близких своих друзей-единомышленников, не считая эту информацию достаточной, чтобы довести ее до публичного сведения. Публикации документов Антанты (так называемые Сиссоновские документы) не заставили меня изменить этой точки зрения. Все время войны я придерживался принципа, что не могу использовать для атаки такие обвинения прессы Антанты, если только их подлинность не может быть установлена вне всяких сомнений. И лишь когда совсем недавно некий чрезвычайно осведомленный и заслуживающий доверия немец подтвердил то, что стало мне известно в конце 1917 года, и к тому же уточнил размер сумм, я счел своим долгом довести дело до сведения общественности и особенно социалистического Интернационала... Пока же я ограничусь заявлением, что я не для того обнародовал это дело, чтобы его снова замолчали или направили бы по ложному пути. Вопрос должен быть сформулирован гораздо более определенно, более прямо».

Кроме того, имеется неопубликованная архивная запись рассказа Бернштейна, где он раскрывает источники информации:

«О получении большевиками денег от германского правительства я услышал на заседании комиссии рейхстага в 1921 году. Заседание комиссии, обсуждавшее вопросы внешней политики, состоялось под председательством депутата рейхстага проф. Вальтера Шюкинга... Во время этих бесед один из членов комиссии громко заявил другому: «Ведь большевики получили 60 миллионов марок от германского правительства». Я тогда спросил сидевшего возле меня легационсрата Эккерта (впоследствии посланника), соответствует ли это заявление действительности. Господин Эккерт это подтвердил. На другой день я посетил проф. Шюкинга, как председателя комиссии, и, рассказав ему о разговоре относительно упомянутых 60 млн. марок, спросил, известно ли ему что-нибудь об этом. На это он мне ответил, что и ему известен факт выдачи этой суммы большевикам» (Архив Института Гувера, коллекция Николаевского (АИГН), коробка 786, папка 6).

Бернштейн затронул проблему, в обсуждении которой было не заинтересовано слишком много людей, и прежде всего правительственные круги Германии и германские социалисты. Поэтому всех заинтриговавший вопрос остался без ответа, а Бернштейн, равно как и немецкие коммунисты, предпочел не настаивать на создании комиссии расследования о германских золотых марках. И когда известный охотник за провокаторами и шпионами В. Л. Бурцев предложил германскому социал-демократическому издательству книжку о том, как Ленин и большевики получали деньги от германского имперского правительства, издательство отказалось ее печатать.

«Я далеко не уверен, что об этом вопросе говорить своевременно,— объяснял в 1931 году Николаевский Бурцеву.— *... Во всяком случае немцы-то вполне определенно убеждены, что поднимать эту группу вопросов преждевременно... Простите меня, Владимир Львович, неужели Вы думаете, что Ваша эта работа может быть принята к изданию каким-либо немецким социал-демократическим издательством? Ведь это абсолютно невозможная вещь. Ведь Вы, наверное, знаете, что в 1920 г. Э. Бернштейн получил некоторые материалы относительно отношений в годы войны между... немецким штабом и большевиками и начал было их публиковать, но ему пришлось это дело приостановить и он до сих пор к нему не возвращается».* Бурцеву оставалось только согласиться: *«Вы правы, что немцы не хотят поднимать вопроса о том, как они помогали Ленину».*

По прошествии многих лет в распоряжение историков были переданы материалы, позволяющие более основательно изучить ставший уже легендой вопрос о немецких деньгах. Речь идет прежде всего о так называемых документах Земана (Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Под ред. З. Земана, Англия, 1958) и документах Хальвега (Гальвега) (Werner Hahlweg. Lenins ruckkehr nach Russland 1917. Die deutschen Akten. Leiden, Brill, 1957), а также издание L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affairs etrangeres, liv. III. Paris, 1976.

Хальвега интересовало все относящееся к возвращению Ленина в Россию в 1917 году, после Февральской революции. По официальной версии большевиков, группа эмигрантов проехала в пломбированном вагоне через территорию Германии (военного противника России) с разрешения немецкого правительства, дав обязательство агитировать у себя на родине за такое же число интернированных там австро-германцев. В то же время германские политики преподносили эту поездку как «посылку» Ленина в Россию с целью окончательно разложить революцией враждебную русскую армию.

В результате изысканий Хальвега историкам впервые стало известно, что поезд с пломбированным вагоном, в котором ехал глава большевиков, «по техническим причинам» целые сутки простоял в Германии. Как были использованы эти часы?

Публикации Хальвега, с очевидностью указывавшие на сотрудничество с германским правительством таких известных революционеров, как швейцарский социал-демократ Карл Моор (Баер), большевики Ганецкий и Радек, русско-румынско-болгарский социалист Х. Раковский или эсеры Цивин (Вейс) и Рубакин, вызвали настоящий переполох.

«Теперь признаюсь, как наивны мы все были раньше,— писал Николаевский бывшему руководителю французской компартии Борису Суварину 11 апреля 1957 года,— *Ганецкий был связан с немцами или австрийцами еще с 1910—11 гг., и переезд Ленина в Краков, произведенный при помощи Ганецкого, сто-*

ял в связи с новой политикой австро-немецких властей» (Архив Б. Суварина).

«У меня лично нет никакого сомнения в том, что немецкие деньги у Ленина тогда были,— указал Николаевский в другом письме.— *Конечно, брал не он сам, но он знал, что это были деньги немецкие, и давал согласие... Я прихожу к убеждению, что деньги, на которые летом 1904 г. было основано первое большое издательство «Бонч-<Бруевич> и Ленин», были японские и что тогдашний «примиренческий» ЦК знал, что делал, запретив Бончу посылать литературу «японскому правительству» (это была действительная причина, почему партийная экспедиция была тогда отобрана от Бонча)»* (МИСИ, письмо Николаевского Б. К. Суварину от 6 декабря 1957 г., 1 л.).

Окончательный вывод Николаевского был такой: *«...теперь факт получения Лениным огромнейших сумм от немцев через Парвуса — Ганецкого доказан с полной несомненностью. Ленин превосходно знал, откуда получал деньги, на которые покупал типографии. Когда Ганецкого в начале 1918 г. исключили из партии, Ленин добился его восстановления, хотя превосходно знал роль Ганецкого»* (АИГН, 502/21. Письмо Николаевского Б. К. Суварину от 4 мая 1962 года).

Сегодня не может быть двух мнений о том, что Ганецкий был одной из ключевых фигур в сношениях Ленина с германским и австро-венгерским правительствами. К такому же выводу пришел и М. Н. Павловский, который много лет занимался сбором документов о финансировании русских революционеров в архивах австрийского и германского правительства. С 1958 года он просмотрел не менее 10 000 документов и отснял копии с 600 самых важных, неопубликованных (в том числе примерно 100 документов об эсере Цивине). В августе 1961 года Павловский обнаружил документ: *(«телеграмму от 24 июля 1917 года за его [Ганецкого] подписью, переданную из Берлина (вернее — через Берлин, так как все посольства между собой сносились через министерство иностранных дел) в Берн шифром германского министерства иностранных дел, за подписью пом. статс-секретаря Штумма»* (АИГН, 496/3. Письмо М. Н. Павловского Николаевскому от 4 октября 1961 года). Этой телеграмме Павловский придавал первостепенное значение, поскольку, по его мнению, она *«устанавливает не только связь большевиков (заграничной делегации большевиков в 1917 г.) с Парвусом, но и с германским правительством, так как через министерство иностранных дел дипломатическим шифром за подписью пом. статс-секретаря Штумма делегация эта послала телеграмму Парвусу в Берн и вторую лично от «Кубы» (псевдоним Ганецкого)»* (АИГН, 496/3. Письмо М. Н. Павловского Николаевскому от 31 октября 1961 года).

Первостепенную роль в этой акции Николаевский отводил Ганецкому: *«Основные сношения (с Австро-Венгрией) шли по линии штаба, но какие-либо добавочные могли идти по линии министерства иностранных дел... Важен период 1909—14 гг.— позднее связи с большевиками были сосредоточены в руках немцев... Ганецкий, конечно, узловая фигура и для Ленина, и для раскола среди польских с.-д., который прошел именно по этой линии: Ганецкий — «австрийская ориентация», Роза Люксембург, Тышко, Дзержинский и др. противники. Роза была особенно против всевозможных ориентаций и еще в 1904 г. предупреждала о «японских деньгах» у Циллиакуса (финна), который созывал так называемую Парижскую конференцию революционных и оппозиционных организаций (Струве, Милюков, Чернов и др.), и именно поэтому социал-демократы не пошли на участие в ней. Ганецкий сначала был связан с пилсудчиками, а затем, с 1915 г., с Парвусом. Между прочим, в Копенгагене был суд над Ганецким за контрабанду — во время следствия были вскрыты его отношения с Парвусом. Эти документы сохранились и недавно найдены»* (АИГН, 496/3. Письмо Николаевского М. Н. Павловскому от 21 октября 1961 года).

Бывшая советско-итальянская коммунистка А. Балабанова поспешила сообщить, что всегда подозревала в сотрудничестве с германским правительством социал-демократа Карла Моора. Вот что она писала Николаевскому: *«Он хотя и был в Берне (играл первостепенную роль в швейцарском социал-демократическом движении, умный, способный и начитанный социалист), но был немецкого происхождения, и я не исключала возможности, что он был или старался быть посредником. Хотя я принимала деятельное участие в комитете, который хлопотал о возможности вернуться в Россию эмигрантам, большевики от меня скрыли предпринятые ими шаги — поездки в Берн для хлопот и т. п., а когда я накануне их окончательного отъезда в Россию увидела, что они собираются в Берн, Зина (тогдашняя жена Зиновьева) дала мне понять, что мое вмешательство нежелательно (не входя, конечно, в подробности). Когда я приехала в Стокгольм, я застала там Моора. С ним была одна дама, жена швейцарского социалиста (Роб. Гримма), которая принимала деятельное участие во всех его деяниях, то есть они были неразлучны, она присоединялась к нему в беседах, спорах и т. п. Несмотря на мою тогдашнюю наивность, во мне вызвал подозрение их образ жизни, т. е. их затраты, совершенно необычные для швейцарцев. У них я никогда не была, но они заходили ко мне. Когда они однажды сделали мне подарок, насколько помню, часы, я тотчас же подарила им что-то, не помню, большей ценностью, чем их подарок. Таким образом, я отняла у них охоту продолжать... У меня с ним было довольно резкое столкновение, я отказалась принять от него взнос на Циммервальдское движение. Он принес мне 1000 шведских крон, что для тех времен было колоссальной суммой, в особенности для циммервальдского бюджета. Моор очень рассердился на меня, грозил привлечь к партийному суду и был даже груб по отношению ко мне. Точно так же он реагировал, когда, не помню, по какому поводу, сказала, что если бы хоть самый крупный успех деятельности в пользу мира зависел от каких бы то ни было сношений с посольством, я бы на них не согласилась. Он перестал со мной встречаться».*

Балабанова упомянула и других большевиков, так или иначе названных в документах Земана: *«Что он [Моор] имел сношения с Радеком, не доказывает, что Радек был его сообщником (хотя я, конечно, считаю Радека способным на сообщничество); когда Парвус приехал в Стокгольм, я отказалась встречаться с ним и запретила Радеку приходить с ним в циммервальдское бюро, находившееся на моей квартире. Что касается Ганецкого, то я хотя имела с ним сношения на Циммервальдской конференции, но принципиально отказывалась бывать у него (он с семьей жил в роскошной квартире, куда по воскресеньям приезжали гости, в частности Радек). Что касается Воровского, то я полагаю, что он, несмотря на свою личную честность, способен был прибегать к большевистским методам для достижения фракционных результатов. Меня эта двойственность поражала, так как у меня с ним лично были хорошие отношения»* (АИГН, 292/2. Письмо А. Балабановой Николаевскому от 19 марта 1962 года).

Карл Моор был посредником между большевиками и германским правительством в самые критические годы их совместной работы. Неудивительно, что он привлек внимание Николаевского: *«Карл Моор — псевдоним. Настоящую фамилию я сейчас припомнить не могу. Он был из Австрии, принадлежал к какой-то аристо-*

кратической фамилии, кажется, был военным. У него вышла грязная история, и он был вынужден уехать в Швейцарию, переменил фамилию и стал называть себя социалистом. Его история была известна, и к нему относились с недоверием. Уже в 1880—1890-х гг. говорили об его связи с немецкой военной разведкой. Это верно ... Был хорошо знаком с Радеком, Ганецким. Потом поехал в советскую Россию, где и осел. Жил в санатории, как человек, «помогавший революции». Там и умер. Его имя фигурирует в «Протоколах ЦК» большевиков за 1917 год, как человека, который предложил деньги. Принять их большевики отказались: был слишком запачканной личностью и денег давал мало, а большевики тогда получали много через Парвус — Ганецкого» (АИГН, 496/14. Письмо Николаевского г-же Агнеш Петерсон, 7 ноября 1962 года).

Все до сих пор известные документы о «немецких деньгах» происходят из архивов Министерства иностранных дел Германии. Между тем очевидно, что германский МИД был не единственным, а вероятно, и не главным источником финансирования русских революционеров. Подрывной работой занимался еще и германский генштаб. Николаевский считал, что как раз *«основные сношения»* с революционерами шли по линии генштаба и только *«добавочные могли идти по линии министерства иностранных дел»* (письмо Николаевского Павловскому от 21 октября 1961 года). Не случайно в дни Брестских переговоров министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин указал в своем дневнике именно на роль германских военных: *«Германские военные сделали все для того, чтобы низвергнуть Керенского и поставить на его место «нечто другое». Это «другое» теперь налицо и желает заключить мир».* «Нечто другое» было ленинским правительством. Чернин предлагал воспользоваться этим, *«несмотря на все сомнения, которые внушает партнер».* Правда, он умолчал еще об одном канале финансирования деятельности русских революционеров.

«Изучение материалов о связях большевиков с немцами привело меня к выводу о том,— писал Николаевский,— *что настоящая линия связей идет не через немцев, а через австрийцев, именно через австро-венгерский генеральный штаб и организации Пилсудского, причем линия к Ленину шла через Ганецкого ... Для меня особенно интересны связи Ленина с австрийцами периода 1912—14 гг. ... Относительно архива австро-венгерского штаба справки в Вене были наведены, и установлено, что весь этот архив был передан большевикам еще в 40-х гг.: большевики передачу его ставили чуть ли не как основное условие вывода своих войск. Знали, чего хотели».*

II. Кто сделал русскую революцию?

Если историков интересовал вопрос о документальных свидетельствах «германских денег», то политиков волновало прежде всего то, насколько существенной была роль Германии и Австро-Венгрии в деле организации большевистского переворота и смог бы он или нет произойти без германских и австрийских субсидий. Ответ, видимо, следует искать у самих же революционеров.

«Как и Вы, я отношусь скептически к идее, что без немцев революция не случилась бы,— писал меньшевик Р. Абрамович Н. В. Валентинову.— *Но я не совсем уверен в том, что без получения очень больших денег большевистская партия приобрела бы так быстро такую огромную силу. Деньги не все, но презирать деньги нельзя; на них был построен огромный аппарат, огромная печать, которую другим путем нельзя было бы так легко создать. Что же касается самого факта получения денег, то в отличие от Вас я уверен, и имею основания для этого, что Ленин деньги получал, и немалые. Имеется документ ... что немцы печатали прокламации для большевиков в типографии морского ведомства и затем пересылали их в Стокгольм, где они передавались большевистским представителям. Кроме того, имеется документ, который очень трудно оспорить,— доклад министра иностранных дел фон Кюльмана кайзеру Вильгельму от 3 декабря 1917 года, в котором он гордится тем, что денежная помощь большевикам дала очень большие результаты, дав возможность большевикам создать крепкую базу и издавать такую полезную газету, как «Правда». Причем, зная немножко внутрибольшевистские нравы на основании моих личных наблюдений до революции, я убежден, что в большевистской партии ни один человек не принял бы ни одного пфеннига без ведома и согласия Ленина. Даже в подготовке экспроприаций Ленин часто участвовал лично, давая советы и указания. Вы, по-видимому, все еще идеализируете Владимира Ильича. Это был стопроцентный макиавеллист, для которого все, решительно все освещалось целью»* (АИГН, кол. Н. В. Вольского, коробка 3, папка Переписка с Р. Абрамовичем. Письмо Р. Абрамовича Н. В. Валентинову-Вольскому от 4 февраля 1958 года).

Другое свидетельство принадлежит Л. Д. Троцкому: *«Если бы пломбированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля,— не было бы на свете [...]. Авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее сказать, целый слой партии, вместо неистово наступательной политики Ленина, навязала бы партии политику постольку, поскольку»* (Л. Троцкий. Портреты революционеров. Изд. Чалидзе, Бенсон, Вермонт, 1988, с. 45).

Однако подрывная работа в отношении России была частью общей германской политики, направленной на ослабление противника. На так называемую «мирную пропаганду» Германия потратила по крайней мере 382 миллиона марок. Десятки миллионов ушли на подкуп четырех газет во Франции. В России ни одной газеты немцам подкупить не удалось. Германия финансировала лишь ленинскую «Правду» в 1917 году. (Известное утверждение Бурцева о том, что горьковская газета «Новая жизнь» была создана на немецкие деньги, следует, видимо, считать вымыслом. То же относится и к небольшому эмигрантскому журналу «На Чужбине», издававшемуся с 1916 до 5 марта 1917 года.) Более успешной оказалась операция немецкой контрразведки по воспроизведению большевистской литературы внутри России, в частности в типографии Морского министерства.

Германское правительство рассматривало возможную русскую революцию как часть общей подрывной акции в отношении России. Оно не без оснований надеялось, что революция приведет к распаду Российской империи, выходу ее из войны и заключению сепаратного мира, который обещали революционеры в случае прихода к власти. Так, 30 сентября 1915 года по новому стилю через эстонского социал-демократа Кескюлу немцы получили условия, на которых Ленин соглашался подписать с германским правительством мир в случае захвата власти. Пятый пункт соглашения предусматривал предложение мира только в том случае, если Германия откажется от аннексий и военных репараций. При этом не исключалась возможность отделения от России национальных государств, которые будут буфером между Европой и Россией.

Германское правительство, сделав ставку на револю-

цию в России, в критические для Временного правительства дни и недели поддержало ленинскую группу, помогло ей и другим «пораженцам» проехать через Германию в Швецию и получило согласие шведского правительства на проезд эмигрантов к финской границе. Оттуда было совсем уже близко до Петрограда. Поэтому неудивительно, что и октябрьский переворот не стал для Германии неожиданностью. Она смотрела на происшедшее как на дело своих рук.

Немцы никогда с такой легкостью не достигли бы своих целей, если бы их интересы не совпали в ряде пунктов с программой русских революционеров-пораженцев, самым влиятельным и деятельным крылом которых было ленинское.

Как и германское правительство, они желали распада Российской империи.

Однако цели Германии и русских революционеров в войне, совпадая в одних пунктах, расходились в других. Германия смотрела на русских революционеров как на подрывной элемент и рассчитывала использовать их для вывода России из войны. Удержание социалистов у власти после окончания войны, видимо, не входило в планы германского правительства. Революционеры же в помощи, предложенной германским правительством, видели средство для организации революции в России и во всей Европе, прежде всего в Германии. Германское правительство это знало и не желало допустить прихода к власти немецких социалистов. Каждая из сторон надеялась переиграть другую. В конечном итоге победила ленинская группа, переигравшая всех, в том числе и Парвуса, социал-демократа (А. Л. Гельфанда), родоначальника идеи германо-большевистского сотрудничества.

С тех пор Парвус привлекает внимание историков и мемуаристов. Приведем здесь отрывок из воспоминаний меньшевика Е. Ананьина (Чарского), человека, безусловно, осведомленного и неглупого:

«В 1905 году он [Парвус] побывал в России и принимал участие в меньшевистской газете «Начало» (вместе с Потресовым и Мартыновым), был автором крылатой формулы «перманентная революция», узурпированной и пущенной в оборот его «учеником» Троцким. (До войны) в Берлине он жил законспирированный под именем, если не ошибаюсь, чешского гражданина Ваверка... В ту пору его посещало большинство русских эмигрантов, из которых я припоминаю А. Коллонтай, Урицкого, поляка Варского. Тут следовало бы упомянуть еще какую-то темную историю с деньгами Троцкого, в которую Парвус был замешан и из которой он вышел «сухим из воды» благодаря вмешательству Бебеля [...] Повернул он фронт в 1914 г., после объявления войны... занял очень правую германофильскую и шовинистическую позицию. Основал в Копенгагене институт по изучению войны (в котором [из меньшевиков] работали Г. О. Биншток, Ю. Ларин и др.). Ходили слухи... об организации им германского шпионажа или контршпионажа в Черном море. В 1920 г. я был у него на вилле... на Цюрихском озере... [Парвус] много говорил о бессмысленной большевистской системе, приведшей Россию к анархии и хаосу — ибо, по его словам, Ленин и К⁰ не последовали его совету действовать с «разумной постепенностью» и вводить социализм «по этапам, маленькими дозами» (Русская мысль, 25 марта 1958 года, № 1190, с. 2).

В декабре 1915 года Парвус указал, что для организации русской революции нужно около 20 миллионов рублей. Миллион он потребовал сразу же и, видимо, получил. По крайней мере в Гуверовском архиве хранится фотография расписки: *«29 декабря 1915 года мной получен миллион рублей в русских банкнотах для усиления революционного движения в России от германского уполномоченного [слово неразборчиво] в Копенгагене. Д-р А. Гельфанд (подпись)»* (АИГ, Гельфанд Александр, 78086—10.V).

Программа европейских социалистов была абстрактна — революция. Программа Ленина была конкретна: революция в России и приход к власти.

Оставалось только удивляться, каким образом интересы одного из самых радикальных русских революционеров могли настолько совпасть с целями консервативного правительства Германии. Немцев интересовал сепаратный мир с Россией. Ленин сделал лозунг немедленного подписания мира и прекращения войны основным пунктом своей программы. Разговоры на эту тему между германскими агентами и дипломатами, с одной стороны, и революционерами — с другой шли в течение всего 1917 года. С марта немцы делали ставку уже не столько на силу своей армии, сколько на дальнейшее углубление революции и неизбежный рост анархии. Заинтересованность в этом германского правительства и русских революционеров можно признать взаимной. Поэтому не приходится удивляться, что еще 14 марта русские революционеры обратились к представителям германской прессы в Швейцарии с просьбой выступить против развертывания германского наступления на русском фронте. С аналогичной просьбой обратился к германскому правительству король Болгарии Фердинанд, указавший, что было бы ошибкой использовать нынешнюю слабость России и начинать против нее наступление, так как это может привести к усилению влияния Антанты, способствовать политической консолидации в стране. В тот же день, 14 марта, заместитель иностранных дел Германии ответил на телеграмму из Софии, что наступление на русском фронте не планируется. А 16 мая статс-секретарь иностранных дел Циммерман также указывал, что германской армии лучше не наступать, так как это сплотит Россию в борьбе против немцев.

Разумеется, и большевики это хорошо понимали. Первый председатель ВСНХ Н. Осинский (Оболенский) заявил во время дискуссии о Брестском мире в начале марта 1918 года, что *«еще летом (1917), когда провалилось наступление Керенского, когда немцы перешли в наступление на Рижском фронте, они, несомненно, имели абсолютную возможность раздавить русскую революцию точно так же, как русскую армию. Почему они не сделали этого тогда? Разумеется, не потому, что у них были связаны руки на других фронтах, а потому, что они рассчитывали достичь своих целей еще более легким способом: они дожидались внутреннего разложения, которое, по их мнению, должна была принести русская революция, ожидали победы партии мира, которой они считали большевиков, они рассчитывали прийти более простым способом к желанному концу»* (Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962, с. 82).

Немцы хотели распада Российской империи. Ленин поддержал революционный лозунг самоопределения народов, допускавший ее фактический распад. Немцы стремились для компрометации Антанты опубликовать тайные договоры русской дипломатии, показывающие захватнический характер политики России и ее союзников. Ленин выступил с призывом добиваться публикации тайных договоров русского правительства. Фантазия германского правительства, по существу, на этом иссякла.

III. Мир народам?

По общему плану Восточный фронт ликвидировался с приходом Ленина к власти и заключением сепаратного мира. Реализовывались по максимуму планы Германии в первой мировой войне на востоке. Первоначально так казалось всем, не только немцам.

Нужно отдать должное Ленину. Он выполнил данное германскому правительству обещание: 26 октября на съезде Советов был принят известный Декрет о мире. На следующий день его опубликовало Петроградское телеграфное агентство, захваченное и контролируемое большевиками. Правительства стран Четверного союза, внимательно следившие за событиями, отметили это заявление, но разошлись в реакции на него.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин, один из самых разумных дипломатов своего времени, настоятельно рекомендовал начать в германских и австро-венгерских полуофициальных органах обсуждение заявления Советского правительства в благожелательном для большевиков тоне и подготовить почву для скорейшего начала мирных переговоров, дабы как можно быстрее заключить перемирие, а затем и мир.

Ему возражал статс-секретарь Германии по иностранным делам Кюльман; он считал, что, ухватившись преждевременно за неофициальное большевистское заявление, переданное только по телеграфу, немцы рискуют показаться слабыми, борьба за власть между Лениным и Керенским еще не закончена и большевистский режим ни в коем случае нельзя считать стабильным. К тому же немцы боялись скомпрометировать большевиков слишком поспешным проявлением дружеских чувств к ленинскому правительству и дать этим повод Антанте и оппонентам Ленина в России утверждать, что большевики состоят в сговоре с Германией. Поэтому 26 октября (8 ноября) германский посланник в Стокгольме рекомендовал МИДу не публиковать в немецкой и австрийской прессе никаких заявлений о предварительном соглашении с большевиками. Аналогичные меры предосторожности принимались австро-венгерским командованием.

Однако для Антанты роль Германии в октябрьском перевороте была очевидна. Уже 27 октября (9 ноября) лондонская «Морнинг Пост» опубликовала статью «Революция сделана в Германии». Да и сами немцы не смогли долго хранить молчание: в интервью, помещенном в воскресном выпуске «Фрайе Прессе» от 18 ноября (1 декабря) 1917 года, глава германских вооруженных сил генерал Э. Людендорф заявил, что русская революция для Германии не случайная удача, а естественный результат германской политики. Впрочем, если «солдафон» Людендорф отказывался подыгрывать новому, большевистскому правительству, германские и австро-венгерские дипломаты согласны были соблюдать правила игры.

После июльских обвинений Временного правительства в сотрудничестве с германским правительством, с одной стороны, перед лицом социалистов Западной Европы и собственной большевистской партии — с другой, Ленин не мог выступать инициатором сепаратного мира с Германией без риска потерять и без того шаткий авторитет. Немцы с австрийцами и тут подыграли Ленину. *«Насколько я знаю идеи и взгляды Ленина,— писал Чернин,— они направлены на то, чтобы сначала повторить попытку достижения всеобщего мира, а в том случае, если правительства западных стран не пойдут на это, заключить с нами сепаратный мир»*. Но в действительности Ленин был заинтересован в самом быстром сепаратном мире с Четверным союзом, и поэтому, обратившись к Антанте с мирными предложениями, он *«поставил достаточно короткий срок для ответа на свое чрезмерно дерзкое требование»*, из которого, как всем было изначально ясно, *«ничего не получится»*.

Чернин указывал, что предложение ленинской группы *«имеет исключительную ценность, так как при правильных действиях с нашей стороны оно приведет к тому, что русские окончательно отделятся от Антанты и заключат сепаратный мир»*, а страны Антанты попадут *«в максимально трудное положение»*. При этом сами центральные державы от принятия ленинской формулы только выиграют, так как программа большевиков предусматривает самоопределение для национальных меньшинств и *«решение вопроса о том, что же в конце концов произойдет с Польшей, Курляндией, Лифляндией и Финляндией, можно спокойно оставить открытым и исключить из переговоров о мире»*. В этом случае центральным державам *«не окажется слишком трудным заключить договор с занятыми областями»*, поскольку Германия и Австро-Венгрия будут иметь тут дело не с Россией, а с *«освободившимися народами»*. Чернин предлагал поэтому признать новое правительство и объявить о готовности вести с ним переговоры; признать *«суверенное право русского правительства решать самостоятельно русские дела России»* и принять к сведению факт предоставления *«всем своим народам права на самоопределение»;* согласиться на заключение мира без аннексий и контрибуций; принять *«предложение русских о заключении трехмесячного перемирия»*.

Правда, сами немцы не были уверены, что борьба за власть между Лениным и Керенским уже закончилась и режим большевиков можно считать стабилизировавшимся. Кюльман в связи с этим предлагал *«подождать дальнейшего развития событий в Петрограде»*. Если *«большевикам действительно удастся длительное время продержаться у власти»*, то откликнуться на русское предложение о мире не поздно в любой момент. *«Мы далеки от того, чтобы делать русским предложение о мире,*— указал Кюльман в телеграмме германскому посланнику в Стокгольме 20 ноября.— *Однако если [большевистскому] правительству необходим скорейший мир... оно не должно вставать на длительный обходной путь переговоров с различными (европейскими социалистическими) партиями, а сразу же обратиться к немецкому правительству. Сколько-нибудь приемлемое предложение должно рассчитывать на хороший прием и быстрый ответ, а в случае заключения мира обещаны займы»*.

Как бы в ответ на эту телеграмму на следующий день на все фронты была открытым текстом передана за подписями Ленина, Троцкого, Крыленко, Бонч-Бруевича и Горбунова телеграмма для командиров русской армии с предложением начать немедленные переговоры о перемирии с армиями противника. Через два дня австрийцы сообщили немцам: *«Основой для прекращения огня и начинающихся незамедлительно в любом удобном месте переговоров о мире должны служить восстановление предвоенного статус-кво России, отказ от аннексий и контрибуций, право на самоопределение народов России, в том числе и занятых областей Курляндии, Литвы и Польши, отказ от вмешательств во внутренние дела»* обеих сторон, как можно более скорое перемирие на фронтах, по возможности самое быстрое начало мирных переговоров. Австрийцы соглашались также на прекращение огня на всех фронтах («простая формальность», так как согласие Антанты на прекращение огня исключалось).

Впрочем, Людендорф предлагал обождать с официальным объявлением о согласии Четверного союза начать мирные переговоры: большевики сами обратятся непосредственно к немцам, а *«с точки зрения общих военно-политических интересов выгодно передать инициативу в их руки»*. Немцы начали быстро перебрасывать войска с Восточного фронта на Западный. В эти ноябрьские дни Восточный фронт как военный фактор перестал существовать. Однако главным препятствием к реальному миру были, как ни парадоксально, те же большевики. 13 (26) ноября советник миссии в Стокгольме и будущий дипломат в Москве Рицлер высказал в письме канцлеру Германии по этому поводу свои соображения:

«В настоящий момент мы имеем дело с тем, что попытку являет собой насильственную диктатуру горстки революционеров, к правлению которых вся Россия относится с величайшим презрением и терпит его лишь потому, что эти люди пообещали немедленный мир и общеизвестно, что они выполнят это обещание. Здравый смысл подсказывает, что власть этих людей потрясет все русское государство до самых его оснований и, по всей вероятности, не более чем через несколько месяцев... будет сметена волной всероссийской враждебности. [...] Даже попытка связать будущее русско-немецких отношений с судьбами людей, которые в России сейчас стоят у власти, была бы, вероятно, серьезной политической ошибкой. За то время, что правительство продержится у власти, удастся добиться разве что перемирия или, быть может, формального мира. В этих обстоятельствах и ввиду серьезных потрясений, перед которыми, по всей вероятности, стоит Россия, мы сможем установить действительно мирные связи и дружеские, добрососедские отношения весьма не скоро».

В ноябре 1917 года интересы Ленина и Германии совпадали и в вопросе о судьбе русской армии; немцы намеревались ликвидировать Восточный фронт, большевики — демобилизовать русскую армию, в целом настроенную враждебно по отношению к октябрьскому перевороту и Советскому правительству. С этой целью в ноябре начались предварительные советско-германские переговоры о заключении перемирия. В ночь с 7 (20) на 8 (21) ноября Советское правительство потребовало от главнокомандующего русской армией Духонина сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам и получило отказ.

9 (22) Совнарком объявил Духонина смещенным со своего поста. Главнокомандующим вместо него был назначен большевик прапорщик Н. В. Крыленко. В тот же день Ленин обратился по радио к полкам, стоявшим на позициях, с предложением прекратить военные действия и выбирать *«тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем»*. Такой призыв лишь способствовал дальнейшему ослаблению и без того уже таявшей армии. О реальных переговорах с германским правительством большевики договаривались совсем по другим каналам. К 16 (29) ноября в общей сложности 20 русских дивизий заключили в письменной форме перемирия с германскими войсками, а из 125 русских дивизий, находящихся на фронте, большая часть придерживалась соглашений о прекращении огня.

Благодаря ли пропаганде центральных держав, или разрушительному влиянию революции русская армия слабела с каждым часом. По сведениям австро-венгерского командования, в ноябре на русском фронте чувствовалось *«сильное стремление к скорому миру и возврату к спокойной жизни»*, причем солдаты ожидали *«от социалистического правительства исполнения всех желаний»*. Вот что еще отмечало австро-венгерское командование, следившее за положением на русском фронте:

«1. За исключением незначительных случаев по всему фронту не было военных действий.

2. В одном известии говорится, что если нельзя достичь мира без аннексии и контрибуции, пусть спокойно совершат аннексию. Участились мнения, что русскому солдату условия мира в конце концов совершенно безразличны.

3. Солдаты несколько раз высказывались, что и в случае, если переговоры о мире не окончатся благополучно, они дальше воевать не будут. Это свое решение они подтвердили и официально.

4. На некоторых местах русские домогаются для своих частей «в интересах скорого мира» заключить особое перемирие, предусматривая возможность, что при переговорах в Брест-Литовске не будет условлено окончательное перемирие.

5. В последних сообщениях проявляется ненависть к Англии и увлечение симпатий к центральным державам.

Несколько русских офицеров назвало Ленина и Троцкого негодяями и безумными фанатиками. Это доказывает, что большинство офицеров имеет отвращение к новому правительству. В одном месте парламентеры высказали, что, не заключи Ленин мира, будет ему, как Керенскому. Эти слова доказывают, что большинству солдат совершенно безразлично, кто владеет (теми или иными территориями) и что их интересует один только мир».

14 (27) ноября германское Верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями Советской власти. Начало переговоров было назначено на 19 ноября (2 декабря), причем в заявлении от 15 (28) ноября Советское правительство указало, что в случае отказа Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая присоединиться к переговорам *«мы будем вести переговоры с немцами одни»*, то есть прямо заявило о планируемом подписании сепаратного мира с Германией. Именно такой декларации ждало германское правительство (и именно так оно восприняло советскую ноту). На следующий день, 16 (29) ноября, выступавший в рейхстаге канцлер Гертлинг, в свою очередь, указал, что *«готов вступить в переговоры, как только русское правительство направит специальных представителей»*. 17 (30) ноября согласие присоединиться к переговорам на указанных условиях высказала Австро-Венгрия. Оставалось только начать переговоры и удержать большевиков у власти как минимум до момента подписания соглашения.

В тот период Германия оказывала помощь большевистскому правительству в трех основных направлениях: дипломатическом, военном и финансовом. Она давила на нейтральные страны, пытаясь заставить их признать большевиков в качестве законного правительства России. Внутри страны немцы способствовали стабилизации большевистского правительства хотя бы уже тем, что вступили с ним в переговоры как с равной стороной. Если при этом победы на дипломатическом фронте оказались незначительными, то во многом из-за противодействия Антанты.

Военную поддержку Германией большевистского режима лучше всего иллюстрирует такой пример. Когда 4 (17) декабря 1917 года корреспондент петроградской газеты «День» спросил в интервью у главы прибывшей в Петроград германской миссии графа Германа Кейсерлинга, собираются ли немцы оккупировать Петроград, тот ответил, что у немцев сейчас нет таких намерений, но это может стать необходимостью в случае антибольшевистских выступлений в Петрограде, то есть в случае угрозы срыва сепаратных переговоров.

С большевистским переворотом не прекратились и денежные траты Германии на русскую революцию. 8 ноября 1917 года посланник в Стокгольме Рицлер потребовал на расходы, связанные с Октябрьской революцией, 2 миллиона марок из военного займа. 9 ноября МИД запросил у министерства финансов 15 миллионов марок на политическую пропаганду в России. Днем позже эти деньги были выданы. О том, что они предназначались именно для большевиков, говорит телеграмма, посланная агенту германского правительства социалисту Карлу Моору 16 ноября: *«Выполните, пожалуйста, немедленно ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования. Воровский»*. А 28 ноября заместитель статс-секретаря по иностранным делам Бусше сообщил посланнику в Берне

о том, что правительство в Петрограде претерпевает огромные финансовые затруднения и поэтому желательна высылка денег.

Германия не хотела теперь иметь дело ни с кем, кроме большевиков, отказываясь даже от переговоров с другими социалистическими партиями, в частности с эсерами, попытавшимися было найти с немцами общий язык.

Поставив на большевиков, германское правительство рисковало и, безусловно, понимало это. Действительно, пришедшие к власти большевики немедленно и настойчиво заговорили отнюдь не о мире, а о германской революции. Даже Ленин, инициатор сепаратного мира с Германией, на заседании ВЦИК 10 (23) ноября публично отдал дань революционной фразе и сделал оговорку: *«Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение о мире и опубликует тайные договоры. И это сделано». «Мы... не заключаем перемирия...»* — указывал Ленин, заключавший перемирие.— *Мы не верим ни на каплю германскому генералитету».*

Не желая связывать себе руки в вопросе о войне и мире, большевистская фракция во ВЦИК, располагавшая большинством голосов, провела резолюцию о том, что решения, связанные с заключением мира или перемирия, должны приниматься Советом народных комиссаров (в котором в тот момент были одни большевики), а не многопартийным ВЦИКом. СНК получал право не только на заключение мира, но и на разрыв его. Тем более что планы революционной войны на Западе для ускорения победы мировой революции не покидали умы ведущих русских революционеров. Лишь позиция Ленина отличалась от прочих уже в самые первые дни Советской власти. 4 (17) ноября на заседании ВЦИК вождь большевиков доказывал собравшимся, что революция на Западе разразится скоро:

«Только слепой не может видеть того брожения, которым охвачены массы в Германии и на Западе... Пролетарские низы... готовы отозваться на наш зов... Группа «Спартак» все интенсивнее развивает свою революционную пропаганду. Имя Либкнехта... с каждым днем все становится популярней в Германии. Мы верим в революцию на Западе, мы знаем, что она неизбежна».

Все вышесказанное было лишь данью революционной риторике ради основной части:

«Но, конечно, нельзя по заказу ее создать. Разве мы в декабре прошлого года могли с точностью знать о грядущих февральских днях? Разве мы в сентябре знали достоверно о том, что через месяц революционная демократия в России совершит величайший в мире переворот? [...] Пророчествовать о дне и часе этой грозы мы не могли. Ту же картину, что и у нас, мы видим сейчас в Германии».

Уже через неделю после прихода к власти Ленин, вопреки всеобщему желанию форсировать германскую революцию, предлагал терпеливо ждать, пока она разразится сама. В ответе на вопрос о причинах столь своеобразной позиции Ленина — ключ к пониманию всей его брестской политики. Там, где партию большевиков интересовала мировая революция, Ленин прежде всего был заинтересован в мировой революции под своим непосредственным руководством. И по этой причине ему важнее всего было на данном этапе удержать власть в России, а не торопиться с германской революцией. Если бы она победила в Германии в 1918 году, Ленин никому не был бы нужен. Это он понимал отчетливо. Настаивая на сепаратном мире с Четверным союзом, давая «империалистическому» германскому правительству «передышку», Ленин саботировал революцию в Германии. Но только через сепаратный мир лежал путь к личной власти Ленина в России. И именно это было для него главным.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ОКТЯБРЯ

ДИТРИХ ГАЙЕР (ФРГ)

К сожалению, подлинной эмансипации советской исторической науки от марксизма-ленинизма пока не произошло, и история революции все еще оценивается по параметрам и суждениям Ленина. Фундаментальная критика стратегии большевистской партии появляется крайне редко. Теоретические же предпосылки ленинской политики по-прежнему считаются святыми. Призыв Юрия Афанасьева «историзировать» Ленина, чтобы тем самым сделать его образ доступным для критического обсуждения, не нашел поддержки. Легитимизация октябрьских событий до сих пор остается самым сильным импульсом исторического исследования в СССР. Советская историография не подвергает сомнению существование закономерных, научно доказуемых предпосылок социализма. Между тем сама история опровергла эти неочевидные аксиомы.

Советские коллеги, наверное, возразят и ответят, что Ленин после 1921 года изменил парадигмы (мы все знаем соответствующие цитаты из последних записок и статей), пытаясь спасти мечту о социализме в России, несмотря на отсталость и бескультурье страны. Кажется, Ленин отказался тогда от революционного насилия и методов военного коммунизма. Он думал больше не о гражданской войне, а о гражданском мире, о длительном процессе цивилизации и культурной работы. Эти размышления, на самом деле достойные внимания, тем не менее не являются замкнутой теоретической системой. Всё это суть только намеки на «смену вех», не больше. Так что тезис о том, что перестройка продолжает завещанное Великим Октябрем, а завершение этой революции конца двадцатого века есть единственный «путь к храму», несомненно, придется пересмотреть.

Но нельзя забывать, что демократия потерпела поражение в большинстве европейских стран. Я имею в виду Польшу, Венгрию, Югославию и другие государства, имеющие социально-экономические структуры, во многом похожие на русские. Это были аграрные общества с мелко- и среднекрестьянскими семейными хозяйствами, с деревенской беднотой, с высокой рождаемостью и низкой производительностью труда. Национальная буржуазия развилась там слабо, а рабочий класс концентрировался только в немногих центрах.

Польша и Югославия терпели, как и Россия, постоянные межнациональные конфликты. Все это способствовало гибели демократического парламентаризма и установлению «жесткой руки». Не только в Восточной Европе, но и на Западе (в Испании, Италии и в такой высокоразвитой стране, как Веймарская республика) демократический парламентаризм оказался недолговечным, более того, стал жертвой фашистской диктатуры.

Советская Россия не могла экспортировать революцию на штыках Красной Армии. Концепции же социалистической крестьянской демократии, выработанные эсерами в России, не имели успеха на европейском Востоке. Однако и попытки прочно закрепить демократический парламентаризм кончились неудачей. В течение многих лет вместо демократии устанавливались авторитарные режимы, прежде всего в форме президентских или королевских диктатур, которые нередко начинали имитировать фашистские методы власти. Так что неудача демократии была не специфически российским, а общеевропейским явлением, просто в России буржуазно-демократический эксперимент быстрее потерпел крах. В качестве причин столь стремительного разрушения демократии в России можно выделить и динамику социальной революции, и взрывную силу национального вопроса, а также и то обстоятельство, что у российской колыбели буржуазной демократии стояла война, а не мир, как в молодых государствах Восточной Европы. Временное правительство не было в состоянии освободить демократическую революцию от войны, что послужило гибели этого правительства и одновременно — бурному подъему большевиков. В этом нет ничего загадочного. Остается выяснить, почему в России не появился военный диктатор, который вступил бы на место погибшей демократии, почему не появился фашизм.

Верх взяла диктатура пролетариата под гегемонией большевистской партии и сделала все возможное, чтобы остаться у власти в ожидании мировой революции, которая, как известно, так и не наступила.

Несомненный интерес вызывает у историков вопрос о реальных альтернативах российскому социализму. Генрих Иоффе, например, говорит, что еще во время II Всероссийского съезда Советов компромисс на демократической основе был еще вполне возможен. Имеется в виду социалистическое коалиционное правительство, в котором участвовали бы меньшевики и эсеры. Вопрос о том, кто был виноват в неудаче этого «единого фронта», Иоффе оставляет открытым, но заметно сожаление историка, что в «ночь пропущенных возможностей» демократический компромисс не удался.

Так являлось ли многопартийное правительство на демократической основе Советов реальной альтернативой? Я думаю, нет, поскольку не было никаких предпосылок для успешного сотрудничества большевиков, меньшевиков и эсеров. Меньшевики не считали возможной коалицию с Лениным. Ленин же, в свою очередь, не был готов пойти на компромиссы с меньшевизмом, и только временное партнерство с левыми эсерами представлялось ему политически выгодным. Демократия как таковая не являлась для Ленина ценностью. Большевизм же был школой революционной борьбы за власть, но никак не школой демократии.

Мне кажется, что было бы уместно воспринимать перестройку в Советском Союзе не как продолжение Октябрьской революции, а как возрождение тех демократических тенденций, у которых в 1917 году не оказалось шансов на существование. Таким образом, стало бы возможным признать советскую историю подлинной частью общеевропейской и воспринимать ее не только как хождение по мукам, но и как сложный путь к демократии. ■

РАЗРЫВ

Воспоминания Татьяны Кузнецовой — адвоката А. Солженицына

«Был очень жаркий день. Телефонный аппарат стоял на подоконнике настежь открытого окна. Нервно сняла трубку, боясь, что звонка больше не будет. Незнакомый мужской голос. Очень быстрая речь. «Татьяна Георгиевна, здравствуйте. Александр Исаевич Солженицын. Мне известно, что я должен позвонить в это время...»

Нашему корреспонденту Дмитрию Варскому московский адвокат Татьяна Георгиевна Кузнецова впервые рассказывает о своем участии в судьбе великого русского писателя.

Из автобиографической книги Галины Вишневской «Галина», изданной в 1985 году в Париже:

«Вскоре, приехав на дачу, я познакомилась с женой Солженицына — Натальей Решетовской, большеглазой хрупкой женщиной. Я мало с ней встречалась, она жила у нас только первую зиму. Но я помню свое первое впечатление от знакомства с нею, когда они зашли к нам на чашку чая. Я сказала тогда Славе: «Какой странный брак. Когда они поженились?»

Бывает такой тип женщин в России, тип вечной невесты из провинциального дворянского гнезда. Они были одногодки, но она, в юности писавшая стихи, игравшая Шопена, так и осталась маленькой холодновоспитанной барышней, только стала на тридцать лет старше... Детей у них не было.

...С новой женой его, тоже Натальей, или, как все мы ее потом звали, Алей, я познакомилась в машине, когда крестили их первенца Ермолая. Слава — его крестный отец. После крестин в церкви Нечаянной Радости, что на Обыденке, у нас дома был праздничный обед, и лишь тогда я толком ее разглядела: тридцатилетняя, в самом расцвете, сильная женщина, олицетворение жены и матери. (...) Безоглядно пошла она за ним, не претендуя ни на что... Когда во всех перипетиях развода, проходившего у меня на глазах, я однажды зашла к ней, беременной на последних неделях вторым ребенком, чтобы успокоить ее после суда, когда Солженицына снова не развели, она с посиневшими губами, с болями в животе только сказала:

— Ну зачем он все это затеял? Я же говорила ему: будем жить так. Ведь ей нелегко, я все понимаю.

Да, все бы ничего, конечно, можно было жить и так, да дети-то? А вдруг его вышлют?»

Татьяна Кузнецова. Я, по-моему, самый «кровавый» адвокат... Поскольку занимаюсь преступлениями против личности, и в первую очередь делами об убийствах. В нашем законодательстве существует шестнадцать составов, из них по одиннадцати суд вправе применять высшую меру наказания. Я с полной уверенностью могу сказать, что применение смертной казни в нашей стране, особенно в республиках Закавказья, и до теперешних событий далеко превышало в своей совокупности всю, взятую вместе, европейскую статистику.

Корр. «Кровавый адвокат»... И именно к вам за помощью обратился Александр Исаевич?

Т. К. А перед этим я защищала Тарсиса. Валерий Яковлевич Тарсис — писатель, он написал «Синюю муху». Это была первая официальная литературная оппозиция у нас... Разумеется, Тарсис, как в те времена у нас практиковалось, был признан душевнобольным, определен в психиатрическую лечебницу на неопределенное время «для лечения». Только после вмешательства международной психиатрической комиссии он был признан здоровым, выпущен на свободу. С ним поступили «традиционно»: в течение 24 часов этот «сумасшедший», проведший три года в «психушке», был выброшен из страны. Вдогонку, на следующий же день, было объявлено о лишении его гражданства... «за проступки, порочащие гражданина СССР»!

Корр. А в чем выразилось ваше участие в его судьбе?

Т. К. Я от его дочери тоже имела доверенность и занималась также всеми гражданскими делами Валерия Яковлевича Тарсиса. Это была середина шестидесятых годов... Позже мне довелось принимать участие в организации защиты Даниэля и Синявского. Была знакома с Ларисой Богораз, Майей Синявской. Знала Ирину Павловну Уварову, впоследствии после возвращения Даниэля ставшую его женой.

Примером высокой гражданственности для меня была Софья Васильевна Каллистратова. Благодарю судьбу, что знала ее!.. Принятое в среде адвокатов уважение к Софье Васильевне не поддается описанию! Для читателя она — одна из жертв тридцать седьмого года; адвокат, что бесстрашно защищал генерала Григоренко, который, как известно, тоже был признан «сумасшедшим». Да, Софья Васильевна мужественно сражалась... И вот, представьте, она мне звонит. Помню этот день великолепно... Часов в одиннадцать утра я подняла трубку. «С вами говорит Софья Васильевна Каллистратова...» Мы были с нею заняты однажды в каком-то большом процессе, и это было единственной нашей совместной работой, но я никогда не думала... Сам факт обращения ко мне... Ведь нас разъединяло примерно тридцать возрастных и профессиональных лет... «Слушаю»,— произнесла я, уже благодарная, еще не зная, что она скажет. «Татьяна Георгиевна, есть в Москве одно дело, которое вообще-то

должна вести я, но если не я, то только вы. Я принимаю участие сейчас в серьезном деле, оно продлится еще месяца четыре в трибунале Московского военного округа. А заняться тем, о чем я вам говорю, нужно завтра же. Дело Александра Исаевича Солженицына...»

Я в тот день уходила в отпуск, собиралась провести его с мужем и детьми, но с этого момента все перестало существовать... Боже, подумала я, Солженицын!.. Вспомнила в ту же минуту, что мой муж в 18 лет был судим по статье пятьдесят восьмой, участвовал в строительстве Беломоро-Балтийского канала; вернулся оттуда с двусторонним туберкулезом и другими болезнями... Подумала, что живем мы в очень неясное время, когда нет никаких гарантий безопасности и стабильности... Чтобы мой сын строил второй Беломоро-Балтийский канал!.. Словом, я попросила у Софьи Васильевны полтора часа для ответа на предложение. Я рассчитала: до института, в котором преподавал муж, полчаса, на разговор с Николаем Сергеевичем полчаса, и тридцать минут, чтобы успеть вернуться домой в Козицкий переулок. Я предложила Софье Васильевне еще раз созвониться со мной. Она сказала, что будет занята в судебном заседании и не сможет с него выйти, и мне, по всей вероятности, позвонит сам Александр Исаевич...

Не скрою, я тогда привела мужа в волнение. Вызвав с ученого совета, объяснила суть звонка. Он нервно закурил. Одна сигарета, вторая... Я понимала, что прерывать его не стоит. Наконец услышала: «Ты понимаешь, что я не могу возражать. Я только прошу тебя об одном — будь осторожной и разумной и помни, что у нас есть дети». Я поблагодарила его. Вернулась. И через несколько минут зазвонил телефон.

Был очень жаркий день. Телефонный аппарат стоял на подоконнике настежь открытого окна. Нервно сняла трубку, боясь, что звонка больше не будет. Незнакомый мужской голос. Очень быстрая речь. «Татьяна Георгиевна, здравствуйте. Александр Исаевич Солженицын. Мне известно, что я должен позвонить в это время».— «Скажите, Александр Исаевич, ведь мы не можем ограничиться телефонным разговором? Нам нужно увидеться. Где вы находитесь?» — «Я?» — Легкая растерянность. «В районе Пушкинской площади».— «Я тоже».

Молчание... Внимание КГБ к Солженицыну было более чем пристальное — двадцать четыре часа в сутки, и, видимо, Александру Исаевичу показалось странным, что мы рядом, а я перед этим куда-то исчезала... Я посмотрела на улицу. Машинально скорее всего. А сама спрашиваю, звонит ли он из квартиры. «Нет, из автомата»,— отвечает. Гляжу в окно. В противоположной стороне моего узкого Козицкого переулка будка телефона-автомата, вижу там мужчину с широкой спиной, в белой рубашке с короткими рукавами... Он стоял спиной к переулку, склонив голову к аппарату. У меня мелькнула мысль, что человек принял такую позу потому, что не хочет быть видным для прохожих. «Не Солженицын ли это»,— вдруг подумала я. Спрашиваю: «Вы звоните из Козицкого переулка?» Снова молчание, некоторая, чувствую, нерешительность. Я понимала, что все это синхронно укладывалось в картину постоянно текущих через сознание Солженицына мыслей... Он подтвердил, а я уточнила: «Вы в Козицком, из автомата звоните?» — «Да».— «В белой рубашке?» Пауза... Уверена, что в эту минуту Александр Исаевич воспринимал меня, как продолжение систематических, упорных преследований. «Повернитесь, пожалуйста. И взгляните в открытое окно на третьем этаже. Я стою в этом открытом окне, и у меня в руках красная телефонная трубка». Александр Исаевич повернулся, и мы... обменялись первыми улыбками. Это были замечательные улыбки — абсолютного доверия, абсолютной приязни и теплоты. Это как искра... Представляете, в условиях Москвы, когда он не знал, где я живу, и таким образом встретиться... Я сказала: «Третий этаж подъезда, что находится прямо напротив вас... Пройдите и расскажите мне обо всем лично».

Через минуту я открыла ему дверь квартиры. Александр Исаевич вошел. Синеглазия, выраженного более, чем у него, я не встречала. Это были интенсивно голубые, почти васильковые глаза. Удивительный цвет лица. Белая рубашка с раскрытым воротом, серые брюки, черные, не августовские ботинки. Он явно не причесался перед входом в квартиру... Я ему предложила подойти к окну, убедиться, что все было абсолютной правдой. Невероятные вещи в жизни случаются, не правда ли, сказала я. Он рассмеялся. Сидел он вот здесь. Я специально села напротив. Отсюда падал свет, а мне очень хотелось рассмотреть гостя. Он вынул записную книжку из кармана и сказал, что да, все это совершенно невероятно и что он эту встречу обязательно опишет. Пока, видимо, не удалось. Таким образом, журнал «Родина» будет первым изданием, где я рассказываю тот забавный случай.

Корр. И все-таки с чем же пришел к вам Солженицын?

Т. К. Александр Исаевич просил меня осуществлять защиту его разнообразных гражданских прав, оказывать ему специфическую правовую помощь. Сказал, что положение его чрезвычайно трудное, что он, по его выражению, заверчен. Не помню, употреблял ли он слова «бюрократия», «чиновничество», но ясно было, что столкновение лоб в лоб с действительностью ему непомерно тяжело, что он очень дорожит временем, количеством своих сил, которые намерен посвятить только работе. Наконец, у него сложная бракоразводная ситуация, так как «третьим лицом» выступает КГБ. Он сказал, что эта организация сильнее его и меня, что КГБ способствует позиции, которую занимает Наталья Алексеевна Решетовская, но, быть может, в значительной степени поведение Решетовской определяется им...

Кстати, хотя я и не «цивилист», но провела к тому моменту несколько бракоразводных дел, и значительных. Особенно запомнилось бракоразводное дело генерала Хмельницкого, героя войны, зятя Ворошилова. Ольгу Климентьевну в сорок девятом арестовали прямо на улице... Ворошилов, оказывается, пальцем не пошевелил, чтобы спасти дочь. Напротив, говорил, что зря Хмельницкий ходит к Сталину и просит об освобождении своей жены, доказывая, что она не враг народа. Ворошилов, наш «доблестный» маршал, заявлял, что Иосифу Виссарионовичу виднее... Дважды был Рудольф Павлович Хмельницкий у Сталина и через час после каждого визита платил годичным инфарктом. В военном госпитале за ним ухаживала и в прямом смысле слова спасла ему жизнь заведующая отделением. Спасла его и полюбила. Преданно и нежно, как может полюбить мать ребенка. Хмельницкий женился на ней. Когда же вернулась после смерти Сталина Ольга Климентьевна, потерявшая в заключении волосы и все зубы, он счел необходимым для себя развестись. Возник сложный, я бы сказала, беспрецедентный бракоразводный процесс. Генерал Хмельницкий говорил на нем, что любит Ольгу Климентьевну, мать своих двоих детей, и намерен вновь заключить брак. Говорил, что очень болен, и поэтому он хочет, ибо предчувствует скорый финал, чтобы скромные льготы получала бы его вдова... Причем просил занести в протокол, что просит из своей генеральской пенсии ежемесячно до своей смерти сто рублей переводить на счет теперь уже бывшей жены... Достаточные по тем временам деньги... Свидетелями проходили известные люди, генералы. Я скажу: это был достойнейший процесс Мосгорсуда. Дело слушалось при закрытых дверях, председатель суда, женщина, не назвала ни одного участника процесса по фамилии, что совершенно неестественно, как вы понимаете. Я далеко не уверена, что кто-либо из сегодняшнего состава Московского городского суда оказался бы в состоянии поднять судебный процесс до такой профессиональной и человеческой высоты...

Но что эти дела в сравнении с тем, в котором предстояло участвовать! ...Я была ориентирована Александром Исаевичем в характере происходящего. Как юрист, позицию должна была выбирать сама. Однако, насколько помнится, я не предпринимала самостоятельных действий и ничего не решала, не согласовав это с Александром Исаевичем. Нелепая судебная система, которой мы сейчас нашли достаточные обозначения, тогда вообще пренебрегала мнением защиты. Применительно же к делу Солженицына, сами понимаете, защита просто была лишена самостоятельности! Мне предстояло избавить Александра Исаевича от столкновений, спасти его силы и время для работы. В первую же нашу встречу он дал мне понять, что решил для себя вопрос совершенно определенно — развод необходим, и он будет, независимо от поведения и намерений Натальи Алексеевны Решетовской, однако он просит сохранить максимальное уважение в общении с бывшей женой. Я вынуждена заметить, что мне тогда были изложены некоторые факты из их жизни на всех этапах, которые я не считаю возможностью делать ничьим достоянием...

Корр. Сначала, естественно, вы заключили с Александром Исаевичем договор?

Т. К. Мы сделали все, что требовалось адвокатскими нормами. Я получила ордер — так называется документ, по которому адвокат имеет право на получение материалов дела в суде и ознакомление с ним. На следующий же день, оформив командировку, я выехала в Рязань. Вот она, эта командировка. Вот эти билеты. Храню, и это будет самым ценным из всего того, что я могу завещать детям... Надо сказать, мне пришлось ездить в Рязань неоднократно. В обычном, не солженицынском, деле все достигается путем письменного обращения, здесь же приходилось буквально биться, пытаясь хоть что-нибудь выяснить дополнительно, сдвинуть с мертвой точки!

Корр. Столкнулись с трудностями?

Т. К. Александр Исаевич допускал, что будет непросто, но внешне все выглядело очень пристойно. Правда, в суде многие приходили смотреть на меня: было любопытно поглядеть, кто это решился на подобный поступок, защищает Солженицына. Там, в суде, я познакомилась, с моей точки зрения, с удивительным материалом. Исковое заявление Александра Исаевича было корректным, абсолютно сдержанным. Он просил суд о разводе, полагая, что характер установившихся к тому времени уже в течение нескольких лет отношений не соответствует самому смыслу брака. Четвертьстраничное заявление. Зато Наталья Алексеевна отвечала... пятнадцатистраничным возражением.

Корр. Татьяна Георгиевна, следует напомнить читателям еще одно место из книги Галины Вишневской: «Летом 1972 года в Рязани состоялся второй суд, и снова не развели — «нет повода для развода». Ребенку уже полтора года, и второй вот-вот родится, а все нет повода для развода. Саня приехал ужасно расстроенный, издерганный, тут же сел писать заявление в Верховный суд на пересмотр дела»...

Т. К. Да, надо было продолжать бороться. Забрасывать инстанции жалобами, заявлениями, а главное, стучаться во все двери. Для составления необходимых бумаг я стала ездить в Жуковку, где на даче Ростроповича жили Солженицыны. Ездила не таясь. Часто возила меня туда на машине Екатерина Фердинандовна Светлова, мать жены Александра Исаевича. Их отношения с Солженицыным поражали меня взаимным уважением, абсолютным доверием и общностью цели...

В максимальной близости к штакетнику дачи там всегда стояла черная «Волга» с антеннами, и «товарищи» несли круглосуточную вахту. Александр Исаевич однажды очень остроумно сказал мне: «Татьяна Георгиевна, я буду писать и в их присутствии, надеюсь, что буду, но если у меня появится машина, то обязательно с нумерацией «58-10» КГБ...». Он имел в виду печально знаменитую статью: 58-10— контрреволюционную...

Корр. И Солженицын работал в их присутствии?

Т. К. Знаете, общаясь с Александром Исаевичем, я поняла: он живет, чтобы писать. И в Жуковке убеждалась в этом. Представляете, приезжаю, устраиваюсь составлять бумаги по его же делу, а он, вижу, прямо-таки отключен от мира. Мог два-три часа не обернуться ко мне. Сидел, помню, за таким огромным столом с бюро, где было безмерное количество ячеек, вертикальных и горизонтальных. В ячейки вложено множество карточек с его пометками, очень лаконичными. Почти не глядя, он протягивал руку, вынимал нужную карточку. Я еще удивлялась: карточки без всякого алфавитного порядка, без дат. Вообще у него совершенно феноменальная память... писал на одном дыхании, почти без правки, только откладывал листы.

Корр. А он бывал у вас в юридической консультации? Так сказать, на нейтральной территории?

Т. К. Однажды был и, думаю, убедился, в какие (впрочем, и до сих пор!) унизительные условия поставлены адвокаты. Это зал, скорее комната, где десять столов, десять адвокатов. Люди приходят не с радостями, вполне понятно. И трудно в такой обстановке разговорить человека, причем стараясь перекричать соседа... Я была вынуждена сама предложить Александру Исаевичу встречаться на любой другой территории: это были его дом, мой и дача в Жуковке.

Корр. Но — пусть не смущает вас жаргонное словечко! — вы же засветились, Татьяна Георгиевна.

Т. К. Меня это не останавливало! Сам Апраксин, председатель президиума коллегии адвокатов, выполняя инструкции, рекомендовал «строжайшим образом придерживаться существующих правил», не обмениваться с Солженицыным домашними визитами. Пришло приглашение из Бразилии. Апраксин с тоской сказал, что со мной не соскучишься, обещал посоветоваться, с кем-то в «верхах» — «быть может, есть мнение». Через три дня он сообщил, причем смущаясь, что с моей поездкой в Бразилию целесообразно «подождать». Рекомендовал написать этакое элегантное письмо, сослаться на нездоровье. Александр Исаевич знал об этом. Как знал лучше меня, что может быть и хуже, нежели отмена поездки за границу.

...Положительное решение суда было принято в июле 1972 года, но Решетовская обжаловала, и в кассационной инстанции оно было немедленно отменено. Да что говорить, если ей активно диктовал КГБ! То у них председатель суда якобы болен, то сгорел загс и нельзя произвести развод, то нельзя назначить к слушанию дело, ибо опять кто-то не явился. Это длилось весьма долго. Тем временем адвокат Алексеева, представлявшая интересы Решетовской, стала искать встречи с Солженицыным.

С этой целью Алексеева однажды приехала за город, где намеревалась встретиться с Александром Исаевичем. Прямо на перроне станции к ней подошли: она совершенно незаконно была задержана комитетом на сутки. Уж не знаю как, но она подписала клеветническое письмо. В письме Александр Исаевич назван провокатором, копии были разосланы многим друзьям и знакомым Солженицына. Я сохранила одну, и вот здесь, например, такие строки: «Категорически протестую против того, чтобы мое имя служило вам помощником в оправдании той клеветы, которую вы собирались возвести на Советскую власть...» Шла мучительная борьба — все виды тормозов и препятствий. Посоветовавшись с Александром Исаевичем, мы решили попасть на прием к председателю Верховного суда РСФСР Смирнову. Признаться, я не думала, что он примет, но пришли в здание суда, Солженицын передал очень небольшую записку с просьбой принять на две минуты. И, к моему удивлению, двери кабинета тотчас раскрылись. Полтора часа они беседовали! Подозреваю, внимательно изучая друг друга. Александр Исаевич в своей манере — прям, конкретен, убедителен, а Лев Николаевич Смирнов — любезен, настроен почти светски... Солженицын очень точно оценил эту встречу. Выйдя из приемной, достал маленькую записную книжку, что-то туда вписал и сказал мне: «Это была встреча с проекцией на историю». Мы, конечно, воспользовались визитом, передали Смирнову нашу жалобу. Да толку-то что! Жалоба осталась без ответа. Это вынудило меня написать тогда заявление исполняющему обязанности председателя Верховного суда Орлову. Я писала в октябре 1972 года, что мой доверитель Солженицын был на приеме в Верховном суде РСФСР по своей и моей жалобам на определение судебной коллегии по гражданским делам, что дело по иску к Решетовской более двух месяцев находится на изучении. Конечно, я бы написала по-другому, будь моя воля. Все бы им выложила! Через пять недель личный ответ самого Орлова. На целой странице мне длинно объясняли, что Рязанский областной суд поступил верно, отменив прежнее решение нарсуда о разводе. Тут были и такие перлы, как «былая большая взаимная привязанность Солженицына и Решетовской», «недостаточная выясненность причин разрыва семейных отношений»; ни слова о том, что Александр Исаевич в течение нескольких лет имеет вторую семью и двоих малолетних детей. «Блистательный» правовой документ, скрепленный подписью руководителя судебной системы РСФСР! Уж если срамил нас в нашей стране кто-нибудь, то вряд ли это делал кто-либо больше, чем наши руководители... Таким образом, Александру Исаевичу в положительном решении было вновь отказано. Но ведь, по существу, это было продолжением преследований. Солженицын был безупречен в отношении Решетовской, писал мне, чтобы я охранила ее. У меня сохраняются его записки, где он просит «не тревожить ее сейчас, так как дома у нее достаточно тяжелые обстоятельства», что он готов ждать, не желая ей приносить излишней боли. Это — порядочность в высшей степени, свойственная Солженицыну. Он ничего не делил, все оставалось вместе с полученной им в Рязани большой комфортабельной квартирой в личном распоряжении Натальи Алексеевны. Наконец, еще немало его помучив, она дала согласие. Как мы, юристы, выражаемся, «стороны пришли к мирному разрешению конфликта»: минуя суд, их развели через загс. Наталья Дмитриевна Светлова уже ждала третьего ребенка. Да, отступилась Решетовская, и КГБ — поставьте кавычки, пожалуйста! — вроде бы понял неприличие занимаемой им позиции. Я счастлива была, что все это трудное время находилась рядом, что он видел во мне не только адвоката. Наши дружеские отношения не прерывались, но предстояло пережить более тяжелые времена.

Корр. В чем это выразилось конкретно, Татьяна Георгиевна?

Т. К. Все по порядку... Пришел семьдесят четвертый год, наступил февраль. Девятого Александр Исаевич был у меня днем с повесткой о вызове его в прокуратуру Фрунзенского района. Спросил: идти или не идти? Нужно признаться, что я себя малодушно повела. Сказала, если приглашают, то идите: возьмут все равно, не создавайте ситуации, еще возьмут с какими-нибудь издержками. Боже, что я ему говорила!.. Он сказал дословно: «Татьяна Георгиевна, нет, меня не возьмут. Я защищен общественным мнением. Беспокоюсь теперь за семью, за своих друзей, которые не защищены. Им, быть может, придется очень тяжело». На том расстались. Десятого февраля он появился у меня с повторной повесткой. С такой оперативностью советская судебная система, я вам скажу, никогда не работала! Если дело откладывается или вызываемый не приходит в случае вызова, то, как правило, проходят недели, месяцы. Даже если человек сидит в тюрьме. Вот у меня сейчас находится дело, которое назначено к слушанию в двадцать второй раз! И два года четыре человека томятся в тюрьме, ждут, когда участники процесса в течение дня одного проведут это дело...

Да, десятого февраля я снова увидела в нашем доме Александра Исаевича. Он показал повторную повестку, сказал, что в принципе готов. Вид не оставлял сомнений в его душевном состоянии — ни тени растерянности, страха... «У меня есть ватник — еще с тех пор, сапоги, сухари». Я снова оказалась не на высоте. Пробормотала: «Не создавайте оснований для конфликта». И тогда он сказал, что его не арестуют, что он боится, как бы не выдворили из страны. Именно это слово употребил. «Ну, Александр Исаевич, подождем еще день» — это уже мои слова. И мы подождали. Наступило одиннадцатое февраля. Признаться, места себе не находила; болело сердце... Поспешила на звонок. Он! Быстро, не снимая пальто, проходит в комнату, протягивает очередную повестку, где предлагают явиться уже срочно. Мне тяжело об этом говорить и сейчас, спустя почти двадцать лет. Мы не допускали мысли, что на следующий день к нему явится целая команда из Генеральной прокуратуры во главе со следователем по особо важным делам Зверевым. Этот самый Зверев, кстати говоря, недавно подал заявление о приеме его в адвокатуру, но мы его не примем, как вы понимаете... И там, в этой команде, были все: и прокуроры, и следователи, еще раз прокуроры, и даже врач... Все это рассказала мне Наталья Дмитриевна. И надо же, двенадцатого днем я видела Александра Исаевича. Он сидел на скамейке в Бахрушинском садике, качал ногой коляску со спящим малышом, в руках была толстая тетрадь; вносил в нее записи... Я подошла к нему, перекинулись несколькими словами. Мне было очень тревожно, он же сказал, что ничего не страшится... Вернулась я домой, кажется, в четыре часа. Буквально минут через тридцать звонок. Слышу голос Наташи. «Что случилось?» — «Татьяна Георгиевна, Александра Исаевича взяли!» — Она употребила этот глагол. «Когда?!» — почти закричала я. «В начале пятого... Я сделала несколько звонков, ставлю и вас об этом в известность». Ну, разумеется, через пять минут я была у нее — их московская квартира находилась совсем неподалеку. Здесь уже собрались друзья, единомышленники. Наташа рассказала, как все это происходило. Александр Исаевич надел ватник, сапоги, взял уже приготовленные сухари, тепло попрощался со своими детьми и те-

щей. Наташа, выйдя на лестницу, его перекрестила. Ее хамски одернули: довольно, мол, паясничать... Ну, остальное всему миру до мельчайших подробностей известно: и как он был в Лефортовской тюрьме, и как самолетом его насильственно вывезли из страны...

Двадцать девятого марта в доме, где жил Александр Исаевич, состоялась интимная встреча наиболее близких семье людей: Наталья Дмитриевна с детьми и Екатерина Фердинандовна уезжали в Цюрих, где на некоторое время тогда обосновался Солженицын. Тут были Андрей Дмитриевич Сахаров с Еленой Георгиевной, Леонид Пастернак, Гинзбург с женой, Литвинова с одной из своих дочерей и я, теперь уже в качестве близкого человека... Мы просидели полночи на кухне. Пели старинные песни. У Андрея Дмитриевича было очень печальное и сосредоточенное лицо... Господи, предполагали ли я, мы все, что ждет его ссылка, клевета, все виды лишений и что преждевременно потеряем его!.. Буквально за полторы недели до кончины Сахарова умерла Софья Васильевна Каллистратова. Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна пришли к гробу, оба выступали.

Я написала об этом Александру Исаевичу... Написала, да... И о том, что видела его на экране телевизора...

Корр. Имеете в виду фрагменты французского телевизионного фильма о Солженицыне?

Т. К. Да, те самые, которые наше телевидение решилось выпустить на экран глубокой ночью. Я, знавшая его в иные времена и иным, впервые увидела Александра Исаевича такого — расправившего плечи, прямого, спокойного. Он идет по какому-то полю. Высокие колосья... Со своими тремя мальчишками — каждый едва ли не выше его... Я увидела Наташу — сейчас она очень посеребренная... Боже ты мой, впервые увидела его счастливым... Счастливым свободой работать и свободой говорить правду...

Корр. Вы ни слова не сказали о себе...

Т. К. Простите, я, по-моему, очень много и недостаточно скромно сказала о себе... Где-то, когда-то, выбирая для себя с детства профессию, хотела быть либо пожарником, либо королевой, либо продавать мороженое. Мои родители сочли, что мне лучше танцевать, и, таким образом, я прозанималась несколько лет в балетной школе. Теперь понимаю, что не украсила бы собой искусство. Впрочем, зачем это вспоминать? Судьба... Я адвокат, этим все сказано. Пытаясь в меру сил и возможностей, хоть как-то помочь Александру Исаевичу, понимала, что защищаю не столько писателя, борца за свободу, сколько человека с тяжелой судьбой. И поймите мое волнение, когда я перечитываю вновь и вновь повесть Галины Павловны Вишневской, особенно сказанные ею за всех нас слова: «Это чувство к нему, брату-христианину, наполняло мою душу еще до того, как я увидела его самого...»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Уважаемая редакция!

Считаю нужным предложить вашему вниманию и вниманию читателей текст документа шестнадцатилетней давности, представляющего, по моему мнению, сегодня особый интерес.

Для служебного пользования
экз. № 3602

ПРИКАЗ

Начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР

№ 10-дсп.

гор. Москва 14 февраля 1974 г.

Содержание: Об изъятии из библиотек и книготорговой сети произведений *Солженицына А. И.*

Изъять из библиотек общего пользования и книготорговой сети следующие отдельно изданные произведения Солженицына А. И., а также журналы, где они были опубликованы:

Один день Ивана Денисовича. Повесть. В журн. «Новый мир», 1962, № 11.

То же. Повесть. М., Гослитиздат, 1963, 47 с. (Роман-газета № 1 (227). 700 000 экз.

То же. Повесть М., «Советский писатель», 1963, 144 с. 100 000 экз.

То же. Повесть. В 2-х книгах. М., Учпедгиз, 1963. Кн. 1. 75 л. 250 экз. Для слепых.

То же. Кн. 2. 80 л. 250 экз. Для слепых.

То же. Повесть. Пер. А. Пакальнис. Вильнюс. Гослитиздат, 1963, 191 с. 15 000 экз. На литовском яз.

То же. Повесть. Пер. с русского Л. Мери и Е. Сарв. Таллин, Газетно-журн. изд-во, 1963, 144 с. (Б-ка «Лооминг» № 11/12 (279/280). 40 000 экз. На эстонском яз.

Два рассказа. Случай на станции Кречетовка. Матренин двор. В журн. «Новый мир», 1963, № 1.

Для пользы дела. Рассказ. В журн. «Новый мир», 1963, № 7.

То же. С русского языка пер. О. Йыги. Таллин, Газетно-журн. изд-во, 1964, 108 с. (Б-ка «Лооминг» № 38—39 (358—359). 1900 экз. На эстонском яз.

Захар-калита. Рассказ. В журн. «Новый мир», 1966, № 1.

Изъятию подлежат также иностранные издания (в том числе журналы и газеты) с произведениями указанного автора.

П. РОМАНОВ.

Два момента в этом тексте нуждаются в уточнении. Во-первых, об изъятии журналов — такое внимание было оказано только Солженицыну; в случаях, скажем, В. Некрасова, А. Гладилина и др. изымались только отдельные книжные издания. Во-вторых, в случаях, когда библиотека не располагала своим «спецхраном» (а таких библиотек большинство), канцелярский термин «изъятие» означал на практике материальное уничтожение книг в присутствии свидетелей и с составлением соответствующего акта; при этом (забавная деталь) в бухгалтерию представлялся документ на списание литературы с указанием только количества экземпляров и стоимости, но без упоминания автора и названий книг, поскольку работники бухгалтерии не имели права знать, что именно подлежит списанию.

Напоминание об этом сегодня особенно необходимо, поскольку уничтожение книг по приказам цензуры хотя и прекращено, но официально не осуждено, что, естественно, не дает никаких гарантий против возвращения этой практики в будущем.

АНДРЕЙ ВАСИЛЕВСКИЙ,
ответственный секретарь журнала «Новый мир»

МЫ СЛЕПЫ К ИСТИННЫМ РАДОСТЯМ

ДРАМАТУРГ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ РОЗОВ — О ПОЛИТИКЕ, ЖИЗНИ, ИСКУССТВЕ.

— Виктор Сергеевич, вы верили, что станете свидетелем такого вот половодья правды?

— Видите ли, мы всегда жили двумя правдами. Та правда, которая сегодня говорится громко и открыто, жила у нас дома, жила шепотом, мы делились ею за чаем, в кругу друзей. Ведь почти каждый знает, что такое хорошо и что такое плохо. И никто не считает, что лгать и предавать — это добродетель. Но сегодня так много всего говорится, что я путаюсь, я не знаю, где правда, а где новая ложь, выдаваемая за правду.

Не стоит, я думаю, политизировать народ, да еще так активно. Каждый должен заниматься своим делом, кормить семью. Далеко не все могут быть политиками, а политиканствовать — это бить баклуши. Признаюсь, я даже членов Политбюро не всех могу назвать, потому что никогда не интересовался жизнью верхов, мне было интересней другое. А сейчас меня втягивают, и довольно энергично, не в мое дело.

Наш человек вообще измучился от двойственности. Возможно, он думает, что мучается, потому что сахар по талонам, или нет мыла, или из-за бесконечных очередей, а на самом деле, я в этом уверен, человека нашего более всего терзает его собственная раздвоенность. Он подсознательно сердится и злится на то, каким он сделался. Разлад с самим собой — вот что это такое.

— Несмотря на вашу аполитичность, вы не могли не задуматься о драме Н. С. Хрущева, человека, сыгравшего такую принципиальную роль в нашей истории. В чем его главная ошибка, как вы считаете?

— Не ошибка, а беда — нехватка культуры, нехватка образования. Все эти погромы интеллигенции, бульдозерные разгоны выставок... Впрочем, потом он покаялся. Но очень важно, что Никита Сергеевич преподал всем нашим правителям хороший урок: он на своем примере показал, к чему приводит опьянение властью. Это — самое сильное и страшное опьянение. Вот чего не следует забывать нашим лидерам. Но Хрущев для меня — как Геракл: он совершил неслыханный подвиг, убил лернейскую гидру. Если бы не Хрущев, то нам намного труднее было бы решиться на перестройку. Он сорвал красочные занавеси, которыми была задрапирована сталинская стальная конструкция.

— Недавно был опубликован удивительной силы документ: заявление в Министерство культуры Литвы главного режиссера Каунасского драмтеатра Ионаса Юрашаса, где он пишет, что отказывается ценой спектаклей к «датам» покупать надежду на постановку зрелых произведений: «Я творю так, как велит совесть художника и гражданина». И дата — 15 августа 1972 года. Через три дня он был уволен. Парадокс, абсурд, но в нашей стране всегда травили самых талантливых, самых честных. Однако странное дело: в эпоху застоя, когда о многом лучше было помалкивать, театр все-таки находил возможность говорить правду, пусть и намеками. Сегодня же можно говорить прямо, а театр молчит...

— Он молчит потому, что все, составлявшее в нем особую ценность — социальный второй план, подтекст,— все это у него сейчас отнято, все это говорится открытым текстом — в газетах, журналах, в документальном кино. Поэтому сейчас театр должен вернуться к своей изначальной сущности. Театральная сцена — это место, где, как сказано классиком, Сатана с Богом битву ведет. Драматург должен держаться в стороне от злобы дня, он должен говорить о вечном, его должно волновать, как поднять нравственный уровень общества, как очистить его от скверны, как вернуться к непреходящим человеческим ценностям.

— Долгое время у нас существовали люди, которые забрали себе право решить за народ, что ему нужно, а что нет. «Народ не поймет!» — такой приговор для художника был равноценен смертному приговору. Сегодня вроде бы подобные выражения не в моде, но люди-то, которые решали за народ, остались, остались их должности. Где гарантии, что завтра мы снова не услышим: «Народу это не надо»? Где вообще гарантии необратимости демократических перемен?

— Я не вижу таких гарантий. Да, многое вроде бы изменилось, но гарантировать, что эти перемены необратимы, сейчас, по-моему, никто не решится. Больше всего я боюсь, как бы власть не захватили темные силы, которые знают одно насилие и больше ничего: мол, русский народ вечно жил в рабстве, ему другой жизни не надо. Вот это меня очень волнует. То, что нет хороших пьес, романов, это не такая беда, подождем. У нас есть, слава Богу, чем питать душу, возьмем с полки Пушкина, Толстого, Достоевского, Блока...

— Во время хрущевской «оттепели» вам довелось быть членом редколлегии журнала «Юность», вы стали свидетелем бурного и неожиданного расцвета литературы: Ахмадулина, Вознесенский, Рождественский, Евтушенко, Аксенов, Распутин, Айтматов, Белов... Сегодня, тридцать лет спустя, ничего похожего. Неужели нация выдохлась?

— Дело не в этом. Хрущеву досталось дисциплинированное общество, Горбачеву — растленное...

— Вся наша история, начиная с самого начала века — сплошная драма и в то же время превосходный материал для драматургов такого ранга, как Уильям Шекспир, Юджин О'Нил, Бернард Шоу... Увы, мне кажется, русская драматургия не дала художника, в полной мере воплотившего бы в своих пьесах трагические перипетии нашей отечественной истории.

— Ошибаетесь. Но давайте оглянемся. XVIII век дал нам лишь одного драматурга — Дениса Ивановича Фонвизина, основателя отечественной комедии. XIX век дал двух драматургов: Александра Николаевича Островского и Александра Васильевича Сухово-Кобылина. Как говорится, раз, два — и обчелся.

— А «Ревизор» Гоголя? А «Горе от ума» Грибоедова? А «Маскарад» Лермонтова? А «Борис Годунов» Пушкина?

— Я говорю о «чистых» драматургах. Гоголь же, Грибоедов, Лермонтов и Пушкин были еще и поэтами, прозаиками. Как и Чехов, Горький... Так что, видите, драматургов не очень-то много было во все времена, а уж в наш лихой XX век равновеликих еще не появилось. Что и понятно: начался он с революции, которая обернулась трагедией для интеллигенции — ее практически уничтожили.

— Видно, сбывается предсказание Чаадаева, который уверял, что Россия, может быть, и существует только для того, чтобы дать миру какой-то горький урок... Вернемся, однако, к искусству. Мне кажется, что в сегодняшнем театре, кино слишком много зла. И, надо заметить, публике это нравится.

— Во-первых, публике это уже начинает надоедать. А во-вторых, я уверен, что так долго продолжаться не будет и искусство наше снова обратится к прекрасному. Я уже говорил как-то, что очень не люблю, когда меня в театре или в кино мучают, и, если там торжествует зло, я прихожу домой разбитый. В реальной жизни и без того столько всего страшного, жуткого, трагического, что человека просто не хватает на переживания, на сострадание. Увлечение злом на сцене, на экране — это, по-моему, та же конъюнктура: вчера было нельзя, сегодня стало можно, и все кинулись. Но, повторяю, это ненадолго.

— Позволю себе не согласиться с вами, Виктор Сергеевич. Искусство отражает жизнь, а в жизни, увы, зла почему-то становится все больше...

Есть и еще одно соображение: зло изображать в искусстве легче, чем его антипод, только большой мастер способен показать лик добра без умильности, без фальши. И поэтому мне кажется, что зло всегда будет служить средством самоутверждения для художников не слишком даровитых, которых, кстати, большинство.

— Возможно, вы и правы. И это проявляется не только в искусстве, но и в жизни, где зло стало, как вы заметили, средством самоутверждения. Злоба кем-то умело раздувается — вот какое впечатление создается. Противно! Огорчает и то, что особенно усердствуют писатели. Стыдно, очень стыдно...

— Сейчас в печати вообще изобилие «сердитых» воспоминаний. Люди, словно по сигналу, кинулись сводить счеты.

— Да, точно чацкие — спешат «излить всю желчь и всю досаду». Действительно, очень много пишут, кто кого как мучил. Я читаю и думаю: ну постыдились бы! Да, ты страдал, я сочувствую тебе, но зачем же делаться мстительным? Многие не восстанавливают правду, а запоздало лают. Это похоже на басню Крылова, ту, где осел лягает издыхающего льва. Разумеется, я не говорю о тех, кто испытал ужас тюрем и лагерей.

— Нынешняя интеллигенция, по-моему, оказалась этически не готова к гласности. Пока многие молчали, их можно было принять за культурных людей.

— Пять лет назад и я думал о нашей интеллигенции лучше. Теперь многие упали в моих глазах. Поражает отсутствие внутренней культуры, достоинства, самоуважения, уж не говорю об уважении к другим.

— За свои сорок лет я уже сильно устал от бесконечных перемен, от зыбкости и ненадежности нашей жизни. А ведь еще Достоевский устами своего героя жаждал обрести «хоть какой-нибудь, да свой, наконец, порядок!.. хоть что-нибудь, наконец, построенное, а не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которых вот уже двести лет все ничего не выходит». Выходит, что эта вечная ломка — давняя наша отечественная традиция. Так, может быть, нам пока принять ее смиренно и не роптать?

— Достоевский прав как человек, который хочет, чтобы в мире была гармония. Но ее нет. А может быть, она и есть, но мы, глупые, ее не чувствуем. Во всяком случае, времена Достоевского были куда стабильнее. Отмена крепостного права — вот, пожалуй, единственный общественный переворот, сопоставимый с катаклизмами нашего века. Но смотрите, как оценивалось это событие в народе. Помните, в «Вишневом саде» Фирс говорит: «Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь». «Перед каким несчастьем?» — спрашивает его Гаев. «Перед волей»,— отвечает Фирс.

Во времена Достоевского общество развивалось более естественно. И капитализм, столь ненавистный нам, развиваясь естественно, давал таких великих соотечественников, как меценаты искусства Савва Морозов, Савва Мамонтов, Павел и Сергей Третьяковы... Альтруизм, прекраснейшее человеческое качество, способен вызревать в людях как явление массовое только в условиях естественного развития общества, когда людей не дергают, как марионеток, за ниточки.

— Что, по вашему мнению, более всего мешает развитию нашего общества? Конкретные люди, неспособные отказаться от старого мышления, или духовные путы, которые мы сами не можем с себя снять? Или, может быть, отсутствие элементарного опыта жизни в условиях демократии?

— Мы уничтожили самое главное, самое необходимое для управления государством: интеллигенцию. Мозг нации. Что ж удивляться, что нас все время лихорадит, что мы никак не можем найти выхода из бесчисленных наших тупиков? И та злоба, о которой мы с вами говорили, это как раз проявление болезни воспаленного мозга. Его серое вещество, его клетки больны.

— Здоровых клеток, вы считаете, осталось мало?

— Не просто мало, а очень мало! К тому же им сильно мешают функционировать клетки больные. Таков результат наших метаний, наших поисков своего особого пути.

— Это ведь от гордыни происходило, от фанаберии нашей российской. А претензия на исключительность чуть ли не самым страшным грехом почитается. За то и расплачиваемся до сих пор.

— Тут не только гордыня, но еще и ненависть к истинно образованным людям. Она была свойственна тем лидерам, кто не терпел не похожих на свои суждений, прежде всего Сталину. Ему и обязана интеллигенция своей гибелью.

— Первая партия людей культуры была выслана за границу еще в 1922 году.

— Да, но согласитесь, что выслать за пределы страны и расстрелять — разные вещи. Нехватку интеллигентов пришлось восполнять экстренными мерами, рабфаками. А ведь формирование культурного слоя нации — процесс очень длительный. И вот вам результат: у нас академик может быть прохвостом, поэт — жуликом, учитель — учитель! — вором, растлителем...

— Что же делать?

— Воспитывать. Не торопясь, не спеша. Воспитанием, как известно, определяется судьба человека. И, по-моему, главное — научить ребенка радоваться. Когда-то я написал пьесу «В поисках радости», наивная эта пьеса о том, что есть удовольствие, которое покупается за деньги, и есть радость, которую не купить ни за что. Радость — это душа, а удовольствие — это тело. Но мы порой слепы к истинным радостям: к любви, к дружбе, к состраданию, к возможности оказать бескорыстную помощь... Слепы и оттого несчастны. Знаете, в жизни так много прекрасного, что человек просто обязан быть счастлив. Кому-то это покажется кощунством: в столь жестокий век говорить такие слова, но я настаиваю на своем. Нельзя, преступно быть несчастным, когда нет очевидного горя...

Беседу вел
СЕРГЕЙ ВЛАСОВ

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО: «Я НЕ СНЯЛ НИ ОДНОЙ СВОЕЙ КАРТИНЫ...»

— Мы будем заделывать двери, забивать окна, возможно, менять крышу и затем пробивать новые окна, двери — так будем относиться к этому сценарию.— Довженко приподнял сценарий фильма «Поэма о море» и отбросил его от себя.— Сюжет, герои — все в нашей власти. Это написал я,— и Александр Петрович опять взял сценарий в руку,— но прошу всех вас быть моими соавторами, вносить свой вклад в превращение сценария в фильм. Так и будем работать! — И он красивым и ласковым движением правой руки поправил свои шелковистые седые волосы и неожиданно заулыбался.

Это была одна из первых бесед режиссера со съемочной группой. Шла осень 1956 года.

Мы каждый день виделись и работали под его руководством. Снимали много, и мне было чрезвычайно любопытно предугадывать: что же произойдет сегодня? Что неуловимо свое введет в ткань творческой работы один из живых классиков кинематографа, самый, пожалуй, непредсказуемый?

Помню его последнюю съемку. Была суббота, 24 ноября 1956 года. Александр Петрович пришел, как всегда, бодрый и внутренне взволнованный. Запомнились его теплое и крепкое рукопожатие, гордая, красиво посаженная голова, прямая, как у балетмейстера, спина. Мне же доставляло особенное удовольствие наблюдать за его руками: они округло двигались по каким-то невероятным орбитам, углубляя — нет, скорее поясняя его мысли.

А в воскресенье 25 ноября сердце Александра Петровича остановилось, не выдержав перегрузок.

...Центральный Дом литераторов. Вся съемочная группа в почетном карауле. Лицо Довженко, такое всегда живое и одухотворенное, онемело, застыло... Поет Иван Козловский. Поет его любимые украинские песни. Потом — Новодевичье кладбище. Гроб опускается наискось, между ранее захороненными. И тут теснота. О Господи! Борис Ливанов стоит рядом с Козловским и говорит словно в пустоту: «Ну, вот и все. Сашко ушел, скоро и мы следом...» — и, смахивая слезу, как бы стесняясь, шумно сморкается...

Через месяц на студии «Мосфильма» состоялся худсовет. Выступали М. Ромм, М. Калатозов, Е. Дзиган, И. Пырьев, другие. Постановили: производство картины «Поэма о море» закрыть. Решение обосновывалось тем, что сегодня нет режиссера, который мог бы мыслить «по-довженковски»: непредсказуемо и оригинально. Кто-то — по-моему, Иван Пырьев — сказал: «Продолжение картины было бы медвежьей услугой памяти Александра Петровича...»

А следом пришел приказ свыше: собрать группу в прежнем составе и возобновить съемки, во главе коллектива поставить Солнцеву Ю. И.— жену и соратника Довженко.

Студия, насколько мне известно, не выразила энтузиазма по поводу этого приказа. Совсем наоборот, многим были хорошо известны творческие возможности «Аэлиты» (так звали Солнцеву в группе), и никто не хотел работать под ее началом. Было ясно, что сценарий из живого импульса к творчеству теперь, после смерти Мастера, станет догмой. А ведь Довженко не дописал его, о чем сам говорил без утайки.

Я открыто высказал свое полное согласие с решением худсовета студии. Сегодня это покажется простым и естественным, но тогда времена были крутые. Со стороны дирекции начались гонения...

Но вернемся к Довженко живому.

Как-то после съемки Александр Петрович устало обратился ко мне:

— Скажи-ка батьке своему, Николаю Ивановичу, не прав он! (Мой отец, Н. И. Транквиллицкий, был автором и главным архитектором «Большого Мосфильма»). Студия нам нужна не такая! Небольшие микростудии, красиво расположенные в фруктовом саду, вот! Представляешь, в минуты отдыха выходишь из душного павильона — и прямо в сад! Да еще если весной, когда все в цвету! От этого только польза творчеству была бы! Скажи о моих мыслях бате, ладно?

На следующий день Александр

Петрович хмуро, но с веселыми искорками в глазах спросил: «Ну, как, сказал мое мнение?» Пришлось подробно отчитываться: да, отец согласен, да, мысли светлые, но есть заказчик, а он диктует свои условия, и, хоть идея Довженко по душе отцу, она не реалистична. У нас теперь все «супер»: суперзаводы, суперсвинарники, гиганты индустрии. Разумеется, и киностудия «Мосфильм» должна быть «супер»...

— Ии-эх... Как это грустно, братец.— И тут же свирепо: — Ну где же актеры? Сколько можно сидеть на гриме? Пора работать!

Однажды, когда я выходил из главного корпуса во внутренний двор «Мосфильма», меня окликнули. Это был Александр Петрович.

— Поди-ка сюда, Юрко! — Довженко взял меня под руку и потянул в сторону.— Пойдем погуляем.

Минуту идем молча, я стараюсь предугадать тему разговора, боюсь: шефу не понравился просмотренный сегодня киноматериал. Но разговор опять начинается с архитектуры «Большого Мосфильма».

— Знаешь, Юрко, смотрю я на это здание с ужасом...

Я посмотрел тоже: действительно, утюгообразное, слабо освещенное здание кинозавода выглядело мрачно и подавляюще.

— Ты знаешь, снимаю последнюю картину. Больше не буду, не хочу работать на этой мясорубке, я отдал все этому киномолоху. И я... Ты не торопишься?

Я почувствовал, что накипь неудовольствия у Александра Петровича перехлестнула через край.

— Ну, о чем это я? — И помолчал, я терпеливо ждал.— Да, я не снял ни одной своей картины. Ни одной,— добавил он скорее для себя.— Что, удивительно? Не улыбайся. Есть картины, но все они покорежены руководящими товарищами, от моих замыслов остались огрызки одни. Вот такая глупость. Мне за многое самому стыдно. Ты не спешишь? А шел быстро. Домой?.. Ну да, а завтра опять будем снимать-месить... Надоело. Трудно убедить тупоголовых — как стена-а. Знаешь, я ощущаю на душе кандалы, кандалы, кандалы, братец хороший... А этот зам...— И Мастер, сказав полуцензурное слово, ссутулился, выдвинул нижнюю челюсть, и я сразу узнал, кого Довженко изобразил.— А главный мой цензор, Он,— Александр Петрович поднял свою красивую седую голову прямо к небу,— Он сам, видишь ли, любил смотреть мои фильмы! А?! И давать обязательные указания, что и где надо переделать. Так Он покорежил «Жизнь в цвету» — она после переделок превратилась в «Мичурина». А это уже другая картина и не совсем моя... Совсем не моя. Уже три года его нет, а до сих пор мурашки по спине при упоминании его имени. Но время рассудит, и каждый получит, что заслужил. Кандалы, браток, на душе художника не лучше кандалов настоящих, только не звенят... Ты еще молод, хочешь совет? Уходи отсюда к... (ей-богу, так и сказал!) Ну почему столько гадов извиваются около кинематографа? Кругом оплели все живое, с... А творчество?! Это же полет! Летишь, как птица, гордо, радостно, и вдруг чувствуешь, что из тебя, из крыльев твоих, из тела единого вырывают перья...

Его монолог, к сожалению, оборвался — подъехала машина. Александр Петрович сел и, сказав: «Ну, извини, завтра договорим...» — исчез в бензиновом облачке и шуршании шин.

Я стоял, придавленный грузом услышанного. И вспомнил, как однажды на съемочной площадке — продолжая, видно, свои мысли,— он произнес: «Живем в великое время, надо платить за эту привилегию».

Да, это было за несколько дней до его ухода в вечность, тридцать три года назад. Надеюсь, сейчас уже можно рассказать о совсем не триумфальном, а скорее мученическом пути своеобычного и Великого Мастера мирового кинематографа.

ЮРИЙ ТРАНКВИЛЛИЦКИЙ,
старший преподаватель кафедры кинооператорского мастерства ВГИКа

Фото автора

МИХАИЛ ГЕФТЕР

СУВЕРЕННАЯ ПРОВИНЦИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ СИБИРИ

Тем, кто интересуется историей России, Михаила Яковлевича Гефтера представлять не надо. Читая его научные исследования и эссе, которые теперь наконец печатаются, мы можем соразмышлять о судьбе страны, о нашем времени, о духовном потенциале человека и человечества. Разные по сюжетам и жанрам работы объединены укорененностью в биографии автора и приверженностью образу Мира Миров. Мир Миров — это единство разноликости, благодаря которой он и может жить. Мир Миров — напряженная гармония несовпадающих человеческих судеб и опытов, многообразие жизненных укладов, созвучие культур. Среди них — Сибирь и люди Сибири. Эта тема появилась в беседах М. Гефтера с философом М. Рожанским несколько лет назад, после того как он познакомился с Иркутском, побывал на Байкале.

...Так нелепо сложилась жизнь, что я мало путешествовал: то болел, то работал, то опять болел. Циклы работы и болезни, сменяя друг друга в какой-то лихорадке, мешали впрямую разглядеть Россию, в которой живешь и в которой кончишь жизнь. Мысли трудно, если не работают глаза. Глаза, в сущности,— мозг, вынесенный на поверхность человеческого лица. Мы не просто смотрим, мы думаем глазами. Потому, полагаю, допустимо сказать, что *понимание* происходит от преодоления «безглазости», как и от избывания «беспамятства». Запомненное глазом где-то и как-то совмещается с событийным воспоминанием: человек ведь не просто помнит, что с ним — *и с людьми вообще* — случилось, он и забывает, иной раз спасительно; но оттого и воспоминание — это непременный акт сознания, предшествующий поступку, действию, или по крайней мере подготовляющий их.

В порядке ли самоутешения, либо это действительно так, но мне кажется, что те немногие зрительные воспоминания, которые накопились за жизнь, не просто оставили глубокий след, они были и рубежными в размышлениях, что-то меняли во мне. Так произошла моя встреча с Пушкиным в Михайловском. Наудачу в заповеднике был выходной день, я пришел еще до восхода солнца и провел многие часы один. Бродил по курганам, удивляясь их множеству, ощутил какую-то исконность в парке, который, собственно, и не парк, а лес, бор,— догадался, что не на беду, а на счастье пушкинское его выслали из губящей его Одессы в русскую историю: «Бориса» на юге он бы не написал, даже держа Карамзина в руке. Для этого нужны были Псковщина, разворот Сороти, монастырь и ярмарники в Святогорске — и одиночество...

Еще одна непредвиденная встреча с Россией: Нижний Тагил. В одном месте — все. Все эпохи, все наши взлеты, все падения. Знаменитая гора Высокая, которая лишь снизу еще кажется горой, а сверху видится театральной декорацией: фасад есть, а задника уже нет — все вынули. Сначала Демидовы, потом пятилетки. Городок в расщелине, над которым висит постоянный смог. А сверху — колоссы: металлургия, коксохим, желтые языки. В глубине — знаменитая «вагонка», которая выиграла войну своими «Т-34». И женщина, рассказывающая о детстве: как она идет в буран в школу, а по дороге — сопровождаемые собаками и конвоирами то раскулаченные, то «враги народа», то немцы, то наши бывшие военнопленные. В одном ряду все: манси, казаки, Петр, великие строители и великие устроители рабства, тульский кузнец, который в своей жестокости превосходил царя,— и все наше будущее. Кровь, смерть, могущество... В пересменку шли люди на металлургический — твердая, даже величественная поступь доменщиков, сталеваров. Как свести воедино? Зрительный образ говорит — **несводимо**. А историку профессия велит соединить концы с началами!

...Что такое Сибирь? Ощущение неизмеримой громадности. Казалось бы, вещь очевидная для того, кто думает над российской историей,— значение *пространства*. Почему у всех или, во всяком случае, у тех, кого можно считать вершинными точками осознания России, мысль и творчество связаны с пространством? Пушкин в пути, в дороге. Твардовский в пути, в дороге. Это — кодовое российское: пространство, которое может пожрать время. Если время до известной степени является синонимом развития, движения, то пространство видится чудовищем, которое хватает, задерживает, омертвляет Время: время — развитие, время — движение.

Зовет к размышлению сама разделенность России. Был в Свердловске, камешки привез, что около столба, где кончается Европа и начинается Азия. Но это чистая литературщина: ощущения того, что под Свердловском начинается Азия, не осталось. А в Сибири — да, в Иркутске — да. Не только из-за множества монголоидных русских лиц. Ощущение, что наша отечественная Евразия как бы состоит из Европы и Сибири. Конечно, в нее входят и Средняя Азия, и Закавказье, но они все же сохранили независимость своих цивилизованных истоков — при том, что и здесь происходили свои переворачивания, имперская унификация, а потом неизмеримое по масштабам и результатам сталинское выравнивание судеб. С Сибирью же связано и иное. Иная межа. Русская европейская Россия и русская Азия! Ощущение расколотости при одном «прилагательном»...

Откуда эта расколотость? От судьбы местных племен и малых народов, которых извели вовсе или обрекли на достаточно незавидное существование? Да, конечно, и от этого (и забыть об этом было бы бесстыдством!). Но все же не только от этого. Этот гигантский простор все равно ими не был заполнен во времена оно. Полностью заполнен и быть не может. Уже в Сибири мне объяснили, что такое сибирская тайга и тундра с ее тощим слоем земли (тронь, и ничего не останется) и с этими могучими реками, в долинах которых только и возможно было настоящее развитие цивилизации. Если суммировать: ощущение, что Сибирью очертилась русская Россия, а русской Россией, которая очертилась гигантской Сибирью, очертилась, в свою очередь, Европа. В Сибири очень ясно для меня представилось это очерчивание, этот обратный ход. Так же как уникальность всех связанных с этим ситуаций. Уникально деление державы на две части, одна из которых может быть местом для того, чтоб держать всех неугодных, инакодумающих, неукладывающихся. Ведь непостижимая. Где? На каком континенте? В какой стране? В какой империи?

Другое очень важное чувство, которое, будучи разноликим в людях, все-таки суммируется. Ощущение сохранившегося в моей Сибири (то есть той, в которую входят люди, близкие мне) человеческого достоинства, сохранившегося в людях и в человеческой повседневности — в том, что не контролируется специальными усилиями ума, совершается как будто незаметно (не обдумывает же человек, как поднять руку...).

У меня был друг, уже покойный, Леонид Григорьевич Величанский. Старше меня на пять лет, с прихотливой биографией, почти горьковской, рано ушел из дому, блуждал по России на стыке двадцатых — тридцатых годов, пережил всякие превратности судьбы. Думал об истории, тянулся к живописи. Жили мы в одной комнате университетского общежития и навсегда породнились. С ним связана одна грань сибирская, которую, когда был у вас в Иркутске, я, по правде, не ощутил. Но она, как видно, немаловажная для Сибири, нынешнего ее горячечного раскольного дня. Мой друг по отцовской линии был из польских евреев, покаранных бунтарей (родословная прослеживается едва ли не со времен Тадеуша Костюшко); по матери — русский, да и был таковым по языку, по тем корням, что крепче паспортных отметок. Двоеродство не замечалось в наши студенческие годы: может, предки подсознательно и присутствовали в нас, но близость потомков зиждилась на совсем иных духовных основаниях. Кровь, этнос не были тому ни стимулятором, ни помехой... Так неназванная Сибирь моего друга и единомысленно, и радостно, а затем и трагично вошла в мою жизнь. Но она тогда не была еще (для меня) буквально Сибирью.

Буквальную предстояло еще и посмотреть, и услышать в ее собственном доме. Могу сказать, не покривив душой: мне повезло на друзей-иркутян. Люди они, разумеется, разные, к счастью, не усредненные, и уже этим вполне вписывающиеся в общие наши утехи и горести, в то, что составляет ныне нашу безумную и все-таки обещающую нечто жизнь. Сегодня, кажется, много больше обещающую, чем тогда,— при одновременно растущем беспокойстве: как бы не сорваться нам в новый раскол душ, в новую Смуту, в новое братоубийство?!

Обстоятельства сближают столицу с «окраинами», но, во-первых, до истинной близости еще далеко, главное же — все равно сохраняются (во благо!) различия, и в том числе сибирское отличие,— в лексике, в поступках, внутреннем запрете на самодовольство, в какой-то опрятности душевного поведения...

Думаю, Россия стала Россией, когда она вобрала в себя Сибирь, когда она распространилась на Сибирь. Существует такая роковая неясность по отношению к России: была империей, стала в конечном счете сверхдержавой, а теперь — что? Может, ответ где-то таится в глубинах Сибири. Во всяком случае, говорить о России вне Сибири невозможно. Так же, как нельзя говорить о Европе, забывая, что Россия своим существованием очертила ее и *извне, и изнутри*. Именно — как Европу.

А Сибирь? Из пространства, населенного нерусскими народами, она стала неотъемлемо отдельной, обособленно необходимой частью российского пространства, судьбы которого сцеплены, скованы, связаны властью и духом: союзниками-антагонистами, притязающими на *целое*, на все.

Конечно, можно назвать Сибирь колонией, но я воздержался бы от этого. Все-таки не совсем так. Может быть, и трагичнее будет другое определение, но оно должно вобрать в себя эти две ипостаси — и отдельность, и интегральность. И особую роль Сибири как всесветного страшилища («Отправить в Сибирь!»), и ее же роль в качестве своеобразной цивилизации, которая имеет свой шанс что-то сказать России, а через нее — всему Миру.

Я никогда не относился к «провинции» как к не-до-Москве, потому что сам провинциал. Что такое в России провинция? Допустим, это все, что вне нескольких крупных центров. Или все, где люди хуже живут. Очень существенное определение, не так ли?! Или это вообще просто Россия? *Вся* Россия...

Конечно, в любой стране есть провинция. И во Франции тоже есть места, где какая-нибудь старуха ни разу в жизни не была в Париже или уж, во всяком случае, множество людей не приобщены к интеллектуальному кипению столицы сменяющимися там веяниями духа и так далее.

Но именно в России провинция и сейчас, и в прошлом — резервуар человеческого сопротивления унификации, всяческому обложению, даже если оно исходит из высоких побуждений мысли. Российская провинция систематически выводила на орбиту высокие умы, крупных людей разных калибров и призваний. А ныне и в ее бедности, и в ее громадности заключено нечто, позволяющее искать ответ на более чем животрепещущий вопрос: что нам сегодня нужнее и доступней — догнать двадцатый век или изготовиться к двадцать первому?

Сидя в Москве, можно рассуждать о том, как выйти на «мировой уровень». Приезжаешь в провинцию — эта мысль сразу оборачивается своей нереальной стороной. Да и что сие значит? Будто есть какой-то однозначный и всеобъемлющий «мировой уровень», одинаковый в Штатах и Японии, Англии и Сингапуре. Будто все определяется, когда у каждого в каждой отдельной квартире будет персональный компьютер. Не хочу попасть в ретрограды. Согласен: будущее общество, вероятно, будет и в самом деле «информационным». Но вот

вопрос (наш — и не только наш): как стать обществом? И ведь тоже не на один салтык все. «Маленькая страна, великая нация»,— кем-то было сказано о Голландии. А если страна превеликая, и не страна даже, а страна стран, то чем в ней может быть «общество», как не сложной многоуровневой, многоцивилизованной мозаикой, ассоциацией непохожих (и заинтересованных в своей непохожести!) обществ, общин, земель?!

И тут слово за «провинцией», если позволительно, например, так именовать Сибирь. Самая пространственность ее, помноженная на непредуказанные движения человеческого ума, содержит какой-то важный ресурс нашего общего завтра, если только мы не дадим обокрасть, растоптать этот ресурс — и не каким-то там скрытым злодеям, оборотням перестройки (они есть, но не о них речь),— а не дадим сделать это собственной распре, растущей во взаимное отторжение. Иначе говоря: если нащупаем источники, формы, контуры нестесненного «неформального» согласия, без коего не появиться и новому интегральному устройству новой договорной связи. А в них — вся суть!

С этой точки зрения я бы рискнул сказать: нынешняя провинция — это наше общее Завтра. Суверенность провинции может не только задать новый тонус литературной, философской, вообще гуманитарной жизни (которая, будучи сосредоточена в нескольких центрах, остро нуждается сейчас в рекрутировании и проблем, и людей извне), а еще и придать новый тонус человеческой повседневности. Очень важная штука эта человеческая повседневность. Об этом напомнил нам своим замечательным трудом француз Фернан Бродель. Но ведь если пристально всмотреться в одиссею русского слова, русской мысли, то мы обнаружим мощную традицию изучения, осмысления человеческой повседневности, повседневного человека — и тут в родоначальниках Пушкин; да разве он у нас один?!

Сейчас Сибирь испытывает чудовищный натиск чего-то, что ей неорганично. Можно, конечно, сказать, что это одна из конвульсий «административно-командной системы», проявлений ведомственного произвола. Можно добавить, и это тоже не специфически сибирское, что «остаточная» экономика, оставляющая на долю человека лишь то, что не входит в претензии и обиход сверхдержавы,— что эта асоциальная экономика разрушает ныне и самое себя (входя притом в крепчайшее противоречие с тем демонтажем сверхдержавы, который уже осуществляет наша внешняя мировая политика!). Всевластие одним рывком переходит в безвластие, и эта ситуация ощутима повсюду и мучительна для всех... Но какое-то своеобразие сибирское все-таки и тут есть.

Байкальский синдром — что это такое? Крик боли, который из уст Валентина Распутина и его сподвижников услышали весь Союз и его запределье. Оно и понятно, если захотеть понять. Ведь Байкал — один на свете. Он, по сути, достояние человечества. А Сибирь, такая, какой я ее увидел, какой она вошла в мое сознание,— она также одна на свете: со своим трагическим прошлым, со своим укладом человеческой жизнедеятельности, со своим восприятием жизни, то есть всем тем, что и образует понятие «цивилизация».

Теряет ли она сегодня уже давно сложившуюся цивилизацию, или только предпосылки, фрагменты ее — в любом случае это вопрос, настаивающий на том, чтобы его поставили перед собой и коренные сибиряки, и те, кого именуют (заслуженно или незаслуженно) «пришельцами». Но его, этот вопрос, надо правильно поставить. Ответу быть далеким от истины, если сам вопрос, действительный и насущный, ставится на ложной основе, если боль срывается в истерику, диалог замещается монологом, наперед исключающим иной голос, иное суждение, иной образ.

...Будто маленький речевой оттенок: *остаться* Сибирью или *стать* ею?! Остаться, охраняя себя в том виде, который мнится как единственная «чисто русская» Сибирь, ревнительница всего «чисто русского». Или стать ею — стать в контексте запутавшегося и меняющегося нашего *Мира в Мире*. Стать заново (или впервые?) нужной не только сибирякам *сибирской цивилизацией:* из «прото» в искомую, зовущую — ищите меня во мне и вне меня!

Сейчас, мне кажется, в Сибири происходит идейная и духовная борьба вокруг этого «оттенка». Страсти кипят, но осознан ли предмет спора? Активно глаголющее сибирское сопротивление знает ли, чему оно — и во имя чего — сопротивляется?!

Возвращаюсь к тому, что сказал вначале. Если суждено нам устроиться заново в качестве Мира в Мире (с губ срывается — «иного не дано»!), то этот мир наш потому и будет *мир*, не меньше, что он состоит из стран, которым *естественно* быть суверенными, хозяевами своей земли и судьбы. Сибири быть одним из этих суверенов. Одним из главных слагаемых мира! Без нее не быть самому миру, и не только оттого, что за вычетом ее природных богатств мы сразу станем разительно беднее. Еще важнее главный ресурс, главное богатство — разнообразие, питающее добровольную совластность, очеловечивающее всех и повсюду... Беда состоит в том, что Сибирь отстоять себя сможет только включившись в общий процесс обновления, то есть она все равно на свой сибирский лад должна начать и начаться. Она не может себя просто отстоять, не может не только потому, что в нынешнем мире, который ломится вперед (куда-то вперед), это не дастся. И не только потому, что мешает несдающаяся централизация. Сибирь по природе вещей не может просто остаться собой, она должна начаться сызнова в людях и обстоятельствах. Она должна открыть в себе какой-то цивилизационный исток как интегральную часть вступления в новую жизнь всего гигантского пространства бывшей державы, которое должно помириться со временем. Поэтому странное, горячечное, какое-то неистовое до невменяемости русофильство части Сибири мне представляется спазмом попытки отстоять без развития. А суть, смысл наследия, духовный ген Сибири — именно в том, чтобы на свой лад двигаться, заново очерчивая собою русскую европейскую Россию и даже очерчивая этим всем и Европу. Может, и дальше — кто его знает.

Планетарный процесс нащупывает ныне новое русло. С одной стороны, растущая роль мирового сообщества, с другой — отчетливое тяготение к региональным связям, которые обретают достаточно точный, долговременный и институализированный характер. Пример перед глазами — предстоящая Европа 1992 года, не говоря уже о нынешней.

Пример для подражания? Пример — да. В подражании же сомневаюсь. Не те у нас размеры, не то наследство. От них, от него не уйдешь. Надо искать свое решение... Куда и к кому уйти Сибири?! Настолько она громадна и настолько сама по себе. Все равно, что сказать: «Китай уйдет из Китая».

Другое дело — старая областническая традиция как некоторое духовное предвещение цивилизационной самобытности и цивилизационной интегральности, то есть собственной сибирской заявки на целое. Не может быть одной заявки на целое. Есть прибалтийская, которая выражает себя в формах предухода. Есть закавказская кровавая сумятица: негатив, который ломится в свой позитив, еще не зная, каким он должен быть. И есть, конечно, сибирская заявка, звучащая примерно так: убережем богатства земли и недр для потомства; начнемся по-другому: Сибирью России и Мира; найдем новый статус взаимности всеобщего сосуществования, который вывел бы всех из бедной повседневности, сохранив ее, но безбедную, и выстроив себя как нечто в целом непохожее на другие миры в Мире.

Как ни парадоксально, где-то в «задниках» мыслей Распутина присутствует эта заявка, выражая себя нераспутинским языком.

Самое интересное, что, будучи маргиналом в России, маргиналом в людях, нынешняя отстаивающая себя Сибирь поступается этим драгоценным своим свойством. Маргинальность — драгоценное свойство. Я думаю, что и Валентину Распутину оно помогало творить лучшие его вещи... Маргинальность Сибири всемирна — каторжанами, поляками, собственно сибиряками, и этой перемешанностью кровей, и этой отделенностью, и этой близостью глубинной Азии. Выбрасывая маргинальность, выбрасывают, мне кажется, душу Сибири. Во всяком случае, ту ее важную составную часть, в которой скрыта возможность совсем иного и очень интересного будущего, принадлежащего уже не только ей, а всем на свете.

Говоря об истории Сибири, надо наложить окончательный запрет на всякие исключения. Все вопросы, которые возникают сейчас, входят в предмет. И судьба тех народов, которых застали здесь первопроходцы. И судьба Сибири внутри России. Россия, определяемая и опосредуемая Сибирью. Сибирское областничество и поляки в Сибири. Декабристский след. Настоящее сибирского сопротивления в его исторических корнях.

Мне трудно сказать, чему отдать предпочтение, но прежде всего нужно избрать угол зрения, некий камертон — попытаться осознать то, что тревожит, то, как выявляет себя сейчас сибирское сопротивление. А можно и оттолкнуться от него — показать, что оно духовно может выразить себя иначе. Для этого надо действенно использовать мировой и европейский опыт исследования человека, личности и в то же время накапливать, систематизировать, обдумывать местный материал — хронику превеликого множества незаурядно-рядовых человеческих судеб. Какое огромное поле работы!

И тут, заканчивая, позволю себе вернуться к некоторым своим сибирским впечатлениям.

В Иркутске я прикоснулся к финалу декабризма. Побывал на могиле Екатерины Ивановны и в доме, считающемся домом Трубецких. Замечательный музей, трогательный, отличающийся от казенных и парадных музеев сибирским вниманием к человеку — не только к человеку Трубецкому и его семье, но к людям, которые своими дарами сделали возможным музей и чьи имена значатся на всех экспонатах... Поездка в Урик. Постояли у могилы Никиты Муравьева рядом с разрушенной старинной церковью, встретились со старым учителем, который неутомимо собирал и собрал наитием, инстинктом, трогательным чутьем и терпением следы пребывания декабристов на этом куске сибирской земли. И был последний символический аккорд пребывания в Сибири, когда мы вместе пошли на кладбище и, заглянувши перед уходом вглубь, совершенно случайно наткнулись на скромнейшую могилу с надписью: «Мне хорошо. Последние слова покойного» — могилу Юшневского, самого старого из декабристов.

Как такое забыть? Но дело не в одних лишь чувствах. Если иметь в виду декабристскую ипостась Сибири, то примечательно, как судьба немногих формирует образ целого. Сколько их было там? Единицы. А след силен. И не только благодаря тому, что нынешние сибиряки восстанавливают его великолепной серией изданий[1], но и еще одним обстоятельством.

Люди, составлявшие сливки александровской России, победители Наполеона, эти именитые и родовитые, хотя отчасти и не очень знатные и даже вовсе бедные, почти разночинцы, были исключены Николаем из жизни. Для утверждения постдекабристского императорства важно было, чтобы память России «очистилась» навсегда, навечно от 14 декабря, чтобы эта страница была совершенно пустой. Сибирью Николай хотел исторгнуть декабристов из жизни не в том лишь смысле, чтоб они исстрадались за свою попытку покуситься на власть, а он стремился обеспамятить Россию. Не вышло. Почему? Потому, что сохранились письма, которые мы теперь читаем? Потому, что остались воспоминания, которые они сумели там написать? Да. Плюс еще одно огромное обстоятельство — есть сибирская жизнь декабристов. Не приложение к их существованию до 14 декабря и к трагической развязке, к действию, которое не было для них своим и которое уже одним этим было обречено на поражение. Нет. Они стали частью тела Сибири, действовали в Сибири, учили детей и хозяйствовали. Была их *вторая жизнь* — сугубо сибирская. Она существенна и недооценена еще в качестве важного фрагмента всей российской жизни. Конечно, это можно рассмотреть и по книгам, но яснее стало, почему Лунин, поздно вошедший в страдальческую эпопею своих друзей, был своего рода аутсайдером среди них, почему он и в Сибири в некотором смысле оставался единственным человеком, жившим прошлым.

Второй очень важный фрагмент, еще ждущий исследователя и восстановления справедливости,— польский след, который был для Сибири едва ли не более значимым, чем великий декабристский. Огромная страница человеческих страданий, но и человеческого подвига. Не просто поляки, загнанные императорством в Сибирь, обреченные на мучения каторги, на путь пешком в кандалах от Варшавы до Иркутска, а поляки как органическая часть русской Сибири. Забыть ли, что первым защитником Байкала, первым исследователем и зачинателем того, что Байкал стали изучать и понимать, был поляк?

О самом Байкале не говорю. Навсегда это: холодный и неуютный день, когда мы вышли из почти курной избушки. Встретились милые люди по дороге, день становился все более солнечным, ясным, а потом — пусто. Никого, только — вдвоем. И говорящий с нами Байкал. Не только величие, простор, ширь, а удивительная изрезанность маленькими бухточками, входами в землю, в которых волна не просто шелестит — она как бы шепчет. И великолепные, оставшиеся в наследство тоннели виттевского времени, которым я когда-то занимался. Все в узел связано.

Прикосновение к Сибири отучает от московского эгоцентризма, от свойственной московским интеллектуалам — тем, кого считают интеллектуалами, или тем, кто является ими на самом деле,— привычки считать себя выразителями всех чаяний, мыслей, соображений, наблюдений. Сибирь — хороший иммунитет против самодовольства и чванства. Против интеллектуальной хлестаковщины, которая сейчас так выпирает наружу, так прихотливо соседствует с чистотой намерений узнать худшее в прошлом. А узнавши, что? Стать другими? Да, стать другими, оставаясь теми же — от себя не уйдешь. И Сибирь от себя не уйдет — она себя отстаивает.

[1] Речь идет о серии «Полярная звезда», которая выходит в Восточно-Сибирском книжном издательстве.— Ред.

РОЖЕ ГАРОДИ, ОТСТАВНОЙ КОММУНИСТ

— Да, я считаю, что в результате многих причин распалась великая система: в Советском Союзе, в странах соцлагеря возрождается капитализм. Значит, опять сорок восьмой! 1848-й! Как было при Марксе. Значит, мы возвращаемся назад. Значит, зря прошли полтора века. Я не пойму ни вашего Ельцина, ни Валенсу, с их провалами и проскоками. Они или мечтают, или лгут...

(Из беседы с Р. Гароди)

Однажды, запустив руку во второй ряд стеллажа, я случайно вытащил старую книжку — Роже Гароди «О реализме без берегов». Когда-то это был один из бестселлеров XX века. Несмотря на смехотворный тираж и стыдливый гриф «Для научных библиотек». Сколько собак было спущено на автора! Сколько проклятий пало на голову отступника и ренегата! А между тем Луи Арагон тогда сказал: «Эта книга — событие».

Так кто же он — Роже Гароди — человек, имя которого было так у нас знаменито и так внезапно предано забвению? Французский философ, писатель, политический деятель. Родился он в 1913 году. Еще студентом философского факультета и активистом христианского молодежного движения стал членом французской компартии. В 1936 году адъюнкт-профессор философии в Альби, в 1953 году защищает в Сорбонне докторскую диссертацию на тему «Материалистическая теория познания». С 1962 года завкафедрой философии в университете в Пуатье. Р. Гароди — первый из иностранцев, получивший степень доктора наук в СССР. Участвовал в движении Сопротивления в годы второй мировой войны, подвергался репрессиям. Избирался депутатом Национального собрания, сенатором. С 1956 по 1970 год Р. Гароди — член Политбюро ФКП, главный идеолог партии.

В 1970 году исключается из партии за «вольнодумство», за стремление иметь свою точку зрения по кардинальным проблемам марксистской теории и практики революционной борьбы, отличную от официальной.

Вскоре он сменил веру, приняв ислам. Повел борьбу за диалог и сближение всех мировых религий, за что приобрел славу «мусульманского Лютера».

— Я нашла его, приезжай,— позвонила мне из Парижа моя приятельница, переводчица Надин Фавр.— Он живет за городом, в местечке Шенвир-на-Марне. Он нас ждет.

Гароди встречает нас в собственном доме. Мы усаживаемся в удобные кресла и начинаем долгожданный разговор.

— Вы спрашиваете, почему я стал другим за последнюю четверть века, что заставило меня смотреть иначе на многое в этом мире? Причин этому три. Студенческие события во Франции в 1968 году. Как ни странно, это случилось при экономическом благоденствии. Бастовало десять миллионов трудящихся. Все университеты были под контролем студенчества. А во мне рождалось смутное осознание того, что наша система более опасна именно тогда, когда она, да-да, не удивляйтесь, хорошо функционирует. И в кризисе 68-го года менялось мое представление о революции. Нам, коммунистам, не хватило тогда мужества до конца раскрыть противоречия собственной системы. И мне казалось: в кризисе не система, а сама цивилизация.

Я сказал об этом Жоржу Марше. Он не согласился: ничего страшного не происходит. И тогда я уже, как член Центрального Комитета, довольно резко заявил, что он — тот человек, от которого партия погибнет. Партия, которая не понимает, что происходит в мире, обречена, у нее нет будущего. Так оно и вышло. Я оказался прав. Это первая причина моего разочарования.

Вторая — поведение Марше в трагические дни вторжения советских войск в Чехословакию. Многие во французской компартии были против этого. Но ситуацию вовремя не обсудили, а на следующий день было уже поздно, и партия, во всяком случае, многие ее члены, замолчала. Согласились с вторжением, с оккупацией. А я думал: может ли называться социалистическим режим, который позволяет себе такие крайние поступки?

И третья причина, по которой я расстался с членством в партии,— это мое отношение к нашей партийной программе, ставшей потом общей программой с социалистами, с Миттераном. Я предложил свою контрпрограмму, во многом противоположную. Меня порицали, критиковали. Весь ЦК высказался против. И меня исключили сначала из Политбюро, а потом из партии вообще.

— Это было для вас потрясением?

— Да. Я даже хотел покончить с собой. К тому времени я состоял в партии тридцать семь лет, и вдруг моя жизнь лишилась всякого смысла.

— А потом?

— А потом я с головой ушел в научную работу. Стал думать над проектами будущего. «Альтернатива» — десять лет я обмозговывал это понятие, давшее название моей новой книге. Она о том, как нам снова завоевать надежду. Это был призыв к людям. Моя книга имела огромный успех — она разошлась тиражом в сто девяносто тысяч экземпляров — для нас это небывалый тираж. Мне даже как-то неловко сравнивать, но она имела куда больше успеха, чем работы Сартра.

Я работал сразу над несколькими книгами и, помимо политических проектов, размышлял над эстетическими и духовными проблемами общества и человека. После исключения из партии я почувствовал себя свободным, раскованным. Я был рад тому, что могу открыто выражать свои взгляды и мысли. И я употребил эту возможность для размышлений о том, как политическая деятельность соединяется с эстетическим творчеством. К одной из моих книг Луи Арагон написал предисловие, он назвал его «От анафемы до диалога».

— Но Арагон писал в предисловии к самой известной у нас в России вашей книге «О реализме без берегов» буквально следующее: «Как же можно говорить о мирном сосуществовании идеологий?!». Так как же, по-вашему, все-таки можно говорить?

— Дело не в идеологии. Вера не идеология. Самая опасная и самая тяжелая ошибка коммунистических партий в том, что они считают, что вера и есть идеология. Это неверно. Вера — это вовсе не то, что человек верит в Бога. Это образ вашей жизни, не принципы ваши, а поступки, жизненные ценности.

— Кстати, что для вас есть Бог? И какой Бог? Ведь вы сменили религию?

— Когда меня спрашивают, как можно доказать существование Бога, меня тянет к револьверу. Ведь если можно доказать, что существует Бог, тогда это не Бог. Это уже не Бог. Для меня Бог — не существо. Бог — это поступок. Бог — это настоящее открытие. В своей книжке «Ключ к Марксу» я показал настоящее философское открытие — поступок: Маркс — это не переход от идеализма к материализму, а переход от философии человеческого существа к философии поступка, поведения. Это нечто противоположное Аристотелю.

— Еще раз хочу процитировать Арагона из предисловия к «Реализму без берегов»: «...Я хорошо знаю, что в марксизме нет и не может быть места для заблуждений или преступлений». Как вы могли согласиться с таким пассажем в вашей книге?

— Это, по-моему, действительно глупо. У науки нет цели. Наука есть только средство. Научным марксизм бывает только тогда, когда он действует. Средства марксизма могут быть научными, а суть марксизма — нет. Быть социалистом — это не научный поступок. Это поступок веры. Маркс стал социалистом за двадцать лет до «Капитала». В 1853 году он пишет: мы должны преодолевать всяческие режимы, в которых человеческое существо оскорблено и унижено. И в этом его утверждении нет ничего научного, здесь просто вера.

— Как появилась эта нашумевшая у нас книга — «О реализме без берегов»?

— Это не книга, это сборник из трех статей-лекций. Луи Арагон посоветовал мне издать их как книґу. Первая лекция была прочитана в Чехословакии. Руководителем отдела германских исследований в Пражском университете был мой друг Гольдштюккер, специалист по Кафке. Кафка был тогда на плохом счету, его не издавали. И Гольдштюккер захотел разорвать порочный круг, организуя во Дворце Либлице коллоквиум по Кафке. Он объявил о моем участии, чтобы мое имя, тогда еще уважаемое партийным официозом, стало буфером против возможного запрета. Операция удалась. Некоторое время спустя в Париже чешский посол вручил мне золотую медаль за услуги, оказанные чехословацкой культуре. Эту награду я носил только раз — на приеме в советском посольстве после вторжения в Прагу. Это выглядело провокационно. Одеваясь в вестибюле, я обнаружил в кармане записку: «Когда будут исследованы культурные источники движений 1968 года, будет определена и степень ответственности всех, кто его подготовил: гольдштюккеры и гароди, которые подготовили своей пропагандой Кафки нашу молодежь к разложению». Бедный Кафка! Оказывается, я отравил им целое поколение!

Так вот, когда я опубликовал во Франции этот очерк о Кафке, сопровождаемый лекцией о Сен-Джон Персе и исследованием о творчестве Пикассо, стоящая в шеренгу советская критика растерялась. Заголовок, придуманный Арагоном, гласил: «О реализме без берегов». В предисловии он написал: «Эта книга — событие». Но эта книга была полным разрывом с официальной линией. Она стала первой моей стычкой по проблемам искусства с советскими официальными лицами. По настоянию Арагона Москва, попав в неловкое положение перед двумя «именитыми» членами «братской партии», опубликовала книгу ограниченным тиражом с грифом «Для научных библиотек» — нечто эквивалентное: «Запрещено для лиц моложе восемнадцати».

Любопытны истории и двух других статей в книге. Они также родились из лекций. Лекцию о Пикассо я читал в Париже в зале, вместившем две тысячи восемьсот слушателей. Плата за вход была очень высокая. В партии мне сказали, что я сошел с ума. После лекции я спросил Пикассо: «Ну, как ты оцениваешь все то, что я сказал?» Он ответил: «Да, я согласен, согласен на уши и хвост». Это была высшая похвала, ведь известно, что тореадору-победителю вручают уши и хвост от убитого им быка.

— Сегодня, несмотря на усилия последних лет, мир по-прежнему разъединен. Что может объединить сегодня людей, человечество?

— Думаю, что общие проекты, общие надежды. Мужчину и женщину могут держать друг с другом хорошие сексуальные отношения, но если нет чего-то другого — детей, работы, идеи — как правило, это недолгий союз. Ни сентиментальные, ни фиктивные отношения не помогут. Сила притяжения в чем-то социально общем. Знаете, это как в искусстве: если вам не о чем сказать, выразить себя, то даже если вы хорошо говорите, это не искусство.

— Что вас больше всего интересует из происходящего в России?

— Когда говорят о крахе марксизма, я этому совсем не верю. Это не так. Мне приходит в голову мысль о посмертном отмщении Маркса, потому что вместо него писали так много глупостей.

Будто бы он так думал и говорил. К примеру, анализируя английский капитализм, самый развитой в мире, он установил почти математические законы его развития. Огромная монументальная ошибка современных толкователей Маркса в том, что они перепутали описание закона с самим законом и приняли выводы Маркса очень императивно. Для меня Маркс не изобретатель марксизма, он изобретатель исследований будущего, методолог исторической инициативы. Он исследователь противоречий, свойственных одной стране, одной эпохе. Он рассуждает о том, как можно преодолевать противоречия. Но его же извратили, его учению сделали обрезание и в таком виде импортировали в Россию. Отсталый российский капитализм перевели в развитой. Из девятнадцатого века побежали в двадцатый! Маркс посмеялся бы, глядя на это. И вот что я еще скажу: рыночная экономика — это не мечта для будущего, это кошмар. И Ельцин так же, как и Валенса в Польше, не панацея. Потерянное за полвека нельзя восстановить одним днем. Даже полтысячей дней...

Гароди — уникальнейший собеседник. Ум его ясен и современен. Но в некоторых своих убеждениях, размышлениях Гароди может показаться архаичным. Часть его бурной жизни прошла в Москве, он знал Сталина, он гордится своим прошлым. Он вообще многим гордится: портфелем из крокодиловой кожи, подаренным ему Фиделем Кастро, учеными степенями и званиями, наградами, знакомствами с удивительными людьми, такими разными, как Жан Поль Сартр или Каддафи. И было видно — ему приятно, что о нем вспомнили наконец в Москве.

Он подарил нам свои последние книги и разрешил напечатать выдержки из них в журнале. Первая книга — «Моя гонка по веку в одиночку» (издательство Робер Лафон, 1989),— вторая «Год двухтысячный без 10. Куда мы идем?» («Мессидор», 1990).

Эти выбранные нами отрывки мы и представляем на ваш суд.

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

«МОЯ ГОНКА ПО ВЕКУ В ОДИНОЧКУ»

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ (1953—1968)

О Сталине: то, что я видел, читал, слышал

Революция погибла... Это термидор... Прогнившие торжествуют... Я разразился рыданиями над своим письменным столом. Я только что услышал на Пленуме Центрального Комитета партии, посвященном отчету нашей делегации на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, резюме того, что мы годами упрямо называем докладом, приписываемым Хрущеву.

Если все это ложь — какой кошмар!

Если правда — какое крушение!

Страх смерти для души — это страх потерять смысл своей жизни и деятельности. Почему не признаться, что в какой-то момент, после XX съезда, мы испытали это инстинктивное оцепенение нашего сознания. Мы его никогда не знали прежде — ни в тюрьмах, ни в концлагерях.

Полный текст этого доклада, который был широко опубликован в прессе нашего идейного противника и в подлинности которого нельзя было усомниться, в течение долгого времени лишь укреплял мои подозрения в «термидорианской контрреволюции».

Даже если факты точны, это выставленное на публику беспорядочное нагромождение могильно мрачных анекдотов имело вид простого сведения счетов. И заклинание, которое освобождает от всякого анализа: «культ личности».

Потом я часто встречал Хрущева; он приглашал меня отдохнуть на свою дачу в Крыму. Я никогда его не любил. Вот сценка, которая раскрывает его человеческое убожество. Мы — у него с несколькими руководителями зарубежных компартий. В Польше трудная ситуация. Хрущев хватает Гомулку за плечо и предлагает ему тост:

— Я охотно пью за твое здоровье, но не твоего Политбюро: там есть собаки.

Гомулка взбешен:

— Или вместе с моим Политбюро, или ничего!

Хрущев бьет о пол свой бокал. Гомулка — свой. Позже в ходе одной беседы в Варшаве я напоминаю Гомулке этот инцидент и поздравляю за эту его позицию.

— Мне,— отвечает он,— легче было с кардиналом Вышинским (тогда примасом Польши). Кардинал ненавидит социализм. Благодаря его авторитету у католиков в его власти свергнуть наш режим, когда он захочет. Он не делает этого только из национальных чувств: он не жалеет для нас критики, но он любит свою страну и знает, где нельзя заходить слишком далеко, чтобы не спровоцировать иностранную интервенцию...

Но каковы бы ни были личность Хрущева и его политика, его доклад начал болезненную, но необходимую ломку образа Сталина, который был создан у всех нас.

Мой опыт в этом отношении — опыт бесчисленного множества людей, и не только коммунистов.

Октябрьская революция и Сталин в течение многих лет олицетворяли наши надежды. Когда западный мир корчился в конвульсиях великого кризиса, набирали силу пятилетние планы, превращая отсталую Россию во вторую великую экономическую державу мира, способную выдержать двадцать лет спустя главный удар гитлеровского нашествия.

В то время, когда в нашем концлагере мы узнали, что самая мощная немецкая армия взята в плен под Сталинградом, никто не сомневался тогда, что, когда армия Сталина наступает, свобода продвигается вместе с ней и звонит первый колокол Победы.

Какой ценой советский народ оплатил свои индустриальные и военные подвиги? Никто тогда не знал этого. Я буду говорить объективно, а не только в черно-белых красках.

О Сталине. Хочу вначале разграничить: то, что я видел, то, что прочитал, и то, что слышал от других.

Сначала то, что я видел.

Как член французской делегации на XIX съезде КПСС, я мог наблюдать поведение Сталина на публике. Эпизоды кинохроники — с Гитлером на парадах в Нюрнберге или с Муссолини на балконе Венецианского дворца в Риме — показывают одного и другого полностью оторванными от остальных бонз режимов, образующих простую декорацию из униформ. Сталин входит в президиум съезда вместе с другими членами Политбюро. Они шутят и обмениваются дружескими тумаками. Сталин в своем френче военного образца ничем не выделяется. Звезды и медали нужны лишь для официальных портретов. Монотонная речь. На грани бормотания. Нет ни лая Гитлера, ни челюсти дуче.

Во время обедов, собирающих все зарубежные делегации, он переходит от столика к столику со своей бутылкой красного грузинского вина (Мукузани), он не любитель водки. Во время таких банкетов я видел, как маршал Ворошилов — распорядитель тостами (тамада) — выпивал до дна 74 стопки перцовки — ровно столько, сколько присутствовало делегаций, которые нужно было приветствовать.

Вот Сталин подходит к нашему, французскому столику (мы — вчетвером). Когда он хочет особо почтить гостя, он наливает ему немного вина из своей бутылки. Угощает и нас. Потом берет меня за плечо и, к моему великому удивлению, произносит:

— Выпьем за здоровье вашего маленького Жана. Торез рассказал мне, что у вас дома перед моим портретом он сказал: «Это дедушка Сталин». Жан видел мою фотографию, так покажите мне его.

Наружность и поведение совсем не диктаторские.

Когда я вернулся в Москву несколькими месяцами позже, как корреспондент «Юманите», Сталин уже умер. То, что я видел тогда, это был образ «внизу», в народе.

Я живу с женой и тремя детьми в крошечной квартирке на Садовом кольце.

Русская женщина лет сорока, приехавшая из деревни, занимается нашим хозяйством и детьми. Она живет с нами в клетушке. У Шуры очень фольклорная внешность: две светлые косы до талии, светло-голубые глаза и традиционное платье уральской крестьянки. Она быстро входит в нашу семью и мечтает увезти мою маленькую трехлетнюю Франсуазу (Фану) навестить свой колхоз и свою семью. Она отказывается от отпуска, лишь по воскресеньям ходит к православной службе, которая длится целое утро.

Вскоре после нашего прибытия «Правда» объявляет о казни Берии.

Неграмотная Шура заставляет меня трижды прочитать ей статью, рассказывающую о наказании этого предателя. При этом она испытывает подлинное ликование. Она говорит мне о Берии как об оборотне и, напротив, хвалит Сталина за то, что принес он в жизнь ее деревни. Она непрестанно молилась за него при его жизни, за все эти благодеяния, а после его смерти — за упокой его души.

На улице, в поездках, в контактах с людьми я мог видеть последствия сталинского режима со всеми их противоречиями: самое прискорбное соседствовало с самым великим.

Беспрестанным и угодливым было повторение восхваляющих лозунгов (столь же монотонных и лживых, как лозунги антикоммунизма). Причем на всех уровнях: от Центрального Комитета до председателя колхоза.

И потом гонорар за это приспособленчество: доступ в ту особую секцию ГУМа (универсальный магазин на

Красной площади), в которой люди с положением и пользующиеся расположением иностранцы могут приобрести по льготным ценам все, что невозможно найти в магазинах. Я вспоминаю, как делал там покупки в компании космонавта Гагарина, который покорил моих детей, показывая фигуры высшего пилотажа на маленьких моделях самолетов.

Во время одного из семинаров экономистов я ставлю вопрос, который мне кажется коренным: вопрос о модели роста.

Маркс в «Капитале» установил алгебраическое соотношение между производством средств производства и производством средств потребления для обеспечения оптимального роста. Это описательная теория развития английского капитализма в середине XIX века. Сталин сделал из нее нормативную теорию развития социализма в XX веке. Не рискуют ли включить социализм в западную модель роста, стремясь только освободить его от противоречий, которые сковывают его развитие?

И состоит ли призвание социализма в том, чтобы быстрее, чем капитализм, достигнуть материальной цели капитализма, или в том, чтобы создать другой проект цивилизации?

Я сделал конспект позиций участников этих дебатов. Сначала точка зрения профессора Розенталя. В 1930 году, на XVI съезде партии большевиков, Сталин сказал: «Мы должны наверстать отставание за 10 лет, или они нас раздавят». Десять лет прошло. В 1941 году Гитлер напал на Россию. И что было бы с СССР, а также с миром вообще, продолжает профессор Розенталь, без этой директивы — прозорливой и беспощадной? План предусматривал производство 10 миллионов тонн стали в 1933 году. На деле эта цель будет достигнута только в 1941 году. В самое нужное время.

Я спрашиваю:

— Но какой ценой для советского народа? Это что — цена социализма?

— Нет,— отвечает мне академик Момджан, специалист по Франции XVIII века.— Это цена индустриализации. Не забывайте, что мы должны были строить социализм в слаборазвитой стране. Нужно было выполнять одновременно задачи и индустриализации, и строительства социализма. Товарищ Гароди, вы написали книгу «Французские источники социализма», и вы взываете к тому, что Маркс называл «оргиями промышленной революции». Какого разорения стоили английским крестьянам законы об огораживании, которые сгоняли их с земель, чтобы создать крупную промышленность? У нас принудительная коллективизация сельского хозяйства, как бы она ни была жестока, стоила крестьянам не дороже, чем принудительный переход от хлеба к шерсти в Англии за четыре века до этого. В вашей книге вы напоминаете, что во Франции в эпоху ее индустриализации понадобился закон, запрещающий работу в шахтах детям в возрасте до 5 лет, и что еще один закон, от 22 марта 1841 года, регламентирует труд детей: не более 8 часов в день в возрасте от 8 до 12 лет; не более 12 часов в возрасте от 12 до 16 лет.

Один из присутствующих добавляет:

— Этот резкий переход к индустриализации в СССР вынуждены были осуществлять без иностранной помощи.

Я замечаю, что на металлургическом комплексе «Уралмаша» в разгар холодной войны я нашел самые современные станки из Соединенных Штатов.

— Запрет на экспорт этого оборудования очень строг,— отвечают мне.— Но американские производители продают в Швецию, которая за весьма комфортабельный процент перепродает нам. К счастью, предпринимателю иногда не хватает классового сознания, когда в игре его доходы.

В Москве, у Ильи Эренбурга, писателя, автора романа «Падение Парижа», я чувствую себя как дома. В его квартире на улице Горького картины Матисса и Пикассо создают парижскую атмосферу.

Его военные корреспонденции, сборник которых только что опубликован, шокировали меня своим русским шовинизмом. Я откровенно сказал ему о моем впечатлении:

— Я прекрасно понимаю, что в то время, которое вы назвали «Великой Отечественной войной», нужно было собрать все силы — от Русской православной церкви до великих мифов о войнах Ивана Грозного с тевтонской конницей* или до Кутузова, героя сопротивления наполеоновскому нашествию. Но когда мир завоеван, не настало ли время вернуться к академическому стилю и языку?

Эренбург встряхивает копной желтоватых седых волос, которой прикрыт по диагонали его огромный лоб. Он хитро прищуривает свои всегда прикрытые бровями глаза, в них трудно отличить то, что они показывают, от того, что они скрывают.

— Прежде чем ответить вам, я еще раз наведу вас на след одного сюрреалистического персонажа: генерала графа Игнатьева. Кавалергард при царе Александре III, произведенный в полковники Керенским, он сегодня — генерал Советской Армии. У него целая галерея картин. Поезжайте к нему.

Сидя перед массивным серебряным подносом, на котором ему приносят завтрак, генерал ударяет ладонями по подлокотникам кресла:

— Моя семья носит титул со времен Дмитрия Донского! Мой дед подписал именем Его Величества договор Сан-Стефано в 1878 году!

Я не запоминаю его генеалогию. Но две черты поражают меня. Его отец — видная фигура дворянства во времена Николая II, который организует его убийство, поскольку находит его излишне консервативным.

— Император призвал меня на следующий день после смерти моего отца (я знал, что именно он был вдохновителем убийства, хотя и обвинил в этом социалистов-революционеров): «Игнатьев, я знаю, что могу рассчитывать на вас!» Я ему ответил: «Государь, Игнатьевы всегда верно служили России».

Генерал комментирует: «Я не служил царям!» Он добавляет: «Никогда я не стану и коммунистом! Но я должен признать, что никогда русская империя не была столь великой, как с ними: от Эльбы до Тихого океана!»

Он написал это в своих мемуарах: «50 лет в строю». Цензура вырезала этот пассаж...

— Большевики,— продолжает он,— были признательны мне за то, что, будучи русским военным атташе в Париже (поглядите на стенке фотографии с автографами и посвящениями Жоффра и Фоша), я отказался дать Врангелю мою подпись на распоряжение фондами русского займа. Я дал ее только тогда, когда Эррио признал Советы и когда появились законные отношения. Когда я решил вернуться в Россию, они меня хорошо приняли. Я захотел посетить земли моих предков в Твери. В бывшем поместье моих предков расположился центр молодежи. Они продолжают сохранять породу племенных жеребцов, как во времена моего деда! В течение долгих лет он донимал царя просьбами провести поезда около наших владений, чтобы вывозить сельскохозяйственную продукцию. И вот сегодня поезда идут там. Советские поняли.

Я хочу сфотографировать генерала, этот подлинный исторический памятник.

Он просит принести свою парадную форму, на которой, к моему удивлению, среди других медалей висит крест Святого Георгия:

— Я единственный офицер Красной Армии, носящий по специальному разрешению военного министра царскую награду. Я получил ее после ранения под Мукденом, в 1905 году, в войне против Японии. Он добавляет:

— Впрочем, Сталин питает ко мне большое доверие...

— И как оно проявляется?

— Во время войны, например, когда было восстановлено ношение погон офицерами, все не очень-то знали подробности... Сталин сказал: «Спросите у Игнатьева».

Сталин назначил его инспектором Академии им. Фрунзе. Написав свои мемуары, он становится заместителем председателя Союза советских писателей.

Илья Эренбург лукаво спрашивает меня:

— Вы видели? Теперь вы сможете лучше понять, чему здесь служит национализм... Нужно также, чтобы вы отметили его положительную роль в литературе. Нет смысла копаться в прошлом, но русские классики — Пушкин, Гоголь, Тургенев и еще Толстой — имеют тиражи, которых они никогда не имели в прежней России.

— Позвольте, но в вашем списке отсутствует имя пророка...

— Какого пророка?

— Того, который открыл в человеке бездну, трансцендентность: Достоевский.

Мое замечание, видимо, раздражает его. Может быть, потому, что оно обязывало его поставить под вопрос официальную линию? Или потому, что человек такого масштаба, как Достоевский, не вмещается в поле его зрения?

Я затронул нечто слишком фундаментальное, чтобы заставлять его отвечать. И я не настаиваю. Мгновение он молчит, проводит ладонью по лбу, как бы отгоняя муху. Потом продолжает свой рассказ:

— А знаете ли вы, что у нас распространение иностранных классиков превышает тиражи в их собственных странах? — Он роется в своих папках:

— Байрон и Гете — пятьсот тысяч. Шекспир — полтора миллиона. Виктор Гюго — три миллиона.

Я охотно верю ему, поскольку сам видел, как под снегом ранним утром собиралась очередь, чтобы подписаться на новое издание полного собрания сочинений Виктора Гюго.

Зная очень критический настрой Эренбурга по отношению к режиму и в то же время трудность в установлении его истинного мнения, я устраиваю ему подлинное испытание, ставя ему самые болезненные вопросы: о репрессиях, процессах, чистках.

Он вступает в игру без колебаний и, видимо, бесстрастно:

— Насилие — это плохой критерий для того, чтобы судить революцию. Это формальный критерий. Вы размышляли над тем, что в вашей французской революции осуществлялся подлинный вандейский геноцид, на который хладнокровно взирали члены конвента? Началом расправы здесь, у нас, была попытка стереть с карты, если не уничтожить вообще крымских татар. Разве якобинский террор не срубил головы почти всем пионерам революции, как было и на московских процессах? Разве виноват в этом социализм, а не логика любых политических перемен? Я говорю перемены, а не революции, поскольку контрреволюции более жестоки, чем восстания, с которыми они сражаются. Великий террор срубил 1200 голов, реставрация репрессиями банды контрреволюционеров только в долине Роны обошлась в 30 тысяч жертв. Парижская коммуна казнила 70 заложников. Кровавая неделя версальских репрессий пожрала 70 тысяч коммунаров. Наконец — третья предосторожность — отдаленность во времени, которая позволяет видеть историческую перспективу и пропорции: как и в космической перспективе более близкое кажется более значительным по размерам. Например, после Нюрнберга об Освенциме говорили как о «самом крупном» геноциде в истории. Но каков бы ни был этот ужас, увы, был и более страшный: завоевание Америки привело к уничтожению 80 процентов коренного населения этого огромного континента, а торговля неграми (от 10 до 20 миллионов черных рабов, перевезенных в обе Америки при 10 убитых на одного пленника) принесла от 100 до 200 миллионов уничтоженных людей. Но весь мир устраивало предание забвению геноцидов прошлого.

Я пытаюсь переключить его с истории вообще на проблему политических репрессий:

— Осадное положение не все объясняет. Ликвидация почти всех соратников Ленина, обеспеченная тем, что любое политическое несогласие объявлялось предательством, заговором, руководимым из-за границы...

— Вы все смешиваете. Во-первых, человеку, хорошо знающему историю якобинцев, я не должен объяснять, как революция пожирает самое себя...

— Нет. Но речь не идет об исторических параллелях...

— Я повторю, что вы все смешиваете. Вы говорите: всякое политическое разногласие было приравнено к заговору и измене. Моя проблема не в том, чтобы знать, кто был прав — Зиновьев и Каменев, Бухарин и Рыков или Сталин. Между нами говоря, еще слишком рано судить об этом. Но что очевидно — и это другой вопрос — так это то, что обвинение их в сговоре с врагом, подкрепленное вырванными признаниями, и казни за заговор были позором...

— Почему же? Если уж вы так любите историю, то чистки членов конвента, которые все были обвинены как агенты Питта и Англии, не всегда были необоснованными, даже Дантон...

— В нашем конкретном случае есть доказательство, что никто из осужденных на московских процессах не был «гитлеровским агентом»: на процессе главных нацистских преступников в Нюрнберге не было ни малейшего намека на их сговор.

В первый раз он говорит с запальчивостью. Он делает паузу, долго смотрит на меня. И продолжает:

— Ладно, а капиталистическое окружение, как говорит большевистская пропаганда, это галлюцинация советских руководителей? Ваш Клемансо в 1918 году уже говорил: «Нужно их окружить экономической блокадой, проводить политику колючей проволоки», а Черчилль в своей речи в 1946 году, бросив выражение «железный занавес», разве забыл, что в 1919 году он же хотел установить против нас «санитарный кордон» и напасть на Москву? Все эти европейские политики хотели задушить нас голодом. И лишь некоторые деятели культуры спасли честь Европы: Анатоль Франс отдал свою Нобелевскую премию для «голодающих Поволжья». Но и это правда: был у нас психоз заговоров, особенно после убийства в декабре 1934 года партийного руководителя Ленинграда Сергея Кирова.

У меня есть собственный опыт знакомства с этой всеобщей подозрительностью.

Я был связан в Академии наук с одним из ее членов: Окуловым. Ежедневно работая вместе, мы сблизились и испытывали друг к другу чуть ли не братские чувства. И, однако, он ни разу не принял меня у себя дома.

За год моего пребывания в Москве, при всем том, что я был гарантированно «безопасным» (как член ЦК ФКП), я смог проникнуть только к трем домашним очагам: писателя Ильи Эренбурга, балерины Виолетты Бофт и генерала Игнатьева. И никто из них не был

* Может быть, имелся в виду Александр Невский? — **Прим. пер.**

членом партии. Больше того, в силу разных причин все трое, несмотря на их известность, находились в «маргинальной» зоне советского общества.

...В один из моих приездов в Москву меня разместили в поместье, где Сталин жил незадолго до смерти. Человек, которому было поручено мое устройство, позволил мне посетить дом.

Расположенный посреди леса, он напоминает крепость, камни которой выражают недоверчивость Сталина и его маниакальную боязнь заговора. Молодая женщина, которая сопровождала меня, была ассистентом кафедры новейшей истории университета. Она рассказала мне, что Сталин предавался здесь пьянству, что сюда ему привозили маленьких девочек...

— Дорогой товарищ. Слушая вас, я начинаю серьезно бояться реставрации сталинизма. Вы — историк, и вы хотели бы заставить меня думать, что все зло идет от личных пороков Сталина. Достаточно, следовательно, заменить плохого человека хорошим — и все пойдет прекрасно. Я удивляюсь тому, что вы не задаете себе вопрос: был Сталин причиной или следствием? Продуктом определенной структуры власти? Следовательно, нет ли в логике системы чего-то, что могло бы порождать такого рода политические отклонения от нормы?

Таковы позолоченные легенды, или сплетни.

А оркестровое сопровождение составляет мелодия, издаваемая прессой с обоих флангов.

Терзания сталиниста при «хрущевщине»

Что касается моих личных ошибок и ответственности за них, то я хочу остановиться на одной: содействии в качестве теоретика марксизма распространению догматической мысли Сталина. Это, по моему мнению, самая серьезная вина, поскольку догматизм неизбежно порождает инквизицию: если я обладаю абсолютной истиной — окончательной, законченной — то всякий, кто не разделяет ее, или больной, которого следует направить в психиатрическую больницу, или извращенец, заслуживающий тюрьму или виселицу. Таков удел любого служителя абсолюта на службе церкви, секты или партии. Требником догматизма, основополагающим учебником партийных школ в коммунистическом мире была работа Сталина «Исторический материализм и диалектический материализм».

Во время моего преподавания в партийных школах я приобрел опыт разгрома этой замкнутой системы, магической педагогической чистоты: три принципа материализма, четыре закона диалектики, пять этапов человеческой истории. Три, четыре, пять: марксистская философия в три урока. Нечто вроде «Латыни без рыданий» или «Греческого без слез» времен наших прежних зубрежек.

С течением времени мне представляется все более и более чудовищной это окаменение критической мысли Маркса.

Напротив, параллель с Декартом мне представляется менее хвалебной, чем она кажется: редуцирующая мысль Декарта, запирающая разум в механику, делает его предком и отцом наших технократов-позитивистов. Катехизис Сталина абсолютизирует законы диалектики, как Декарт — законы механики.

Я пришел к тому, что задал себе этот сакраментальный вопрос: «Кавалерийский капитан Рене Декарт и генералиссимус Сталин — не выражали ли они на двух разных этапах истории ту же военную логику господства над природой и людьми?»

Я был первым коммунистическим руководителем, который начал анализ философских заблуждений Сталина и политических преступлений, которые они могли породить.

— Бегите в Пушкинский музей: только что амнистирован Сезанн. На обратном пути зайдите ко мне.

Это было в 6 часов утра, телефонный звонок Ильи Эренбурга. Москва едва просыпается и, однако, когда я приезжаю к музею, у входа уже очередь. Постукивая подошвами, я вспоминаю время, когда в ленинградском музее в нарушение правил мне дали возможность посмотреть картины Пикассо, сосланные на чердак. В другой раз мне понадобилось обратиться к министру культуры г-же Фурцевой за ее личным вмешательством для того, чтобы хранительница зала современного искусства Третьяковской галереи сопроводила меня, впрочем, с весьма кислой миной, в запасники, чтобы я мог посмотреть грандиозную коллекцию Кандинского, Шагала, Малевича, Ларионова, Гончаровой. Я позволил себе заметить этой даме, что в Музее современного искусства в Париже мы бы сделали из всего этого одно из самых дорогих наших сокровищ. С уязвленным видом и самой большой в мире злобой она ответила мне:

— У нас не хватает места!

Вопрос выбора!

— Итак, вы идете с выставки порнографии? — говорит мне Эренбург без малейшей улыбки.— Я приготовил вам на десерт один шедевр.

Достав из картонной папки репродукцию, он объясняет мне ее происхождение: «Был организован художественный конкурс картин в честь Пушкина. Вот эта получила первую премию: «Сталин, читающий Пушкина».

Он отбрасывает папку и продолжает тихим голосом:

— Во Франции тоже было время, когда все наши великие художники были прокляты. Ваша буржуазия называла «реализмом» прославление ее порядков — единственную, по ее мнению, возможную реальность. Ей нужны были или точное отражение, или рабская идеализация. Мы находимся в том же положении с нашим новым конформизмом. Тот же реализм сегодня — «социалистический».

В то время, когда я еще был в Москве «персона грата», мне удалось опубликовать на русском языке с моим предисловием «Человеческий феномен» отца Тейяра де Шардена, став, таким образом, «родственником» первого иезуита, переведенного в СССР после революции.

Вспоминаю каждодневные баталии. Руководя переводом на французский Полного собрания сочинений Ленина, я бывал тогда в Москве дважды в год. И в каждый приезд инцидент: замечаю, например, что четыре письма Ленина отсутствуют: в них похвала Сталину.

— Дайте любые, какие хотите, примечания, объясняющие, почему это суждение о Сталине должно быть пересмотрено. Но не трогайте текста! — Я не сдаюсь и отказываюсь от сделок. И добиваюсь своего.

В другой раз, выходя за рамки моих прямых обязанностей, я протестую, когда в переиздании Полного собрания сочинений Маркса на русском языке отсутствуют «Рукописи 1844 года». В конечном счете я добиваюсь компромисса: перевод выходит, но приложением к собранию.

Один из лучших моих друзей в Советском Союзе, профессор Момджан из Академии наук, написал книгу в 390 страниц под заголовком: «Марксизм и ренегат Гароди». Момджан — автор отличной работы о философии Гельвеция. Он восхитительно знает французский. И к моему огромному удивлению, в своей обвинительной речи он ни разу не процитировал точно мои произведения. Один наш общий друг, болгарский академик, объяснил мне позже эту аномалию. Он был приглашен вечером к автору вместе с другим армянским философом. Последний упрекнул Момджана:

— Ты считаешь, что твоя книжка о Гароди серьезна? Твои цитаты...

Момджан прервал его:

— Значит, ты ничего не понял! Ведь ты такой же бедный армянин, как и я: что мы можем сделать, если в Москве выбрали философию Чингисхана...?

«ГОД ДВУХТЫСЯЧНЫЙ БЕЗ 10. КУДА МЫ ИДЕМ?»

МИР БОЛЕН: ВЗГЛЯД НА БОЛЕЗНИ МИРА

Мы переживаем исторические перемены. Конец «столетней войны» (вернее, семидесятидвухлетней), начавшейся русской революцией, когда Клемансо объявлял в 1918 году: «Нужно окружить большевиков экономической блокадой» и проводил «политику колючей проволоки», а Уинстон Черчилль в 1919-м: «Нужно установить санитарный кордон и напасть на Москву».

Между двумя войнами, с 1933 по 1944 год, обеспечивал эту «охрану границ» от большевизма Гитлер. Он тоже попытался напасть на Москву, в чем ему помогали западные державы. После его поражения обеспечивал смену часовых Уинстон Черчилль, бросив в своей речи в Фултоне в 1946 году выражение «железный занавес» — первый удар холодной войны, призванной сохранить раскол мира. Каждая половина расчлененной Германии была передовым бастионом одного из двух блоков. Атлантический пакт и Варшавский пакт являются военным выражением мира, расколотого надвое. Равновесие сил превратилось в «равновесие страха», основанного на ядерном варианте безумия: гарантированное взаимное уничтожение (ГВУ).

Каждый из обоих лагерей претендует на то, что он защищает рай против ада: доктрина Трумэна отбрасывает коммунизм; доктрина Брежнева оправдывает интервенцию против соседей. «Классовая борьба в мировом масштабе», — говорит один. И в Берлине воздвигается стена. Уничтожить «империю зла», говорит Рейган. И война распространяется к звездам.

Но, может быть, эта война века закончилась 9 ноября 1989 года.

Выстрел орудий крейсера «Аврора» в 1917 году или взятие Бастилии в 1789 году были только символами начала революции; разрушение «берлинской стены» — также лишь символ, но означающий, может быть, конец манихейства, борьбы добра против зла, переход от разбитого мира к единому.

Что входит в изменения на Востоке?

Исторически социализм родился в XIX веке из того, что в любом обществе, где феодальные иерархии крови заменяются иерархией денег, а рыночная экономика становится единственным регулятором человеческих отношений, быстро вырастают джунгли, где самые сильные пожирают самых слабых.

Из этого рождается другой экономический и социальный регулятор: план, предназначение которого, по Марксу, «дать каждому все экономические, политические и культурные средства для полного развития всех возможностей человека, которые в нем заложены; чтобы каждый ребенок, который носит в себе гений Моцарта, смог стать Моцартом». Таково было определение социализма по его целям. Социализация средств производства была при этом лишь средством. Но в такой стране, как Россия 1917 года, экономически очень далекой от передовых капиталистических стран, таких, как Англия, проблема установления социализма переплелась с требованиями развития.

Новый режим в Советском Союзе очень скоро извратил экономическую теорию Маркса, и это извращение ввергло экономику в хаос, а свободу превратило в застенок.

Горбачев решил разбить это ярмо и, представляя социализм через его цели (см. его книгу «Перестройка»), коренным образом изменить средства. Речь идет не о латании или простом изменении структур, как это может быть подсказано смыслом слова *«перестройка»*. Я скорее перевел бы *«перестройку»* как *«возрождение»*: все общество переосмысливается, начиная с его принципов.

Перемены в экономике

В новом экономическом контексте в странах, которые, преодолевая прежние извращения, не хотят, однако, вернуться к капитализму, то есть к экономике, идеал которой в том, чтобы рынок был главным регулятором социальных отношений, предприятие может в то же время стать школой и для иностранного предпринимателя, и для страны, принявшей его. Новый опыт соединения духа предприимчивости, возбуждаемого рынком, и общинного духа, порождаемого планом, для которого прибыль не является единственным критерием и в котором забота о рентабельности подчинена гуманным целям, является учебой для всех.

После кризиса 1929 года и провала дикого либерализма капиталистический мир осознал необходимость подхватить у советского опыта идею плана, чтобы сделать его средством своего собственного выживания. Начиная с Кейнса, государство старается ввести в капиталистическую экономику другой регулятор помимо до тех пор единственного — рынка.

Напротив, сегодня для борьбы с бюрократической гипертрофией централизованного планирования, которая парализует экономику, Горбачев ищет точку равновесия между планированием и рынком. В этой исторической перспективе разрушение стены является символом и сигналом новых отношений между двумя мирами. На нынешней ступени развития техники, создающей взаимозависимость и единство судеб для всего мира, уже не то время, когда каждый радовался поражению другого и надеялся извлечь из него выгоду для себя. Каждая из двух «крайних систем» — дикий рынок и бюрократическое планирование — поражается кризисами другой и нуждается в том, чтобы исправлять свои беды, используя опыт чужого кризиса.

Уже в 1956 году Реймон Арон в своих «18 уроках об индустриальном обществе» предсказал возможности конвергенции экономик рынка и плана.

Это предсказание приобретает огромную актуальность в момент, когда как с экономической, так и с военной точек зрения проблемой является уже не «гарантированное взаимное уничтожение» (ГВУ). Это безумие во всех областях принадлежит прошлому.

Жизнь предприятия в органической связи с его окружающей средой касается не только его отношений с рынком и клиентурой, но также (и даже главным образом) отношений с самими работниками. Социальное не может быть оторвано от экономического.

Воля к переменам в жизни предполагает тройное изменение: экономики, политики, культуры.

Перевод Г. Рыжикова

ДЕКРЕТ, созданный свободной ассоциацией анархистов г. Саратова в согласии с постановлениями Кронштадтского Совета РКСД[1] в отмену частного владения женщинами

Мотивировка. Социальное неравенство и законные браки, имевшие для буржуазии место до настоящего времени, служат орудием для буржуазии, благодаря которому все лучшие экземпляры прекрасного пола находились в собственности буржуазии, чем нарушалось правильное продолжение человеческого рода. Таковы веские аргументы, побудившие вышеозначенную организацию издать настоящий декрет.

§ 1

С 1-го мая 1918 г. отменяется частное владение женщинами, достигшими возраста от 17 до 32 лет.

Примечание: возраст женщины определяется по метрическим выписям, паспортам, по наружному виду и свидетельскими показаниями.

§ 2

Все женщины, согласно этому декрету, изымаются от частного владения и объявляются достоянием (собственностью) народа.

§ 3

Действия этого декрета не распространяются на женщин, имеющих более 5-ти человек детей.

§ 4

За бывшими мужьями и владельцами сохраняется право внеочередного пользования своей женой.

Примечание: в случае противодействия бывшего мужа он лишается права на пользование женщиной.

§ 5

Распределение заведомо отчужденными женщинами по постановлению вышеозначенной организации переходит к Саратовскому клубу анархистов в течение 3 дней со дня опубликования настоящего декрета. Все женщины, передаваемые сим в пользование народа, обязаны явиться по означенному адресу и дать требуемые от них сведения.

§ 6

Впредь до образования квартирных комитетов для контроля по проведению в жизнь настоящего декрета таковой возлагается на самих граждан.

Примечание: каждый гражданин, заметивший женщину, не подчиняющуюся настоящему постановлению, обязан сообщить об этом клубу анархистов, назвать имя, отчество и фамилию, а также адрес саботажницы.

§ 7

Все мужчины имеют права не чаще трех раз в неделю, в течение трех часов пользоваться одной женщиной, при соблюдении следующих условий, указанных ниже.

§ 8

Каждый мужчина, желающий пользоваться экземпляром народного достояния, должен представить свидетельство от фабрично-заводского комитета, профессионального союза или Совета Р. Кр. и С. Д. о принадлежности к трудовой семье.

§ 9

Каждый трудовой член обязан от своего заработка отчислять 9% в фонд «Народного поколения».

Примечание: отчисление это производится фабрично-заводскими комитетами Народной власти, которые все отчисления обязаны при именных списках сдавать в Гос. банк, Казначейство и т. п. учреждения для записи в фонд «Народного поколения».

§ 10

Не принадлежащие к трудовой семье граждане мужчины, чтобы иметь право пользования наравне с пролетариатом народным достоянием, обязаны ежемесячно вносить 100 руб. в фонд «Народного поколения».

§ 11

Местное отделение гос. Банка, а также сберегательные кассы обязаны открыть прием взносов в фонд «Народного поколения».

§ 12

Все женщины, настоящим декретом объявленные народным достоянием, получают из фонда «Народного поколения» воспомоществование в размере 232 (двухсот тридцати двух рублей) в месяц.

§ 13

Все забеременевшие женщины освобождаются от своих прямых обязанностей перед родами на четыре месяца; после родов — на один месяц.

§ 14

Рожденные младенцы, имеющие 1 месяц от рождения, отправляются в приют «Народные ясли», где они воспитываются и получают образование до 17 лет за счет «Народного поколения».

§ 15

Все граждане, мужчины и женщины, обязаны следить за своим здоровьем и еженедельно сдавать на исследование как мочу, так и кровь.

Примечание: последние принимаются ежедневно в лабораторию «Народного поколения».

§ 16

Виновные в распространении венерических болезней будут привлекаться к строжайшей ответственности и наказанию.

§ 17

Женщины, потерявшие здоровье, могут ходатайствовать перед «Народным поколением» о выдаче им пособия и пенсии.

§ 18

Выработка временных технических мероприятий и платками и проведение в жизнь декрета до организации совета «Народного поколения» возлагается на клуб анархистов.

§ 19

Все отклоняющиеся от проведения в жизнь настоящего декрета объявляются саботажниками — врагами народного достояния и контранархистами и предаются строжайшей ответственности.

С подлинным верно:

Секретарь Саратовского клуба анархистов
(подпись)
1918 года, февраля 28 дня,
гор. Саратов.
Клуб анархистов

[1] Совет РКСД — Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В Кронштадте был Совет рабочих и солдатских депутатов.

В начале марта 1918 года в Саратове толпа женщин разгромила клуб анархистов. Вскоре после этого «группой бандитов» (по выражению местной прессы) был убит владелец чайной Михаил Уваров. Связь между этими фактами стала ясна 15 марта, когда «Известия Саратовского Совета» опубликовали маленькую заметку, где говорилось, что Уваров убит не бандитами, а анархистами в знак «мести и справедливого протеста за разгром анархистского клуба и за издание пасквильного и порнографического «Декрета о социализации женщин» от имени анархистов».

Появились многочисленные варианты «Декрета». В городе Хвалынске был составлен проект документа, предусматривавший обязательную регистрацию всех женщин от 18 до 50 лет в Бюро «свободной любви». Автор проекта «товарищ Федорова» предлагала распространить социализацию и на мужчин, предоставив женщинам право выбирать себе в сожители не чаще одного раза в месяц любого мужчину в возрасте 19—50 лет, не считаясь с его желанием и протестами жены.

Страсти, связанные с появлением «Декрета об отмене частного владения женщинами», давно утихли. Сейчас он представляет собой всего-навсего исторический курьез.

Публикация и послесловие
АЛЕКСЕЯ ВЕЛИДОВА

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

КАТАРАЧ, ПОЮЩЕЕ СЕЛО

Старообрядческому селу Беляковский Катарач более 300 лет. Богатые земли, общинный уклад, крепкие хозяйства, талантливость жителей... Катарач оказался центром своеобразной культуры, которая отразилась в жизни окрестных сел и деревень Онтрак, Смолино, Ятрарка, Иутла. Особенно славится Катарач сильными голосами и неповторимой манерой пения. Исстари здесь пел хор с богатейшим репертуаром; 128 песен записал в 40-е годы известный фольклорист Лев Львович Христиансен, основатель Уральского народного хора; здесь он нашел и ведущих певцов.

ВИСОКОС

Некогда богатое, шумное, гордое село насчитывает сегодня триста душ. Вот на этой равнине шумела еще в начале века священная березовая роща, где водили хороводы и играли игры. Руководитель местного хора Евгений Федорович Калуцкий задумал возродить рощу, а еще посадить деревья вдоль новоявленной дороги, что прошла до соседнего села его же стараниями. Уже и саженцы обещали, и деньги в районе выхлопотал. Чтобы вновь зазвенела роща голосами, зацвела сарафанами, платками песельниц. Слава Богу: они не перевелись на селе. Анна Нестеровна Котлова и Домна Наумовна Погадаева дружат всю жизнь. И всю жизнь поют.

— Наш Катарач шибко богатой был. И все пели. Все песельники были. Мы с подружкой Домной ходим вдоль по улице и поем, а все смотрят. Я шибко большеротая была. Шибко хлестко пела. У нас все громкоголосые. А я до того тонко пела, аж страшно.

Особое, «тонкое», пение очень высоким голосом называется в Катараче високос. Редкий этот по силе и выразительности голос чрезвычайно ценится. Он производит действительно магическое воздействие на слушателей и на самого поющего.

— Не было таких деревень, чтобы сходился с нашими певцами голос-то. Каков город, таков и норов. Средний Катарач рядом, а спеться не можем. Вот только еще в Иутле разве сходно пели, только они больше растягали.

Обладатель високоса «выводит» всю песню: он «зачинает», а певцы идут вослед («ползут за нами»,— говорят о тех, кто пока еще не умеет петь). Анна Нестеровна «тянула» «Поле», «Мальчишку», Домна — «Снеги»... Все песни были «разделёны».

В центре хора стоит ядро: если одна из ведущих певиц устала и не может взять верхи, «она здохнёт, а те выводят». Хор — это взаимопомощь, это лад.

Выразительная формула катарацкого хора — поем ладно, но не сходимся. Это значит: поют, слушая друг друга, но при этом каждый ведет свой голос, соревнуясь и красуясь, дополняя соседей и оттеняясь ими. Здесь все вместе и одновременно сам по себе. И каждый — личность! В этом завораживающая сила катарацкого пения.

Они и в хоре стоят наотличку, с гордыми, неприступными лицами.

— Посмотрите на них, каждая егарма! (от слова «яга»),— с восхищением говорит Калуцкий. Музыкант, певец, фольклорист, он готовит музыковедческий труд по високосному пению, сохранившемуся в нетленности с древнейших времен, идущему от древнерусских распевов. Сумрачный, суровый колорит, особая манера «качания», «толкания» звука, когда мелодия, как по лесенкам, спускается, раскачиваясь на гласных: «а-а-а», «о-о-о». Певица из ядра Ксения Петровна Погадаева сказала мне так: «У нас песни тяжелые и костюмы тяжелые».

В ядро хора входят, кроме наших собеседниц, брат и сестра Андрей Галактионович и Овфимья Галактионовна Рябковы, ее муж Леонтий Климентьевич, а также мать и сын Варвара Ивановна и Афанасий Маркович Белоусовы и жена Афанасия Таисия Ивановна, Ульяна Зенофеевна Котлова.

Вот собрались на репетицию в «фольклорную избу», с великими трудами и муками «выбитую» руководителем для занятий. Кто-то ссорится; шум, нескладуха. Будни. Но встали «копытом» (полукругом), Андрей Галактионович начал високосом, все подхватили — и вмиг нестройное собрание преобразилось в единое, устремленное к невидимой цели тело. Всё в мощном порыве тянется ввысь. Високос! И ты вовлечен в этот вихрь звуков, который уносит далеко-далеко, может быть, в глубь истории, в глубь собственной души, будит давно позабытое, что и не выразить словами...

Страсть к пению, владевшая русским крестьянином, происходит не только из музыкальности его, но из потребности коллективного переживания. Это от древнего обряда, тут истоки общинности, соборности мирочувствования русского крестьянина.

Пели на Руси и в будни, и в праздники. Деревенский житель слушал колыбельные над зыбкой, с пением косил, прял, ткал, с пением женился, с пением-причитанием сходил в родную землю. Однако пение не стало делом житейским, будничным. Вот как Анна Нестеровна описывает свои чувства перед выступлением хора:

— Я шибко переживательна. Чтоб ладом-то это выступить, вытянуть. Я вся трясуся: а то голосто обсекётся вдруг. Как-то индо кровь носом кинулась. Толстóй-то голос чё, отдохнуть можно где, а тонкёй выводит... Шибко тонко пела, а теперь отпела уж.

— Почему же?

— Семой десяток уж пойдет дак. Кабы не носился человек, ак дивья бы!

ВДОЛЬ ПО УЛИЦЕ

Деревенская улица — продолжение дома и место повседневного общения, своеобразная «сцена», где на виду у всего «общества» разворачивается жизнь и фольклорное действо. Впрочем, это одно и то же: общинная жизнь крестьянина выражалась в традиционных фольклорных формах, была нравственно ими определена и художественно оформлена.

Улица являлась своего рода весенне-летним клубом. Парни, наряженные в лучшие костюмы, собирались, например, на одном конце деревни, девушки — на другом; с песнями, с гармониками и балалайками сходились и вместе шли в березовую рощу, там хороводили, плясали, играли в горелки.

Особенной торжественностью и весельем отличались праздничные гулянья. Престольный праздник в Катараче был — трех святителей (30 января по старому стилю) — «трисвяты». Он был съезжим: съезжались на него из соседних сел и деревень.

— Праздник съезжий трисвяты, округом деревни катались на лошадях. У всех лошади выездные были. На кошеве ковер, сама обита ковром и обрешечена. А на Петров день бегали в Онтрак: в кошелек завяжешь наряд свой и айда в Онтрак. А кто на конях ехал. На Ильин день общий праздник был. На гулянье съезжались накануне, даже еще в канун кануна, так и говорили: кануннки приехали. Привозили гостинцы: рыбу суху на батогах, изюм, ирюп, преники.

Канунами в Западной Сибири, как и в других областях России, звали совместную трапезу накануне праздника, пир «общества» вскладчину. Мои собеседницы знают о том уже больше понаслышке: были еще слишком малы и помнят только общую приподнятую, радостную атмосферу праздника и кули с соблазнительными сладостями. Ребята порой не могли удержаться, черпали изюм и ирюп горстями — и никто не гнал и не одергивал детей.

— Праздник все соблюдали. Ране здорово поддерживались. Снопы горели, кто Ильин день не почитал. Один в Ильин день работал, а у него снопы махом сгорели, нашел как от вихорь. А в колхозе-то уж в праздник и метали, и всё, и ничё не горело.

По праздникам варили домашнее пиво, но пили не много. Главное веселье было — песни: «Шли от пенья пьяней, чем от пива».

Надевали красочные одежды. Женщины до полу сарафаны, запоны (фартуки), расшитые гладью, великолепные цветастые шали. На ногах — высокие ботинки из тонкой кожи со шнуровкою. Мужики в бархатных штанах, рубахах с плиссировкой на груди, какие не встречаются больше нигде на Урале и в Западной Сибири; поверх рубахи — домотканые многоцветные пояса с кистями. На ногах лаковые сапоги. Ходили вдоль по улице с гармошкой и пели.

В долгие зимние вечера женщины пели на супрядках. А уж вечерки — о них вспоминают все до единого пожилые жители Катарача с любовью и сожалением. Зимою проходили вечерки в избе, летом гуляли перед домом то одного, то другого жителя, часто до рассвета, пока не померкнут звезды. Уральский перепляс, кадриль, краковяк, игры, шутки, бывальщинки...

А сколько звучало балалаек! Балалайка жила почти в каждом доме, не зря припевок про нее сложено множество, и одна другой краше.

Балалайка, балалайка,
Балалайка синяя.
Бросай гармонь, пойдем домой —
Тоска невыносимая...

У катарачан чуткое восприятие цвета. При мне женщины с жаром обсуждали новотканые половики. И в какие же тонкости оттенков и орнамента они входили! Чтобы получить нужный тон, пробуется, смешивается множество красителей. Любимые цвета катарачан: киноварь, зелень и фай (серо-серебристый) — «три земли».

Восприятие мира идет через цвет. Недаром Евгений Федорович разложил звуковую гармонию для детской группы хора на три цвета: красный — доминанта, желтый — субдоминанта, белый — нейтральный.

Эскизы костюмов для хора разработали свердловские художники на основе народных, местных (раскрывались сундуки, брались образцы). А расшивала те наряды — ворота у рубах мужиков, запоны у баб — Таисия Ивановна Белоусова, золотые руки. Сколько певцов, сколько характеров — столько и костюмов. Ни один не повторяет другой. Глядя на них, мысленно переносишься в прошлый век богатой уральской деревни...

Расписная утварь. Кошевы или ходки (санки на одного-двух человек, а кошевы — сани побольше). Ходки плетены из прутьев, покрыты черной краской, меж прутьями — яркие домотканые ковры. Резные и расписные наличники окон, резные ворота... Цветные домотканые половики, шерстяные и портяные. Ремесло это в Катараче старинное. А еще здесь «рыжили шубы», катали пимы, выделывали кожи у богатого кожевенника Савина Романовича. О богатом хозяине до сих пор рассказывают бывальщинки, присказки, живут поговорки: «Как у Савина Романовича», «Нарядный, как Савин Романович».

— Весело жили. Добро пели. Теперь жизнь переменилась, и воздух переменился.

— Кумына (коммуна) все забрала, все пропили...

— Указ вышел: по улице не ходить, на гармошке не играть. И почё это? Ну, чем гармонь мешат? Ноне что-есь никто не гукнет...

УПРУГИЙ ХАРАКТЕР

Что ж, люди привыкли к неправедным указам. Иные ретивые уполномоченные и поныне берут штрафы за песню... Народ мучили, притесняли, но не убили. Все вынесли — и войны, и раскулачивание, и коллективизацию, и «застой»... Живы! Живет и по сей день в Катараче понятие — упругий характер. И вы встречаетесь с этим характером на каждом шагу, хотите того или нет.

Одно из самых употребительных местных слов — хлесткий, хлестко — с широким значением: сильный, быстрый, большой, громкий. «Хлестко ты управилась», «хлестко поет».

И народ в Катараче хлесткий. Однако народная этика диктует во взаимоотношениях свои неписаные законы, преступить которые зазорно. Соперницу, например, девушка в Катараче назовет грубияночкой. Живой, вечно длящийся, язвительный цикл частушек «про грубияночку» один из самых популярных. О «грубияночке» поют на всех вечорках: «Так-то ведь не станешь ругаться, а в частушке сердце и выскажешь...»

Отношение к человеку не принято высказывать впрямую. Взаимоотношения выявляются через фольклорную традицию, в художественных формах. Любимого назовут ягодиночка, болечка: «Я любила тебя, болечкя, жаляла, дорогой...»

О любви сложено много песен, припевок.

Кабы были в сердце дверцы,
Доглядел бы, че там есь.
От проклятыя любови
Завязалася болесь...

Вот ведь и тут язвят — характерец! Поперёшный. И все-то у них наоборот. Одна из песельниц, показывая на рослых парней, своих внуков, бросает: «Сломки-то вон сколь малы!» (Сломки — это подростки.) В магазине одна из пожилых женщин (слово «старушки» никак не вяжется тут — очень уж бойки, энергичны) на мой вопрос отвечает: «Я в хор просилася, да Евгении Федорович не пускат». Значит, читай наоборот: он звал, а она не пошла: «Мужик ругат — куда ты пойдешь, старая!»

...20 лет назад влюбился Евгений Калуцкий в високос, в обычаи, красочный быт и характер катарачан. И, искушенный горожанин, поселился здесь с женой и сыном, а дочка родилась уже в Катараче. Жена Нина Степановна стала первой помощницей в работе, сын Виталик и дочка Анечка поют в хоре, играют на музыкальных инструментах.

— Да, такой прыжок можно было совершить только в юности. И вот уже двадцать лет длится моя молодость. Я понял, что прикоснулся к бездонной идее...

Главная идея Калуцкого — восстановление фольклорных отношений в деревне. Возрождение самой почвы фольклора, ибо без питающих каждодневно источников фольклор иссякнет или в лучшем случае превратится в концертные, эстрадные номера. А для того чтобы восстановить фольклорные отношения, надо вернуть землю крестьянам, восстановить быт (с учетом удобств, разумеется), нравы, образ жизни и образ мысли русского крестьянина. Потому и вникает во все руководитель хора.

Вот, скажем, шоссе, которое хотели было пустить по главной улице. Оно нарушило бы жизнь села: тяжеловозы, груженные техникой, пыль выше крыш, бензинный смрад... — какой уж тут фольклор! Мы говорили о совершенно особой роли улицы в жизни, быте, обычаях, в фольклоре деревни. А сколько у нас по Руси чадящих, гремящих дорог рассекло самое сердце деревень, сгубив их под корень... Комиссию за комиссией вызывал Калуцкий и добился своего: большак прошел по-за селом.

Понятно, не всем такой неудобный человек понравится, да и характер у него трудный, нестандартный. И вот несколько лет назад райотдел культуры уволил Калуцкого и его жену. За прогулы. Расчет был простой: не выдержат, уедут из села. Но Калуцкие не уехали. Два года работали без зарплаты, насиделись в голоде и в холоде.

Да, характер у Евгения Федоровича тоже оказался упругий.

Да он ведь и сам из кержаков, корни его в другом уральском старообрядческом селе: Таватуй.

К слову сказать, село Катарач — из зоны поселка Бутка́, где родился Борис Николаевич Ельцин. Здесь всюду много Ельциных: «Ох и вредные все!» И в круглых, скуластых лицах с небольшими светлыми глазами и широкими переносицами, но особенно в характерах — задиристых, неуступчивых и вместе вспыльчивых и импульсивных — узнается тот известный ныне всей стране да и всему миру ельцинский характер...

«ОБРОНИЛА ТРОИ ЗОЛОТЫ КЛЮЧИ...»

Ты шкатулка, шкатулка моя,
Шкатуло́чка новоточеная,
Шкатуло́чка позолоченая,
Я давно в тебя не хаживала,
Светно платьще не сматривала...
Обронила трои золоты ключи,
Да обронила трои золоты ключи.
Кто бы эти ключики нашел,
За того бы я взаму́ж пошла,
Да я б заму́ж пошла не спятилась,
Соловать дружка не спряталась.

Это «Шкатулка», старинная песня, исполняемая в Катараче. А не потеряли ли мы ключи от шкатулки, завещанной прадедами? Не позабыли ли обычаи и самую речь народную — бесценное богатство наше, воздух, без которого задыхается и гибнет народ?

Как говорят в деревнях! Речь гибкая, живая, выразительная, слово емко и точно (хлестко!). Гениальная звукопись. Вот хоть в этой строке: «Обронила трои золоты ключи». Вслушайтесь: ро-ро — ло-лю... и-ы-и... Или в песне «Перванец»: «Девка сад садила́, сердце на́дсадила!»

А народная этимология? Если слово непонятно — его переиначат. Слово «гармонь» — от латинского «гармония». Но латыни в деревне не знают, говорят старики «грамонь, грамошка» — от слов «гром», «греметь»: «Я грамонщика любила, приглашала ночевать...»

Слушать деревенскую речь — великое наслаждение. И наука. Классики наши брали и ритмику, и звукопись, и фразеологизмы из народной речи, переосмысливая их и развивая. И когда я слышу в Катараче двустишие: «У заветного столба да чету счастья никогда», вспоминаю начало гениальной «Поэмы конца» Марины Цветаевой:

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на означенном месте,
Как судьба.

Так вот откуда этот сквозной цветаевский образ столба («Пригвождена к позорному столбу славянской совести старинной»). Столб — это из фольклора, из эпоса, из былины, из сказки. Народное слово — это слово-символ, слово-приговор...

Слово. Цвет. Гармония. Три кита, на которых стоит народное искусство. И покуда стоит оно, жива русская земля. □

ВЛАДИМИР ЛИНДЕНБЕРГ (ЧЕЛИЩЕВ)

ТРИ ДОМА

(Отрывки из книги)

Сегодня мы хотим познакомить вас с новым именем — Владимир Александрович Челищев.

Потеряв отца и мать, сам чудом спасшийся от расстрела, русский дворянин Владимир Челищев покинул родину как Вольдемар Эрнст Линденберг с отчимом, крупным немецким промышленником. Окончил немецкую школу, служил в немецкой армии, в 1920 году поступил на медицинский факультет Боннского университета.

Начал писать стихи с 1913 года. Уже в первые годы эмиграции он работает как художник. Создает стенные ковры с библейскими сюжетами, рисует, пользуясь различными техниками графики и живописи. К творческой деятельности Владимир Линденберг (Челищев) возвращается через тридцать лет, в конце войны, после освобождения из немецкого концентрационного лагеря, где он находился с 1937 по 1941 год из-за своего явно антинационал-социалистического мировоззрения.

Владимир Линденберг (Челищев) — автор 32 книг, изданных полумиллионным тиражом. Став немецкоязычным писателем, он объединил в своем творчестве две культуры — русскую и немецкую. В Германии как писатель и художник он хорошо известен. Теперь с его творчеством познакомится и русский читатель.

Несколько слов о родословной Владимира Александровича. Он потомок старого дворянского рода, родоначальником которого был Карл, сын Вильгельма Люнебургского, попавшего в 1237 году в Новгород. После крещения Вильгельм стал Леонтием, а его сын Карл — Андреем по прозвищу «Челыщ(е)». Внук Андрея Леонтьевича, Андрей Федорович, был крестником Великого князя Ивана Калиты, женился на его внучке Марии Константиновне (Углицкой) и тем самым связал род Челищевых с родом Рюриковичей. Его сын — воевода Михаил Андреевич по прозвищу Бренко, павший в битве на Куликовом поле 3 сентября 1380 года, стал одним из наиболее известных в роду Челищевых. Как гласит легенда, он облек себя в наряд своего друга Дмитрия Донского, так что вражеские татарские силы бросились прежде всего на него. Ликуя по поводу его гибели, они были разбиты настоящим Великим князем Дмитрием Донским. Таким образом, Михаил Андреевич Челищев-Бренко, пожертвовав своей жизнью, решающим образом повлиял на исход сражения.

Прабабушкой Владимира Александровича была дочь Алексея Хомякова. Крестной теткой — сестра Императрицы, Великая княгиня Елизавета Федоровна. Владимир вырос в «Белом доме», особняке, приобретенном его отчимом Линденбергом в поселке Гиреево под Москвой. Это один из трех домов, о которых говорится в книге. Старое владение Челищевых было в Красном Селе вблизи Козельска. При последнем посещении этого имения в 1917 году Владимир Александрович стал свидетелем полного его разрушения и гибели деда во время пожара.

Глубокая религиозность, привязанность к русской истории, исходящая из родового дворянского сознания, моральная готовность к смирению отличают творчество Владимира Линденберга (Челищева). «Жить с радостью» — назвал он одну из своих книг. Жить с радостью — это то, чему писатель, художник, врач хочет научить ближних, это то, чего он достиг сам. Читая его первую книгу, «Три дома», написанную в 1920 году под живым впечатлением революционных событий, мы становимся свидетелями тех мук, из которых родилось такое восприятие жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На пороге девятнадцатилетия — в чужой стране, среди чужих людей я... Мы — русские — всюду чужды, кроме нашей родины — нашей «Белой Индии».

Мы тут люди — не другой народности, а другого мира!

Вся наша былая жизнь, в которой было столько боли, столько скорби, безысходной тоски, вдруг тут, на чужбине, превращается в яркую сказку...

В тяжелые минуты тоски беру перо в руки и возобновляю некоторые картинки моего яркого и иногда горького юношества.

Без всякой цели, без всякой тайны.

Пишу, так как снова и снова переживаю куски русской жизни.

И, несмотря на всю боль, на голод и брутальность последних лет в Москве, все мои мысли, все мои стремления, вся моя тоска обращены только в одну точку...

И эта точка — некогда златоголовая, простодушная, а теперь серая, но все же сердцу милая — матушка-Москва!

И хочу я крикнуть — всем моим звучным голосом, — перекричать все взрывы и грохоты, плачи и ропоты: «Но и такой — моя Россия — тебя прекрасней в мире нет!»

БЕЛЫЙ ДОМ

(1912—1917)

Мы с мамой не всегда были номадами и когда-то владели — вместо несуществующей синей комнаты — домом в 12 реальных роскошных комнат...

Но все, что мы перенесли сюда с родины, была необыкновенная усиженная легкость — багаж нетяжелый.

И целый огромный мир надежд и иллюзий...

В Гирееве, где стоял наш прекрасный белокаменный дом, окруженный сказочным дубовым парком, мы прожили одиннадцать лет, которые были иногда глубоко несчастны и иногда счастливы...

Иногда... вечером... одинокий — в темноте начинаю рыться в сокровищнице души моей — и среди разного хлама случайно нахожу снежную жемчужину или взрываю старую, давно зажившую рану, и вместе с блестящею каплею крови заискрится слеза в углу глаз... и больно... и радостно...

ПОГРОМ

(1915)

Утром двадцать восьмого мая пятнадцатого года. В семь часов, когда все еще спали, вдруг телефонный звонок разрывает тишину — все в ужасе просыпаются. У телефона Груша, нянина сестра... Впопыхах говорит: «Ради Бога, спасайтесь, здесь погром немецкий, все конторы, фабрики, квартиры — все ломят, убивают, спасайтесь ради Бога, они и к вам придут».

У нас переполох... Звонит дядя Ваня... «Детки, забирайте Ваши вещи, идите ко мне, я Вас защищу».

Приходит Надя с новостями — «Владыгинские и речтовские уже наступают, уже дачу Тиц начали громить...»

Няня впопыхах собирает наше белье в огромные узлы и бросает их за забор к соседям...

Бабушка мечется как полоумная по всем комнатам, ищет, спасти бы самое драгоценное, в суматохе хватает три бильярдных шара, срывает маленькую картинку со стены, ландшафт с коровами, и исчезает.

Появляются какие-то полузнакомые лица, начинают «спасать» всякие безделушки с полок, вазы, пепельницы... собирают все в огромные корзины и исчезают, и мы не знаем — куда это они, что им нужно тут?

Приходит злой, жадный Никифор с водокачки и злорадно говорит: «Теперь крышка Вам. Весь дом Ваш зальем бензином и взорвем, а я пока граммофончик снесу...» Призывает другого мужика, берут на плечи граммофон и уходят, а мы стоим тут же, бессильные, и удивляемся: «Как это, так просто пришел, взял да ушел?»

Надя стоит у ворот, грызет подсолнушки и ждет — вот придут — и на мою долю авось перепадет что-либо...

А мы с мамой пакуем наших милых Иогов — наши любимые книги, берем старого, тысячелетнего Будду и уходим.

Впопыхах приезжает дядя Саша из братства. Накалывает освященную пентаграмму на дверь и говорит: «Всякий, кто до чего-нибудь тут дотронется,— иссохнет!»

Мы все уходим. Мама с няней, Верой и Павлом к дяде Ване, я с бабушкой еду в Москву... Проходим мимо погромщиков, громящих дачу соседей, вытаскивают мебель, белье, чего не могут взять, тут же ломают, окна выбиты... А мы думаем: «Вот скоро и наш дом превратится в развалину...»

Подъезжаем к Москве... Картина ужасная. Ночь. Небо красное, яркое... Со всех сторон, кругом пламена, горят фабрики и дома... Картина жутко прекрасная...

Вокзальная площадь полна народом... Берем извозчика... Трамваи все сбились с номеров — снуют взад и вперед, с иных висят куски шелковых материй, на других стопы бумаг... Огромными шайками толпы народа — впереди несут портрет царя, поют: «Боже, царя храни!» Сердце мое наполняется злобой, черной злобой... Там друзья, родные, молодые, смелые гибнут на каторге, в Петропавловской крепости за свободу тех, которые в этот момент грабят — во имя царя...

В другом месте хоругвями разбивают окна, поют: «Боже, царя храни...»

Проезжаем мимо Кузнецкого моста... Улица переполнена, едва проехать можно... Кричат: «Сторонись!»

Со второго этажа, у Юлия Циммермана, валятся огромные черные рояли — падают с душераздирающим стоном, а там рабочие с топорами раскалывают их на куски...

Там баба тащит целую корзину скороходовской обуви, там мальчишка с пальмой... На углу девочка продает брильянтовое кольцо за «красненькую»... Настоящий хаос...

Дом наш так-таки не разгромили. Пентаграмма спасла. Как раз на углу отряд казаков плетьми разогнал погромщиков...

Но все, что мы спасали, мы таки больше уже не увидали — соседи и помощники все сами своровали...

(1915—1918)

Зимой газеты разносят вести о таинственном исчезновении Гришки Распутина. На следующий день — о его убийстве... Я счастлив, наконец свободно вздыхаю... «Слава Богу, упала первая колонна, а за ней рухнет и все здание, прогнившее до основы...»

Все рады, поздравляют друг друга, надеются...

В середине февраля начинаются забастовки — смутные слухи, смутные надежды... Неужели же настанет Революция, неужели доживем? Наконец-то!.. Армия бунтует. Николая смещают с престола... Мама в Москве. Мы нетерпеливо ждем чего-то. Вдруг телефон... Я подхожу. Мама. «Володинька, сейчас же приезжай, демонстрации — прекрасно, прекрасно!»

Я счастлив, собираюсь — где бы красную ленту достать? Красной ленты нет... идея! Беру белую тряпку, разрезаю руку, тряпка красна... сую в петлю. Еду. На вокзале... снег тает, тепло, небо серовато-светлое... Вокзал улыбается красными флагами... Извозчики улыбаются... Всюду массы народа, всех общит... все в одно смешались, все кричат, смеются, открытые, ясные лица... «Да здравствует Революция!»

Идем в толпе... товарищи, братья — наконец-то, да неужели — свобода? Сердце бьется — не верится даже... Вот проходят солдаты.. рядами — впереди красный флаг, на картузах красные цветы... братья... да здравствует Революция...

Рядом со мной человек, серое измученное лицо, усталый — сияет... Шепчет: «Боже... свет, свобода!»

Горят охранки... Вот из угла ведут студенты зеленого пристава, трясется, снимает шапку перед красным флагом... «Проклятый!» — думаю я, но жалость одолевает... «Бей его!» — кричит кто-то в толпе... пристав падает на колени... «Черт с ним,— отвечает кто-то другой,— ради праздничка помилуем...»

Снег тает, город улыбается красными флагами, всюду открытые лица, все святые, нет ни преступников, ни извозчиков, ни солдат, ни городовых, ни мясников, все-все — братья... все люди... только люди... Мы счастливы...

САХАР

(1917)

Был весенний вечер, солнце играло прощальными золотыми лучами, и тучный, серый снег разбегался грязными струйками... Я шел по вокзальной площади, смотрел на перебранку грубых синих извозчиков и на толкотню солдат-мешочников, спешащих к поезду. Насилу протискался я сквозь густую разношерстную толпу, заполнявшую зал третьего класса, и вышел на платформу.

Передо мной стоял огромный, пыхтящий скорый поезд. Площадки вагонов, даже ступеньки, были наполнены черным, рабочим людом — сплошной, подвижной, ухающей массой.

Третий звонок... суета, прощание... плач... всхлипы, гул, облака пара, и поезд медленно, лениво приходит в движение...

Вдруг внимание мое обращается на маленького беспомощного чиновника, отчаянно проталкивающегося сквозь массу. Потрепанное, засаленное пальтишко, шапка, съехавшая на затылок, большая голова и беспомощные, почти детские, страдальческие глаза, обрамленные большими очками... В руках он судорожно сжимал маленький красный узелок...

Пробравшись наконец к уходившему поезду, этот маленький человечек неловко уцепился корявою рукою за холодную ручку вагона и повис на ступеньке. Войти он не мог, площадка была полна.

С платформы раздраженно кричали ему: «Что Вы делаете, сойдите, да Вы же убьетесь!» — и маленький чиновник растерянно оглядывался и не знал, что делать — спрыгнуть или нет... а поезд катился все быстрей...

И вот из красного узелочка вдруг выпадает кусочек — сахара — сахара! На беспомощном личике изобразилось отчаяние,— второй кусочек следует первому... затем третий, четвертый...

В эту секунду вагон поравнялся со мной... Я смотрел прямо в глаза маленькому человеку... Тысячи мыслей молниеносно пронеслись в моем мозгу: «Что дальше? А если он спрыгнет? Да ведь он должен спрыгнуть! Ведь это сахар! Но ведь он попадет под колеса! Непременно попадет под колеса!» — При этой мысли я содрогнулся, но другая, более сильная мысль вонзилась в меня: — Ну так что же, пускай! Он не первый и не последний... И не все ли мне равно?»

В это мгновение два несчастных, забитых взгляда спросили меня, а в глазах моих был холодный приказ: «Спрыгни — за сахаром!» «За смертью»,— шептал голос во мне...

И в эту же секунду слабая, искривленная рука судорожно разжала железную ручку вагона и в последнем сознании, в последней, отчаянной борьбе со страхом, с опасностью вдруг старалась овладеть каким-нибудь уступом, и я чувствовал — до боли! — как в этом маленьком чиновнике родилось и вспыхнуло впервые: острое желание жизни и сгусток мыслей, ряд ярких образов: ...жена, дети, служба, дом... и сахар — сахар,— а впереди — смерть, которую хором выкрикивали катившиеся колеса... там — внизу — самое непонятное, жуткое, самое обыденное — смерть!

И вдруг увидел, как черное пальтишко и судорожно махавшие в воздухе руки — вдруг, молниебыстро низринулись под колеса и исчезли.

В мою память врезались два глаза, два безумных глаза, видевших бездну...

Гулкий крик встрепенулся, расплескался по платформе, точно из одной огромной груди...

А я бежал, как преследуемый, и бешено расталкивал себе дорогу... В груди у меня что-то ныло и болело, и какой-то чужой голос кричал во мне: «Ты, ты, ты это сделал — ты убийца!»

Где-то в грязном углу третьего класса, под иконами, сгорбился весь я комком... и когда буря затихла во мне, я снова вышел на платформу.

Из-под колес только что на носилках вытаскивали окровавленный труп... оторванная рука... размозженная голова, и один — страшный, укоряющий — глаз глядел на меня... другой был размазан по лицу...

А у рельсов копошился кто-то в серой шинели, собирал сахар и аккуратненько, деловито сортировал чистые кусочки от окровавленных... и, может быть, радовался,— ведь это — сахар!

Кровавую лужу засыпали песком.

БОЛЬШЕВИКИ

Наконец раз приезжаем в дом... Двери выставлены, у входа нас встречает молодой большевик-офицер.

Мы справляемся о наших книгах — они в Пролеткульте,— надо хлопотать, чтобы достать их, да ну, Бог с ними.

Офицер подает маме пергамент. Оказывается, это ее школьный диплом, который она искала тринадцать лет.

В радостях мама дарит офицеру рояль, стоящий в конюшне... Он столбенеет... Но скоро приходит в себя, продает рояль владыгинскому мужику, дочь которого хорошо играет на гармошке, за десять тысяч рублей. Мама нанимает пятьсот в месяц и должна прокормить все наше семейство...

Мы находим поступок великодушным.

(1913—1918)

В Старом доме не было границ — потустороннее жило с посюсторонним,— и поэтому люди, жившие в нем, не знали меры. Свечи сжигались с двух концов, и жизнь была яркая, как ночью огонь костра, а вокруг была тайна, как ночью,— вокруг костра.

Никто никогда не знал, сколько людей жило в Старом доме. Из наверных жильцов были: дядя Ваня, тетя Лиля, его третья жена, Шурик — сын его первой жены, с женой Марусей, пять прислуг и кучер Тимофей.

Но, кроме них, дом был всегда полон, дверь всегда была открыта и всегда проглатывала новых посетителей, и они терялись в лабиринте комнат — кто не хотел уходить, оставался на ночь и спал на одном из многочисленных диванов — уходил, когда ему вздумалось.

Также стол был всегда накрыт, и никто никогда не знал, сколько людей будет к обеду.

Дядя Ваня принимал всех радушно — всем верил, всех любил,— имел все таланты и один недостаток — он никогда ничего не мог довести до конца.

Раз вечером Лиля, одетая, надушенная, в шляпе, влетает в кабинет, взволнованно подходит к дяде Ване и говорит: «Ваня, я люблю прокурора Звякина, еду с ним в Крым, прости меня, я больше не могу, мне все тут опротивело, я не могу так больше».

Дядя Ваня, пораженный, хватается за сердце и прерывающимся голосом говорит: «Иди, Лиля,— куда хочешь, будет плохо — приходи обратно, я все забуду, все прощу...»

Раз вечером, в ноябре,— завывал ветер,— пели ржавые петли оконных ставен, а дядя Ваня играл на фаноле Заратустру... Мы сидели на диване и слушали... Вдруг открывается дверь и врывается Лиля, мокрая, злая, не поздоровавшись, подходит к дяде Ване, говорит: «Ваня, я пришла. Звякин нахал, негодяй, он меня обокрал! Ты должен ему отомстить за мою потерянную честь, слышишь, Ваня, ты обязан его вызвать!» — «Хорошо, я отомщу»,— спокойно говорит дядя Ваня, в голосе его звучит чужая железная нотка... И мы не знаем, рад он или нет, что Лиля вернулась... А маме он говорит: «Вот увидите, тетя Ядя, Звякин не проживет и двух месяцев,— я его иссушу!» Мы возмущены, как это тетя Лиля смеет требовать мести... дом раскалывается на две партии, одни за месть, другие против, и когда приходит беспартийный гость,— все набрасываются на него и начинают теребить: «Скажите, обязан дядя Ваня отомстить или нет?» Гость бессильно отмахивался, шептал: «Да это же донкихотство!»

Раз, таким же бурным вечером, сидели мы в кабинете, и дядя Ваня играл траурный марш Шопена — мы сидели на мягком диване.

Вдруг темная портьера соседней комнаты зашевелилась и появился господин в черном — стоял и смотрел с неописуемой ненавистью на дядю Ваню — я не мог оторвать глаз от него. Наконец он исчез, портьера шевелилась... Я вскрикнул и лишился чувств... Когда пришел в себя, вокруг меня стояли все и стали расспрашивать, а я только мог ответить, указав на портьеру: «Там, там, за портьерой, человек!» Стали искать, но никого не нашли.

Следующим утром пришла телеграмма: «Звякин — скоропостижно скончался». Дядя Ваня торжествующе пошел к Лиле с телеграммой в руках... сверкая глазами, промолвил, бросив Лиле телеграмму: «Вот тебе, Лиля, я отомстил. Довольна?!»

Лиля вскрикнула, упала на пол, зарыдала: «Гадкий ты, злой ты, зачем, зачем, ведь я любила его, его одного любила, убийца ты мой!»

Дядя Ваня, смеясь, вышел из будуара. С этого мгновения вся его ненависть к Звякину перешла на Лилю, и он брезгливо говорил о ней: «Она...»

В ночь под Новый год собрались все в Старом доме... В столовой было человек сорок, пили, веселились... Вдруг, без пяти двенадцать, в старых стенных часах что-то треснуло, и они остановились... Ужас охватил нас всех... У меня из рук выпал бокал и разбился вдребезги... Дядя Ваня медленно встал, бледный, две слезы стекали с его щек, поднял бокал и проговорил: «Господа, я чувствую, только что скончалась Маруся, она думала о нас, она любила Старый дом... пьем за упокой ее души...»

Все ахнули, и праздник превратился в поминки... Часы вдруг снова пошли, а старуха, сидевшая рядом со мною, нагнулась ко мне и прошептала: «А насчет разбитого бокала... Вам предстоит в ближайшее время большая перемена и много-много горя — верьте мне, старухе!»

На следующий день пришла депеша: «Маруся скоропостижно скончалась от чахотки, 31.12.13 в 11.55 вечера». Шурик с горя ушел на военную службу... Дядя Ваня плакал и говорил: «Маруся любила Старый дом — Старый дом погубил Марусю...»

Первого октября четырнадцатого года дядя Ваня давал в Старом доме концерт в пользу раненых. Ночь была ясная, звездная; в небе стояла комета... мы шли к Старому дому, и все бессознательно ждали чего-то великого...

В начале декабря семнадцатого года мы с мамой случайно ночевали в Старом доме. Ночью вдруг часто-часто загудел набат: «Пожар!» Мы вскакиваем в испуге, глядим в окно — горит старый родовой дуб, сила и гордость Торлецких, горит ярким пламенем... Мы бежим к дяде Ване, он в спальне, лежит, белый, на полу... «Умер!» — кричу я. В это мгновение дядя Ваня открывает глаза, шепчет: «Нет, еще жив»... встает, кричит: «Не сметь мне тушить дуб! Все равно конец... Конец Старому дому, конец Торлецким».

На следующий день приходят большевики, реквизируют дом и водворяются в нем.

Лиля уезжает в Москву к родителям...

Дядя Ваня парализован, выпрашивает себе комнатку, ему уступают одну, и лежит он на кушетке, перед ним драгоценная мраморная помпеянская ваза... лежит и шьет башмаки, чтобы хоть что-нибудь нажить, хоть как-нибудь прокормиться... Лежит угрюмый, посматривает в окно, не придет ли кто... Но только снег тяжелым пластом лежит на земле да чернеют обугленные остатки тысячелетнего дуба...

Только мама не забыла дяди Вани, и часто заходит к нему, и при огарке свечи читает ему Тагора... а он шепчет: «Одна вы у меня остались, тетя Ядя... совсем одна... все ушли, многие умерли, знать, догорели все свечи в Старом доме... один я, огарок, остался... Но и я скоро потухну... Господь Вас благословит, тетя Ядя, что не забыли старика!»

А колесо жизни, колесо фортуны дробило жизни, кости, души, кидая в капризном взмахе то, что было внизу,— вверх, а то, что было наверху,— вниз, вниз, в самые низы, провалы, откуда поднимаются лишь те, кто выгорел заживо, кто смерти задет был крылом.

МИХАИЛ ДУБИНИН

«МЕРКАНТИЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА» ПУШКИНА

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье?..

А. ПУШКИН

Он скончался в прошлом году в Торонто в возрасте 98 лет. Старейший в мире пушкинист, автор нескольких книг о великом русском поэте, Михаил Григорьевич Дубинин посвятил свою жизнь служению русской литературе, русской истории. Особенно волновала его судьба Пушкина, та роль, которую играли в его судьбе многочисленные родственники, друзья, знакомые, правительство и двор. Самые ценные исследования касаются эволюции философских и политических взглядов Пушкина, а также исследование причин, по которым поэт вынудил Дантеса вызвать его на дуэль. Многие заключения литературоведа покажутся русскому читателю необычными, неожиданными. Да это и естественно, ведь мы во многом привыкли к Пушкину официальному, отретушированному, искаженному. Например, познакомившись со статьей Дубинина «Пушкин и Радищев», мы бы перестали во всем смотреть на Россию «радищевскими глазами» и более критически отнеслись бы к его знаменитому «Путешествию из Петербурга в Москву». К сожалению, многие исследования Дубинина неизвестны нашим читателям. Едва ли не впервые мы знакомим сегодня читателей «Родины» с творчеством талантливого русского пушкиниста, проведшего больше половины своей жизни за рубежом.

Михаил Григорьевич Дубинин окончил юридический факультет Киевского университета и до революции успел проработать несколько лет адвокатом в Киеве. В Канаде оказался после войны. До этого жил в Чехословакии, в других странах Европы. И где бы он ни жил, всегда неизменной спутницей его трудов и досуга была страсть к отечественной истории. Мстислав Могилянский, много лет проработавший на русском отделении радио Канады, предоставивший нам этот материал, вспоминает о таком эпизоде. После одного из литературных выступлений Дубинин обратился к публике: «Мне остается теперь вас поздравить с наступающей завтра знаменательной для всех россиян годовщиной». Все ломают голову, что же это за годовщина, о которой помнит этот глубокий старик, а все кругом забыли. Оказалось, что он имел в виду день вступления русских войск в Париж в 1814 году и даже добавил, какая часть и под чьим командованием вошла в столицу Франции первой!

Мы предлагаем вниманию наших читателей отрывки из работы М. Дубинина «Меркантильные обстоятельства» Пушкина».

А. С. Пушкин. Гравюра Е. Гейтмана

В десятитомном Собрании сочинений А. С. Пушкина (Москва, 1962) девятый и десятый тома отведены письмам поэта. Их 786. Написаны они разным лицам в промежутке времени от 28 ноября 1815 года до 27 января 1837-го (день дуэли). Темой большинства писем служат «меркантильные обстоятельства» — так Пушкин называл свои денежные дела.

От стонов к брату из Кишинева: «Мне деньги нужны, нужны!» и настойчивых просьб к Вяземскому: «Денег, денег!», и до написанного за несколько дней перед смертью письма к своему кредитору Н. Н. Карадыкину: «Вы застали меня врасплох, без гроша денег. Виноват!» — все эти письма сплошной вопль человека, придавленного нуждой, которая преследовала его всю жизнь и даже после смерти: Пушкин лежал в гробу во фраке, за который не было еще заплачено портному. Сам Пушкин с горечью говорит: «Кажется, что судьбой определены мне только два рода писем — обещательные и извинительные».

Письма (особенно 1834—1837 гг.) объясняют истинные причины, приведшие великого поэта к гибели. Не ненависть к семейству Геккеренов, не ощущение зависимости — тягостной и многоликой, как камер-юнкерство, жандармская опека, перлюстрация писем или строгости цензуры — привели поэта к роковому концу. Эти причины ни каждая в отдельности, ни в своей совокупности не могли бы вывести Пушкина из равновесия, если бы не было еще одной — хронического безденежья и связанной с ним заботы о завтрашнем дне, расстраивавшей поэта и заставлявшей его все жизненные невзгоды принимать болезненно остро. Ведь дуэль с Дантесом, по мнению многих современников Пушкина, не имела разумных оснований и была вызвана главным образом неуравновешенностью поэта, который, сгибаясь под бременем долгов, терзаемый обстоятельствами, решился на этот шаг.

Пушкин в душе мог мириться и с ссылкой, и с цензурой, и даже с Дантесом, но с нуждой у него не было примирения: она не выпускала его из своих цепких лап. Это она заставила деликатного Пушкина стать нахлебником у своего начальника, генерала Инзова, брать взаймы деньги от своих литературных недоброжелателей, принуждала гордого Пушкина знаться с сомнительными картежниками и часто, как милости, просить у них отсрочки карточного долга. Угрозы заимодавцев, шантаж ростовщиков заставляли правдивого Пушкина выдавать заведомо для него невыполнимые обязательства и обещания.

О, бедность, бедность!
Как унижает сердце нам она!

Прадед Пушкина, «арап Петра Великого», Абрам Ганнибал «на службе царской» получил несколько десятков деревень в губерниях Псковской и Петербургской. В семействе Ганнибалов, а затем Пушкиных хранилась старинная Жалованная Грамота в переплете, обтянутом зеленым муаром. В грамоте, богато украшенной акварелью и золотом, за собственноручной подписью императрицы Елизаветы, говорилось: «Нашему генералу-маэору и ревельскому оберкоменданту Абраму Ганнибалу... пожаловали Мы во Псковском уезде пригорода Воронича Михайловскую губу (волость)». Третий сын Абрама Ганнибала, Осип Абрамович (дедушка Пушкина), получил в наследство после смерти отца село Михайловское, в котором по Межевым книгам тогда числилось 1974 десятины и было около 200 крепостных. Но «африканский характер моего деда,— как пишет Пушкин,— пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения». Дело в том, что Осип Абрамович, покинув свою жену, Марию Алексеевну, и дочь Надежду (мать поэта), сошелся с новоржевской помещицей Устиньей Ермолаевной Толстой; 9 января 1779 года обвенчался с ней, показав священнику фальшивое свидетельство о смерти жены. Устинье Ермолаевне дал Рядную Запись в том, что получил от нее приданого на 27 000 р., но 6 мая супруги были распоряжением псковского архиерея разлучены, и тогда на Осипа Абрамовича посыпались обвинения и жалобы со стороны обеих жен: Мария Алексеевна возбудила дело о двоеженстве мужа, а Устинья Ермолаевна подала в суд просьбу о взыскании с него 27 000 р. Ганнибал доказывал, что он приданого от Толстой не получил, но сам издержал на ее прихоти до 30 000 р.: построил дом в Пскове с фруктовым садом, купил в 4-х верстах от города дачу, накупил серебряных и золотых сервизов, бриллиантов, экипажей, мебели, прожил 12 000 р., за которые заложил свои имения. Конца судебного процесса Осип Абрамович не дождался: он скончался 12 октября 1806 года в Михайловском от «следствий невоздержанной жизни» — по свидетельству своего гениального внука. После смерти Осипа Абрамовича Михайловское перешло к его дочери, Надежде Осиповне Пушкиной.

У отца поэта, Сергея Львовича Пушкина, было родовое имение в Нижегородской губернии, состоящее из сел Болдино и Кистенево, когда-то богатое и благоустроенное, но беспечностью Сергея Львовича доведенное до разорения. У Сергея Львовича и Надежды Осиповны были дети: Ольга, Александр и Лев. Но родители ими не занимались, а более думали о светских развлечениях. Доходов от имений не хватало. Сергей Львович, чтобы добыть средства, «земли отдавал в залог». В доме родителей не было порядка из-за скитальческого образа жизни семьи: то переезжали из деревни в столицу, то из столицы в деревню. А в городе они постоянно меняли квартиру. Но где бы Пушкины ни жили, везде устраивались приемы, давались балы, покупались роскошные платья в фешенебельном французском магазине для «La belle creole», как в свете называли блистательную Надежду Осиповну, которая не умела вести хозяйство, что тяжело отзывалось на семейном бюджете и домашнем порядке.

«Дом их представлял какой-то хаос: в одной комнате богатые мебели, в другой — пустые стены, даже без стульев, многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана. Когда у них обедывало два-три человека, то всегда присылали к нам за приборами»,— так пишет о Пушкиных близкий их сосед, барон М. А. Корф. Поэт с детства привык к такому образу жизни своих родителей и не считал его чем-то особенным и ненормальным.

Дети ходили в обносках. Няня Арина, истинный ангел-хранитель семьи, кроила какую-то ветошь для Ольги, а крепостной Никита мудрил из старых фраков одеяния для Сашки. Жителей Харитоньевского переулка в Москве очень смешил курчавый мальчик в потертых штанишках из перелицованного и вылинявшего сукна.

Но при недостаче средств и при своей скупости Сергей Львович не жалел денег на образование своих детей. (Гувернеры в то время получали в год: 150 рублей, пуд сахару, пуд кофе, 10 фунтов чаю, а кроме того,— стол, помещение, слугу и карету.) У Пушкиных в доме был гувернером прекрасно образованный и воспитанный французский эмигрант, граф де Монфор, адъютант брата короля Людовика XVI. Сашу школьные товарищи прозвали «французом», так как он в совершенстве знал этот язык.

В 1811 году Саша поступил в новооткрытый Царскосельский лицей. Отвез его туда дядя Василий Львович. Тетушка Анна Львовна при прощании подарила своему племяннику «на орехи» 100 рублей, из которых Василий Львович Саше вручил только 3 р., взяв себе остальные.

В лицее Саша стыдился своего белья, залатанного няней Ариной. Но оказалось, что и у других лицеистов оно было не в лучшем состоянии. Инспектор лицея, Мартын Пилецкий, признавался, что «добрая половина учеников лицея из семейств развратных, обнищалых». Только пышная лицейская форма спасала воспитанников от их младенческих сюртучков и штанишек, скроенных из ветоши крепостными руками в родительском доме.

Саша из дому денег не получал и поэтому был лишен удовольствия посещать «кавярню», которую соорудил под лестницей в лицее сторож Леон и где другие лицеисты наслаждались горячим шоколадом и покупали сладости. По окончании лицея всем выпускным воспитанникам было назначено жалованье: титулярным советникам по 800 р. в год, а коллежским секретарям по 700 р. Пушкин был определен в Государственную коллегию иностранных дел с чином коллежского секретаря, то есть с окладом 700 р.

Вышедши из лицея, Саша очутился в таком положении, в каком часто находятся молодые люди, возвращающиеся под убогий родительский кров из богатых и роскошных учебных заведений; и тут еще примешивалась мелочная скупость отца, которая раздражала Пушкина. Напрасно он добивался у отца позволения поступить в гусарский полк, где у него уже было много друзей и почитателей его таланта среди царскосельских гусар. Сергей Львович отговаривался недостатком средств и соглашался только на поступление сына в один из пехотных гвардейских полков, чего Саша не хотел.

Три года, проведенные Пушкиным в Петербурге по выходе из лицея, отданы были развлечениям большого света и увлекательным его забавам. От великолепнейшего салона вельмож до самой нецеремонной пирушки офицеров — везде принимали Пушкина с восхищением. Служба в министерстве иностранных дел, а также родственные связи отца открыли молодому Пушкину вход в лучшие петербургские дома: к Бутурлиным, Воронцовым, Трубецким.

Пушкин в письме к брату с горечью впоследствии вспоминал эту совместную жизнь с родителями: «Это напоминает мне Петербург, когда больной, в осеннюю пору или в трескучие морозы, я брал извозчика от Аничкина моста, он (отец) вечно бранился за 80 копеек (которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуги)». А барон Корф утверждает, что Пушкин в петербургский период своей жизни был «вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака».

Чтобы добыть средства, Пушкин обращался к ростовщикам или пытался выиграть в карты. Но ему не везло. В ноябре 1819 года он проиграл бар. С. Р. Шиллингу 2000 р., на которые выдал вексель сроком на шесть месяцев, истекавший в мае 1820 года, так что, когда в мае 1820 года Пушкина удаляли из Петербурга, он только облегченно вздохнул:

О, юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь...

Отъезд из Петербурга избавлял его от настойчивых кредиторов, а кроме того, он получил из министерства на дорогу 1000 рублей прогонных. Это дало ему возможность отправиться с семьей генерала Н. Н. Раевского в путешествие по Кавказу и Крыму.

Когда Пушкин вернулся после путешествия в свою кишиневскую канцелярию, то, видимо, от 1000 р. прогонных у него ничего не осталось. В Кишиневе он обратился за жалованьем к правителю канцелярии при генерале Инзове — М. И. Лексу, но получил от него такой ответ: «Жалование вы не получали, а пособие от казны. По вашей должности жалования не полагается. А если бы и полагалось, то в гораздо меньшем размере. С переводом же к нам пособие вам выдаваться не может без особого на то распоряжения министерства». Раздосадованный Пушкин бросился к ген. Инзову. «Посмотрим,— сказал генерал,— и что-нибудь выдумаем». И сразу же предложил поэту стол и квартиру в своей резиденции, а также написал рапорт в Петербург: «...В бытность его (Пушкина) в столице он пользовался от казны семьюстами рублями в год. Но теперь, не получая сего содержания и не имея пособия от родителя, при всем возможном от меня вспомоществовании, терпит однако же иногда недостаток в приличном одеянии. По сему уважению, я долгом считаю покорнейше просить распоряжения вашего к назначению ему здесь того же жалования, каковое он получал в Петербурге».

Просьба ген. Инзова была удовлетворена. Но радость Пушкина была коротка. Одновременно с положительным ответом из министерства в Бессарабское областное управление пришло отношение о взыскании с Пушкина шиллингского долга в 2000 рублей.

Неудивительно, что Пушкин застонал брату: «Мне деньги нужны, нужны!» Питаясь у Инзова, или в гостях (особенно у ген. Орлова), редко в трактире (надо было платить!), поэт острее всего ощущал недостаток в одежде и обуви. Была только одна «приличная» пара. И оттого он ни за что не позволял чужим лакеям брать в руки свой чемодан. А своему Никите Козлову говорил: «Поосторожнее неси, не подорвись!»

Значительную долю времени Пушкин в Кишиневе отдавал картам. Тогда игра была в большом ходу, особенно в полках. Пушкин не хотел отставать от других: всякая быстрая перемена, всякая отвага была ему по душе; он пристрастился к азартным играм и всю жизнь потом не мог отстать от этой страсти. Она разжигалась в нем надеждой и вероятностью внезапного большого выигрыша:

Страсть к банку!.. Ни дары свободы,
Ни Феб, ни слава, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры;
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод
Дремал усталый банкомет.
А я, нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза.

По свидетельству кн. Вяземского, Пушкин играл в карты из рук вон плохо: «До кончины своей был ребенком в игре, и в последние дни жизни проигрывал даже таким людям, которых, кроме него, обыгрывали все».

В Кишиневе «меркантильные» дела Пушкина были особенно плохи: от отца денег не было, а за стихи он еще ничего не выручал. Кроме того, Пушкина мучила мысль, что он первый из русских писателей «начал торговать поэзией». «На конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю их с барышом». Но, видимо, у кишиневских сапожников было больше барышей, чем у Пушкина: «Кавказский мой пленник кончен. Хочу напечатать, да лени много, а денег мало — и меркантильный успех моей прелестницы Людмилы отбивает охоту к изданиям»,— пишет Пушкин кн. Вяземскому, а Рылееву жалуется: «Там (заграницей) стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них».

Прожиться на таких стихах, какие писал Хвостов, немудрено:

Приближася похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел по старости июль...

Но Пушкин ошибался, думая, что в Европе «стихами живут». Там, как и в России, всецело отдаваться литературе могли только обеспеченные люди: виконт де Шатобриан, владелец чудного замка в Бретани; богач де Ламартин; Стендаль-Бейль — французский консул в Италии; генеральский сын — Виктор Гюго, но множество писателей, несмотря на литературный успех, влачили жалкое существование. Александр Дюма, автор «Графа Монте-Кристо», «Трех мушкетеров», которые выходили тиражом в десятках тысяч экземпляров и были переведены на все европейские языки, на старости лет жил в бедности. Бальзак, написавший за 20 лет, кроме бесчисленных драм, новелл, очерков, еще 74 романа, переезжал в Париже с квартиры на квартиру, прячась от кредиторов, чтобы не попасть в долговую тюрьму.

Подчиняясь своей страсти, «охоте к перемене мест», Пушкин оставляет своего доброго гения — ген. Инзова и переселяется в Одессу под начало наместника Бессарабии и генерал-губернатора Новороссии гр. М. С. Воронцова. «В Одессе,— как пишет Пушкин брату,— ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-Богу обновили душу».

В Одессе нельзя было скрыть недостатка в хорошем одеянии каким-нибудь благопристойным чудачеством, как поэт это делал в Кишиневе, появляясь на улице в костюме цыгана, еврея или в русской косоворотке с красным кушаком. Одесситы неодобрительно бы отнеслись к такому неуместному наряду... Жизнь в Одессе требовала денег, а также и модного фрака. Сергей Львович обещал прислать «блудному сыну» свой фрак. Достаточно взглянуть на портрет Сергея Львовича кисти К. Гампельна, относящийся к 1824 году, чтобы убедиться, что фрак очень полного и грузного Сергея Львовича не годился бы сыну.

Но вдруг счастье улыбнулось Пушкину. После настойчивых просьб к Вяземскому: «Печатай скорее; не ради славы прошу, а ради Мамона!» — «Бахчисарайский фонтан» был напечатан и Вяземский продал весь наклад в книжную лавку за 3000 рублей, а деньги отослал Пушкину, который воскликнул: «Начинаю почитать наших книгопродавцев и думаю, что ремесло наше, право, не хуже другого...» Получив деньги, Пушкин начал расплачиваться с кредиторами. Заплативши по ресторанным счетам, угостивши своих приятелей в фешенебельном Оттоне, Пушкин опять остался без копейки. Чтобы поправить дела, он решил переиздать «Кавказского пленника», но столкнулся с большим препятствием: петербургский цензор Ольдекоп издал немецкий перевод «Кавказского пленника» вместе с русским текстом без согласия автора. Пушкину пришлось отказаться от своего намерения, тем более что он получил выгодное предложение, о котором пишет Вяземскому: «...Теперь поговорим о деле, т. е. о деньгах. Сленин предлагает мне за «Онегина» сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости, мне необходимой...»

Дело в том, что Пушкин вначале считал 1-ю главу «Онегина» с ее язвительным описанием светского общества совершенно нецензурной. Однако ему удалось «пробиться сквозь цензуру». Окрыленный успехом, поэт решает разделаться с надоевшей ему Одессой, с ее «полуденной пылью», с ненавистным ему Воронцовым и подает в отставку.

По приезде в Михайловское у Пушкина начались столкновения с отцом, который бранил сына за ссору с правительством, в сын укорял отца, что тот, не помогая ему, оставил его на произвол судьбы. Вскоре отец с семьей уехали из Михайловского, оставив Пушкина одного на хозяйстве.

Материальное положение Пушкина было настолько скверно в Михайловском, что он был вынужден продать свою коляску соседу, помещику Рокотову: «...Я счел бы своим долгом послать Вам свою коляску, но в настоящую минуту в моем распоряжении нет лошадей». По мнению дворовых: «плохие кони у Пушкина были, вовсе плохие! Вороной, а другой Гнедко».

Хозяйство в Михайловском велось спустя рукава. Староста Михайло занимался хищением, а управляющая имением Роза Григорьевна Горская тоже не отличалась честностью, а, кроме того, «уморила няню, которая начала от нее худеть».

Е. И. Осипова так описывает Михайловское: «Я девочкой не раз бывала у Пушкина в имении и видела комнату, где он писал. Художник Ге написал на своей картине «Пушкин в селе Михайловском» совсем неверно... Комната Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояла в ней самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено; некрашеный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты. На этом столе Пушкин и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки».

15 февраля 1825 года вышла в свет 1-я глава «Евгения Онегина», встреченная издевательским объявлением в газете Булгарина «Северная пчела». Пушкин очень расстроился. Да и меркантильный успех от продажи этого произведения был для поэта неосязаем, так как Левушка, продав издателям 1-ю главу «Евгения Онегина», не особенно спешил с высылкой денег брату, присвоив себе львиную долю авторского гонорара, а кроме того, Левушка очень продешевил, потребовав от издателей 5 рублей ассигнациями за строчку «Онегина». А. И. Семевский сразу согласился и добавил: «Ты промахнулся, Левушка, не потребовав за строчку по червонцу. Я бы тебе и эту цену дал, но только с условием: пропечатать нашу сделку в «Полярной звезде», для того, чтобы все знали, с какой готовностью мы платим золотом за золотые стихи». Ко всему еще Левушка подрывал «книжный торг» своего брата тем, что, стремясь быть желанным гостем петербургских салонов, приносил с собою еще ненапечатанные стихи своего ссыльного брата, читал их перед многочисленным собранием, позволяя делать копии, и вписывал в альбом столичных красавиц. Например, он всюду читал поэму «Цыганы» еще до того, как она была издана. Пушкин журил брата за его «чтеньебесие». От брата не отставали и друзья поэта: «...Есть у меня еще друзья: Сабуров Яшка, Муханов, Давыдов и проч. Эти друзья не в пример хуже Булгарина. Они на днях меня зарежут... все друзья, треклятые друзья... Плетнев мне пишет, что «Бахчисарайский фонтан» у всех на руках. Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе! Благодарю в особенности Тургенева, моего благодетеля; благодарю Воейкова, моего высокого покровителя и знаменитого друга! Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи: но это безделица — поэт не должен думать о своем пропитании... Душа моя, меня тошнит от досады — на что ни гляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть?»

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 года Пушкин по приказу имп. Николая неожиданно с фельдъегерем уехал в Москву. Там был принят государем. Аудиенция продолжалась около двух часов, после нее царь на

балу у французского посла графа Мармона, герцога Рагузского, сказал графу Блудову: «Я долго говорил сегодня с умнейшим человеком в России — с Пушкиным». Николай I обещал Пушкину освободить его от общей цензуры и быть его личным «цензором».

Но свобода не принесла улучшения «меркантильных обстоятельств» Пушкина. Вскоре из Москвы он опять поехал в Михайловское: «Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму... Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня: у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю». Вяземскому: «Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ю главу «Онегина», я проигрываю в штос — четвертую: не забавно?» (в это время поэт проигрывает в штос Назимову 500 р.).

Понтируя А. М. Загряжскому, Пушкин проиграл все бывшие у него деньги. Он предложил в виде ставки только что оконченную им пятую главу «Онегина». Ставка была принята, так как рукопись представляла собою тоже деньги, и очень большие,— Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты и рукопись...

В полицейском списке московских картежных игроков в числе 93 номеров значится: № 1 граф Федор Толстой (американец) — тонкий игрок и планист. № 23. Нащокин — отставной гвардии офицер. Игрок и буян. Всеизвестный по делам, об нем производящимся. № 36. Пушкин — известный в Москве банкомет.

Распространился слух, что Пушкин проиграл 2-ю главу «Онегина», а по городу начала ходить эпиграмма:

Глава «Онегина» вторая
Съезжала скромно на тузе.

Все это Пушкина расстраивало. Он пишет своей соседке по имению П. А. Осиповой: «Жизнь эта, признаться, довольно пустая, и я горю желанием так или иначе изменить ее... Шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды — и я с трудом переношу их. Я предпочитаю Ваш чудный сад и прелестные берега Сороти. Вы видите, что, несмотря на отвратительную прозу нынешнего моего существования, у меня все же сохранились поэтические вкусы».

Жизнь действительно пустая: меблированные комнаты в трактире Демута, картежная игра, проигрыши, долги... Большую часть ночи Пушкин проводил в обществе картежных игроков, а большую часть дня писал, довольствуясь кратковременным сном в промежутке этих занятий, подрывая этим образом жизни свое крепкое от природы здоровье. В Петербурге Пушкин водил знакомство с гвардейской молодежью, бывал в их обществе, принимая деятельное участие в кутежах. Однажды и он пригласил несколько человек в ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадский, известный богач, и, обращаясь к Пушкину, говорит: «Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник!» — «Да я ведь богаче вас,— отвечал Пушкин,— вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв русской азбуки».

Пушкин хочет освободиться от этой «пустой» жизни и изменить ее, тем более что кредиторы не дают ему покоя. Они же и подсказывают ему мысль отправиться на Кавказ в армию, где поэт может встретить много скучающих богатых людей и сорвать, играя с ними, изрядный куш для расплаты с заимодавцами. А. Н. Мордвинов, агент III Отд., доносит ген. Бенкендорфу: «Можно сильно утверждать, что путешествие Пушкина на Кавказ устроено игроками, у которых он в тисках. Ему наверное обещают золотые горы на Кавказе». «Поездка Пушкина на Кавказ и в Малую Азию была устроена действительно игроками,— по свидетельству П. П. Вяземского.— Они, по связям в штабе Паскевича, могли выхлопотать ему разрешение отправиться в действующую армию».

Но все расчеты Пушкина, что он может на Кавказе отыграться, не оправдались.

Напечатанное «Путешествие в Арзрум» не принесло Пушкину столько прибыли, сколько он проиграл во время этого путешествия в карты.

В минуту, которая определила судьбу Пушкина на всю остальную жизнь, он обращается к своим родителям: «Я намерен жениться на м-ль Натали Гончаровой... Прошу вашего благословения... Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастию. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для меня».

От родителей пришло отеческое благословение и свадебный подарок: деревня Кистенево с 200 душ крестьян. Об этом Пушкин сообщает кн. В. Вяземской: «Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мой дает мне 200 душ крестьян, которых я заложу в ломбард, а Вас, дорогая княгиня, прошу быть моей посаженой матерью».

Так как получение денег из ломбарда при залоге имения было процедурой довольно долгой, то Пушкин, не желая откладывать свадьбу, а совершить ее до поста, старается запастись деньгами, пользуясь другими источниками, тем более что он,— по словам М. П. Погодина,— «Совершенно проигрался». (В «Московском Вестнике», издаваемом М. П. Погодиным, Пушкин помещал свои произведения.)

В то время, когда Пушкин старался раздобыть 5000 рублей, В. С. Огонь-Догановский потребовал от него уплаты 25 000, проигранных ему в карты. К этой неприятности присоединяется и другая: мать невесты, Наталия Ивановна, находясь в стесненных обстоятельствах, не готовит приданого дочери и откладывает свадьбу. Пушкин неистовствует. В поисках средств Гончаровы, особенно дедушка Афанасий Николаевич, придумывают разные способы добыть их и обращаются к Пушкину, Ташенькиному жениху, пользующемуся расположением государя, помочь им в осуществлении разных планов, фантастичность которых явствует из письма Пушкина к Бенкендорфу: «Прадед моей невесты некогда получил разрешение поставить в своем имении Полотняный Завод памятник имп. Екатерине II. Колоссальная статуя, отлитая по его заказу из бронзы в Берлине, совершенно не удалась и так и не могла быть воздвигнута. Уже более 35 лет погребена она в подвалах усадьбы. Торговцы медью предлагали за нее 40 000 р., но нынешний ее владелец, г-н Гончаров, ни за что на это не соглашался... Неожиданно решенный брак его внучки застал его врасплох без всяких средств... Г-н Гончаров, хоть и неохотно, соглашается на продажу статуи... Поэтому я покорнейше прошу, ваше превосходительство, не отказать исходатайствовать для меня разрешение на переплавку названной статуи». Разрешение на переплавку статуи, или «бабушки», как назвал ее Пушкин, было дано. Но напрасно беспокоили Государя и Бенкендорфа: за «бабушку» никто из купцов более 7 тысяч давать не хотел, «поэтому нечего тревожить ее уединение»,— решил Пушкин.

Кроме того, Афанасий Николаевич хотел использовать Ташенькиного жениха, как ходатая при дворе, для получения из министерства финансов «временного

вспоможения» 200 000 — 300 000 рублей. Но Пушкин нашел министра финансов графа Канкрина к этой просьбе «довольно неблагосклонным». Афанасий Николаевич считал, что все эти неудачи происходят от «недостатка усердия» со стороны Пушкина, который сам страдал от этих неудач: «Серьезно я опасаюсь, что это задержит нашу свадьбу, если только Наталия Ивановна не согласится поручить мне заботы о вашем приданом. Ангел мой, постарайтесь, пожалуйста»,— пишет он своей невесте.

В довершение всех бед 20 августа 1830 г. умирает дядя Пушкина, Василий Львович. Раздосадованный жених пишет по этому поводу Е. М. Хитрово: «Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца».

Это время Пушкин решил использовать для поездки в нижегородскую деревню, чтобы вступить во владение оной. Перед отъездом пишет он П. А. Плетневу: «Сейчас еду в Нижний, то есть в Лукоянов, в село Болдино... Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни... Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом да свадьбе, которую сыграем Бог весть когда... Еду в деревню. Бог весть буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь...»

Пушкин думал, что земля, которую дал ему отец, составляет отдельное имение, когда же приехал, то оказалось, что это — часть деревни в 500 душ и что нужно произвести раздел, на что необходимо затратить несколько дней. Пушкин торопился покончить дела, но в той местности появилась холера, были установлены карантинные пункты, и Пушкин очутился в плену «холера морбус». Но поэт не тяготился в своем плену, а восторгался деревней: «Степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов»,— пишет он своему издателю Плетневу.

«Болдинская осень» 1830 г. была в жизни Пушкина временем исключительного по своей интенсивности творческого труда: Пушкин пишет П. А. Плетневу из Москвы: «Вот что я привез сюда — 2 последние главы «Онегина», 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть (стихов 400) — «Домик в Коломне». Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан» («Каменный гость»). Сверх того написал около 30 мелких стихотворений... Написал я прозою 5 повестей... И это за неполных два месяца!».

Наконец Пушкин получил деньги из ломбарда под залог своего имения. Он пишет П. А Плетневу: «Заложил я моих 200 душ, взял 38 000 и вот им распределение: 11 000 теще,— пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житье годичное».

Когда Пушкин заложил имение, то привез деньги к Наталии Ивановне и просил шить приданое. «Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Наталии Ивановны»,— сплетничает кн. Е. А. Долгорукая.

Пушкин обращается к Наталии Ивановне: «Перейдем к вопросу о денежных средствах; я придаю этому мало значения. До сих пор мне хватало моего состояния. Хватит ли его после моей женитьбы? Я не потерплю ни за что на свете, чтобы жена моя испытывала лишения, чтобы она не бывала там, где она призвана блистать, развлекаться. Она вправе этого требовать. Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, все, чем я увлекался в жизни, мое вольное, полное случайности существование. И все же не станет ли она роптать, если положение ее в свете не будет столь блестящим, как она заслуживает и как я того хотел бы?»

Исполнение этого обещания Пушкин сделал как бы целью своей жизни. Он никогда ему не изменял. Он действительно принес ему в жертву свои увлечения, вкусы и свое вольное существование, но и свой досуг, без которого он не мог творить.

«Коли хочешь быть умен — учись, коли хочешь быть в раю — молись, коли хочешь быть в аду — женись»,— любил повторять Пушкин.

Пушкин венчался 18 февраля 1831 года.

В день свадьбы Наталия Ивановна послала сказать Пушкину, что у нее нет денег на карету и поэтому свадьбу надо отложить. Пушкин опять послал деньги. Во время венчания нечаянно упали с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли вокруг, Пушкин побледнел. Потом у него погасла свечка. «Плохая примета»,— прошептал Пушкин. Во время обряда обручальное кольцо Пушкина упало на ковер, кроме того, его шафер раньше передал венец, а не шафер невесты. Суеверному Пушкину было всего этого более чем достаточно, чтобы с тревогою ждать грядущих неудач и несчастий.

После свадьбы Пушкин обзавелся квартирой, экипажем, обстановкой, накупил нарядов молодой жене. Для всех казалось странным, что у Пушкина, который жил все по трактирам, вдруг завелось свое хозяйство. В своей квартире на втором этаже дома Хитровой на Арбате Пушкины принимали гостей. «Пушкин славный задал вчера бал,— вспоминает Булгаков,— и он и она прекрасно угощали гостей своих. Ужин был славный».

Но недолго продолжалось такое безоблачное счастье. Скоро нужда постучала в пушкинскую дверь.

Ташеньке не пришлось красоваться долго в голубой бархатной шубке и выглядывать из «богатейшей» кареты, купленных за деньги, полученные от залога ее бриллиантов. И шубка, и бриллианты, и карета с четверкой лошадей — все скоро пошло на уплату карточных долгов мужа и на выкуп его векселей и заемных писем из рук ростовщиков.

На этой почве начались нелады с тещей, и Пушкин решил переехать в Петербург. «Я был вынужден оставить Москву во избежание всяких дрязг, которые могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие». Из Петербурга он пишет своим друзьям в Москву: «Теперь кажется все уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следовательно, без больших расходов и без сплетен».

Неумолимый приблизился срок платежа процентов в ломбард, где год тому назад Пушкин получил ссуду под залог своего имения Кистенево. Он опять обращается к Нащокину: «Растолкуй мне, сделай милость, каким образом платят в ломбард?.. Узнай, сколько должен я в ломбард процентов за 40 000 займа? и когда срок к уплате? Пошел ли в дело дороховский вексель?.. (Только отчаяние могло подсказать Пушкину предложить ломбарду кавказский вексель Дорохова в уплату процентов по займу в 40 000 рублей, вексель, за который ростовщики не давали ни гроша.)

Но в тяжелую пору жизни для Нащокина Пушкин обратился к нему за помощью: Нащокин проигрался и сидел без денег, без кредита... Дело в том, что он вел большую игру в Английском клубе. Выигрывая — не радовался, а проигрывая — не унывал; платил долг чести аккуратно, жил в довольстве открыто, а в случае же большого выигрыша жил по широкой русско-барской натуре. Он жил с красивой цыганкой, Ольгой

Андреевной. Занимал удобный деревянный одноэтажный дом; держал карету и пару лошадей для себя, а пару вяток для Оленьки. «Дом его,— по словам Пушкина,— такая бестолочь, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать?..»

Пушкин очень любил Нащокина и по приезде в Москву всегда у него останавливался. Хозяин угощал поэта «жженым пуншем с ананасом», а расставаясь — «задавал прощальный обед со стерлядями и с жженкой». Нащокин, по словам Чаадаева, снабжал Пушкина деньгами и вел переговоры с его кредиторами, число которых не уменьшалось, так как Пушкин продолжал проигрывать, несмотря на обещания, даваемые жене,— не подходить к зеленому столу. Свою страсть к картам Пушкин обыкновенно удовлетворял в Москве, куда он, по словам поэта Языкова, «приезжал по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не по делам, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живет опрятнее. Видно, неправа пословица: жениться — перемениться!»

В это время имп. Николай I, видимо, осведомленный о тяжелом материальном положении Пушкина, приходит на помощь поэту. Об этом Пушкин пишет П. А. Плетневу: «Кстати, скажу тебе новость: царь взял меня в службу — но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалованье, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: «Puisqil est marié et qûil n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite» (Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни, буквально: заправить его кастрюлю.— М. Д.). Ей-Богу, он очень со мною мил».

За эту службу-синекуру в Государственном Архиве Пушкину назначили 5 000 рублей в год. (В то время, как Карамзин получал пенсию 2 000 р. в год, Жуковский 4 000 р., Крылов — 1 500, Гнедич — 3 000 р.). «Я всем сердцем привязан к государю»,— сказал Пушкин.

Но это жалование не уменьшило задолженности Пушкина, а кроме того, служба в Архиве привязала поэта к Петербургу, где из-за светской жизни Наталии Николаевны расходы и долги все росли. Пушкина угнетали эти постоянные заботы, материальные затруднения, переговоры с издателями, которых он иногда отсылал к жене: она лучше его умела с ними торговаться. Пушкин постоянно бывал в очень тяжелом, мрачном настроении, выливавшемся иногда во вспышках раздражения и ревности, он не мог спокойно работать.

Нельзя сказать, что Пушкин мало зарабатывал. Смирдин платил ему 11 руб. за стих и 1000 р. заплатил за «Гусара». (Смирдин рассказывал, что он предлагал Наталии Николаевне 50 золотых (500 р.) за «Гусара». Она в это время находилась в будуаре и перед зеркалом поправляла прическу. Видя Смирдина в зеркале, она, не поворачивая головы, сказала ему: «Я вам «Гусара» за 50 золотых не отдам, а вы его получите, если принесете 100 золотых и то — сегодня не позднее 6 часов вечера». «Что было делать! — закончил книгопродавец со вздохом,— к 6 часам я им принес 1000 р.».)

Смирдин жаловался:«За три пьески, в которых не более 3 печатных листов, Пушкин требует 15 000 рублей, а за поэму «Цыганы» запросил, как цыган».

П. Анненков, хорошо знавший Пушкина, пишет: «В Пушкине замечательно было соединение необычайной заботливости к своим выгодам с такой же точно непредусмотрительностью и растратой своего добра. В этом заключается и весь характер его». «Пушкин воображал себя практиком» (П. И. Бартенев). «Великий Пушкин — малое детя»,— говорил А. Дельвиг.

Настал 1834 год. Когда Пушкин был еще юношей, гадалка Кирхгоф предсказала ему гибель от руки блондина («вайскопф»). И вот в этом 1834 году в жизнь Пушкина вошел белокурый красавец, которому рок поручил привести в исполнение это предсказание. Точно день в день за три года перед роковым днем своей жизни (Пушкин вызвал на дуэль Дантеса 26 января 1837 года) поэт 26 января, но 1834 года, написал в своем дневнике: «Барон Дантес и маркиз де Пина, два шуана,... будут приняты в гвардию прямо офицерами...

В этом же году Пушкин получил придворный чин. Мать его по этому поводу сказала: «Александр, не думав об этом никогда, оказался камер-юнкером. Он собирался уехать с женой на несколько месяцев в деревню, чтобы сократить расходы, а теперь вынужден будет на значительные траты».

«Несчастье Пушкина,— по словам гр. Соллогуба,— заключалось в том, что он жил светской жизнью, его убившей: светская жизнь требовала значительных издержек, на которые часто недоставало средств. Эти средства он хотел пополнить игрою, но постоянно проигрывал, как и все люди, нуждающиеся в выигрыше. В семействе он был счастлив, насколько может быть счастлив поэт, не рожденный для семейной жизни. Он обожал жену, гордился ее красотой и был в ней вполне уверен. Он считал, что она должна была «блистать» в свете, и его обязанностью было предоставить ей это». А эта обязанность, никем на него не возложенная, взятая им на себя добровольно, была причиной его образа жизни, приведшего к катастрофе.

Легкомысленная красавица, блиставшая на придворных балах и в светских гостиных, не интересовавшаяся ничем, кроме своих туалетов и успехов в свете, такой казалась Наталия Николаевна современникам и таким ее образ по наследству перешел и к нам. Но недавно открытые письма Натали к ее брату, Дмитрию Николаевичу Гончарову, рисуют ее совершенно другим человеком. Читая эти письма, мы как бы впервые знакомимся с женой Пушкина: душевность, сердечность — это ее отличительная черта, а заботы о детях, о муже свидетельствуют, что она была хорошая мать и жена, исправно несшая супружеские обязанности, защитница своего мужа от нападок тещи, безропотно повинующаяся ему, безропотно ведшая хозяйство, иной раз не имея копейки в доме и выслушивая от повара горькую истину, что торговцы на базаре не хотят им в долг ничего давать, безропотно отдавшая мужу свои бриллианты, которые погибли в руках ростовщика, безропотно, наконец, соглашавшаяся покинуть столицу и переехать с семьей в деревню, чтобы сократить расходы. Мягкое, деликатное отношение к мужу, заинтересованное участие в его делах по-новому освещают ее образ. И по-новому звучат для нас теперь проникновенные слова ее мужа: «...А душу твою люблю я еще более твоего лица».

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины,
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Пушкин не в состоянии платить кредиторам, не платит он и домовладельцу Жадимеровскому за наем в его доме квартиры — 1063 р. 33 1/2 коп., «по неплатежу коих, решением СПб. Надворного Суда 4-го Департамента 15 апреля 1835 г. искомую с Пушкина сумму и штрафных 106 р. 30 коп. присуждено с него взыскать, а в случае неплатежа, описать его имение, о чем сообщено в Управу Благочиния».

Это еще один тревожный сигнал, предвещавший грядущую катастрофу: нужно принять меры, чтобы уменьшить расходы. Поэт изнемог. Он хочет уехать, и отнюдь не на короткое время. Он чувствует, что дальше так жить нельзя: если он хочет избежать разорения, он должен уехать из Петербурга. «Дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить Петербург и ехать в деревню»,— пишет он Н. И. Павлищеву, мужу своей сестры.

Вопрос об отъезде в деревню был настолько решен для самого Пушкина, что в письмах его родителей конца июня — начала июля 1835 г. содержится такое сообщение: «Александр едет на три года в деревню», «Александр едет в сентябре в деревню на три года! Это решено: отпуск получен, чему Наташа и покорилась».

Действительно, почему Пушкину, сгибавшемуся под бременем долгов и уставшему от жизни, не приобрести себе «пустынный уголок, приют спокойствия» вроде виллы «Делис» Вольтера или «Монморанси» Жан-Жака Руссо? Ведь строит же себе Бальзак под Парижем виллу «Ле жарди», чтобы прятаться там от кредиторов! Это желание возникло у Пушкина в результате вполне понятного стремления художника обеспечить себе, наконец, вожделенный покой в местах, где он провел с большим творческим результатом два лучших года своей жизни, находясь в Михайловском, среди чудной природы, близ преданного ему семейства П. А. Осиповой. Влечет поэта извечная мечта всех творческих натур: скромный домик среди природы, где, не тревожимый никем, он может предаться осуществлению своих творческих задач и хоть на короткий час скрыться от кредиторов.

Пушкин открывает свои планы Бенкендорфу: «Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия».

В следующем письме к Бенкендорфу Пушкин сознается, что, живя в Петербурге, он задолжал уже до 60 000 рублей и что вынужден привести в порядок свои дела, для чего необходимо или уехать в деревню, или занять крупную сумму денег.

На это письмо Пушкина к Бенкендорфу Николай I наложил резолюцию: «Нет препятствий ему ехать куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить сие со службой. Спросить, хочет ли он отставки, ибо нет возможности его уволить на столь продолжительный срок».

Пушкин был бы рад отставке, но она лишала его жалованья, этого единственного постоянного дохода, а кроме того, отнимала возможность продолжать весьма важную работу в Архиве. Пушкину пришлось отказаться от мысли покинуть Петербург.

Государь предложил Пушкину вспоможение — 10 000 рублей и отпуск на шесть месяцев. Пушкин деньги взял, но отпуском не воспользовался. Уже через месяц он опять обращается к Бенкендорфу: «Граф, мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость, просить о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто удостоил быть моим провидением. Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя. Итак, умоляю Его Величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей и, во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалования впредь до погашения этого долга». Сохранилась пометка Бенкендорфа на письме Пушкина: «Император жалует ему 30 тысяч рублей с удержанием, как он просит, его жалования».

Но казначейство вместо 30 000 рублей выдало Пушкину только 18 000, вычтя недавно полученное вспоможение 10 000 и проценты, что поставило Пушкина в исключительно стесненное положение.

Чтобы поправить свои имущественные дела, Пушкин хочет издавать журнал. «Денежные мои обстоятельства плохи,— пишет Пушкин Нащокину,— я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как пойдет. Смирдин предлагает мне 15 000, чтоб я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его «Библиотеки». Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться».

Первый номер пушкинского «Современника» вышел в апреле 1836 года. «Но журнальное дело не было делом Пушкина,— замечает кн. Вяземский,— срочная работа была не по нему. Он принялся за журнал вовсе не из литературных видов, а из экономических. Ему нужны были деньги, и он думал найти их в журнале. Он обчелся и в литературном, и в денежном отношении... Пушкин не только не заботился о своем журнале с родительской нежностью, он почти пренебрегал им».

«Современник» пользовался успехом преимущественно у просвещенного, вдумчивого читателя. Но сделать «Современник» массовым изданием Пушкину не удалось. Тираж его уменьшался: первый и второй тома вышли в количестве 2400 экземпляров, третий — 1200 экземпляров, а четвертый — 900 экземпляров. Успеху журнала мешали злобная критика, а также месть книгопродавца Смирдина. Книжные магазины, от него зависимые, не брали «Современник», и журнал, например, в Москве невозможно было купить.

Когда же прекратится этот водопад неудач, который встречает все начинания Пушкина? Как дальше жить? Остаются одни ростовщики: 1 февраля 1836 года взято Пушкиным у ростовщика Шишкина 1200 р. под залог шалей, жемчуга и серебра. 13 марта у того же Шишкина взято 650 р. 8 августа взято Пушкиным у Шишкина 7060 р. 25 ноября взято Пушкиным у Шишкина 1250 р. 24 января (за три дня перед дуэлью) взято Пушкиным у Шишкина 2200 р. под залог шалей, жемчуга и серебра. Среди вещей, заложенных Пушкиным у Шишкина, было столовое серебро, принадлежащее его свояченице, Александре Николаевне Гончаровой, а также 30 фунтов серебра, принадлежащего С. А. Соболевскому.

Денег у Пушкина нет. Нужно каждого кредитора успокоить, что-то пообещать, заведомо зная, что это обещание невыполнимо. Оболенский очень неохотно согласился ждать до 1 марта 1837 года. А что будет тогда? Пушкин и не хотел думать. Мучительно стыдно смотреть в глаза своим дворовым: камердинеру Павлу Руминцову Пушкины должны 100 рублей; няне первой — 40; няне второй — 60; первой девушке горничной — 100; второй и третьей — по 40; прачке — 90 рублей, а сколько должны дядьке, Никите Козлову, счет потеряли! В своей собственной квартире приходится прятаться от них, избегать встреч с ними. Они это чувствуют и становятся дерзкими и непослушными.

Пушкин чувствует, что дальше так продолжаться не может. Должно совершиться чудо, чтобы спасти его от бремени долгов и дать успокоение. Но придет ли это чудо?

Пушкины не могут покинуть Петербург: они не в состоянии прорвать окружающую их цепь заимодавцев. Нет другого выхода, как терпеливо ждать конца жизненной драмы, которая 4 ноября 1836 года превратилась в трагедию: в этот день Пушкин получил по почте пасквиль, о чем пишет Бенкендорфу: «...Я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены... Поведение моей жены было безупречно, но говорили, что поводом к этой

низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса».

П. И. Щеголев в 1916 году писал, что пасквиль был каплей, переполнившей чашу терпения Пушкина. Но не было бы пасквиля, мог найтись другой повод: все равно катастрофы было не миновать. В пасквиле Пушкин был назван рогоносцем, то есть попадал в смешное положение, что для него было нестерпимо. Пасквиль открыл дорогу к поединку, и Пушкин, видимо, с радостью за него ухватился.

26 января 1837 г. Геккерен получил от Пушкина очень дерзкое письмо. С этим письмом Дантес, по свидетельству А. И. Васильчиковой, отправился к графу Строганову, который «отличался знанием всех правил аристократической чести. Этот старец объявил Дантесу решительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться». И Дантес, и Пушкин стали у роковой черты.

После того, как Дантес и Пушкин обменялись выстрелами и, будучи ранеными, остались живы, поэт сказал: «А значит, поединок наш не окончен!» В действительности он был для Пушкина окончен: рана была смертельна, но поэт был убежден, что ранен только в бедро.

По дороге домой тряска кареты причиняла большую боль Пушкину. Тогда он сказал своему секунданту Данзасу: «Кажется, это серьезно. Послушай: если Арендт найдет мою рану смертельной, ты мне об этом скажешь! Меня не испугаешь: я жить не хочу!» Лейб-медик Арендт, посетивший Пушкина на дому, объявил, что рана безнадежная, так как перебиты большая артерия и вены, кровь излилась внутрь и повреждены кишки. Расставаясь с Пушкиным, Арендт сказал ему: «Еду к Государю, не прикажете ли что сказать ему?» «Скажите,— отвечал Пушкин,— что я умираю и прошу у него прощения за себя и за Данзаса» (дуэли были запрещены).

Ночью на 28 января явился Арендт и привез Пушкину письмо от Николая I. Царь писал: «Любезный друг, Александр Сергеевич! Если судьба нас уже более в сем мире не сведет, то прими мое последнее и совершенное прощение и последний совет: умереть христианином. Что касается до жены и детей твоих, ты можешь быть спокоен, я беру на себя устроить их судьбу».

Пушкин поцеловал эти наскоро набросанные строки. У него расширились глаза, заблестели, будто наполнились слезами, и он, медленно набрав полную грудь воздуха, радостно вздохнул, как вздыхает человек, с плеч которого сняли тяжелое бремя. У поэта появилась на лице улыбка, улыбка примирения с жизнью и совершенного покоя, дотоле им неизведанного. Эта улыбка, по словам Е. А. Карамзиной, уже не оставляла лица поэта: «Ничего не может быть прекраснее его лица после смерти: чело ясное, задумчиво-спокойное, словно вдохновенное, и улыбающийся рот. Я никогда не видала такого чистого, такого утешительного и такого поэтического мертвого лица».

Государь повелел: 1) Заплатить долги. 2) Заложенное имение отца очистить от долга. 3) Вдове пенсии и дочерям по замужество. 4) Сыновей в пажи и по 1500 рублей на воспитание каждого по вступлении на службу. 5) Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6) Единовременно 10 000 рублей.

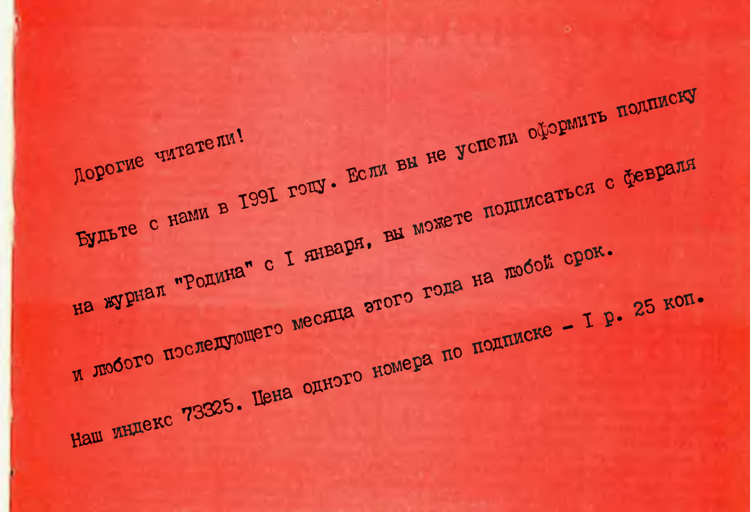
Всего на уплату долгов частным лицам (числом около 50) было истрачено «Опекой над детьми и имуществом Пушкина» 95 600 рублей. Кроме того, был списан долг Пушкина казне, достигавший почти 44 000 рублей. Общая сумма задолженности поэта составляла 138 988 рублей 33 коп. (Архив Опеки Пушкина). Если сюда прибавить, во что обошлась казне очистка отцовского имения Болдино от долгов и недоимок — более 210 000 р., Кистенева — около 40 000 р., Михайловского — 10 000 наличными, полученные Наталией Николаевной, да семилетняя (до выхода замуж) вдовья ее пенсия — 35 000 р., да долголетнее содержание на казенный счет ее детей, то можно считать, что все это обошлось казне около 500 000 рублей! В первые три дня после смерти Пушкина книготорговец Смирдин продал его сочинений на 40 000 р. Подписка на посмертное издание (казной) сочинений Пушкина в пользу вдовы и детей дала 262 000 рублей валового дохода.

Пушкин, согласно его желанию, был похоронен в Святогорском монастыре, близ Михайловского, родового имения матери поэта. Перефразировав речь Виктора Гюго, произнесенную им на парижском кладбище Пер-Лашез над гробом Бальзака, можно те же слова сказать и над могилой Пушкина:

Смерть человека гениального — траур всенародный. Этот поэт, мыслитель, труженик, гений прожил среди нас жизнь, полную гроз, борьбы, схваток, битв,— жизнь, которой во все времена живут все великие люди. Теперь он вкусил мир. В один и тот же день он входит в славу и в могилу — в это великое равенство и совершенную свободу. Могила — это его последнее жилище, единственное, откуда его не выселят, где он стал недоступен для кредиторов, куда не проникнут их назойливые голоса, и где он, наконец, обрел совершенный покой, дотоле им неизведанный...

Когда высший ум со славой вступает в другую жизнь, когда он долго парил над толпой на зримых крыльях гения, внезапно распахиваются другие крылья, на которых он уже будет парить вечно не только над своей страной, но и над всем миром...

ЗАСТУПНИЦА

ТАИНСТВЕННЫЕ «БЕСЕДЫ» СО СТАРЦЕМ ИОАННОМ

Наше время, во многом противоречивое и труднопостигаемое для поверхностного взгляда, наверняка можно назвать временем феноменов — политических, психологических, социальных. В этом ряду особое место занимают необычные явления Духа. Нередко мы относимся к ним без должной вдумчивости и уважения, а иногда, если речь о духовности религиозной, и с известной долей недоверия. И все же мы не можем отмахнуться от них. Они часть нашей жизни, и было бы неверным выносить их, что называется, за скобки наших интересов, а следовательно, и за страницы нашего журнала.

Сегодня мы хотим познакомить вас с довольно необычным для нас документом — Откровением Божией Матери. Этот духовный текст родился не в стародавние времена. Его появление связано с нашими днями. Отсюда понятен и интерес к нему. «Откровение» предваряет пояснительная статья монаха недавно созданного Богородичного Братства.

Двадцатый век поразил умы людские многими бурными историческими событиями и настроениями, удивительными открытиями в области науки и техники. Чья-то невидимая рука словно колоду карт перетасовала политические режимы, преобразовала ритм экономической и социальной деятельности, изменила быт, уклад жизни сотен миллионов людей. И на фоне этих катастрофических перемен незаметными оказались удивительные события духовного порядка, кротко взывающие к сердцу человека, к его духовному разуму: с начала века изверившийся и усталый христианский мир столкнулся с необычайным для себя феноменом — зримыми для многих явлениями Божией Матери.

Их было много, и они были зафиксированы в официальных документах, отчетах прессы, на кино- и фотопленках. Мы напомним лишь о некоторых.

В Фатиме, небольшом селении в 150 километрах от Лиссабона, в 1917 году Богородица около года беседовала с тремя детьми. Удивительные знамения, сопровождавшие эти встречи, видели многие десятки тысяч людей. Божия Матерь говорила с детьми о необходимости поста и молитв для спасения мира и облегчения страданий узников геенских, о необходимости молитвы за Россию, чтобы страна вновь обратилась к Богу. В противном случае предсказывались бедствия для всего человечества.

Известно явление Богородицы в Зейтауне — пригороде Каира, в 1968 году. Оно продолжалось с перерывами более года. Богородицу видели все: верующие и неверующие, взрослые и дети. Она обходила православные храмы, крестилась. Явления сопровождались исцелениями больных. Они были зафиксированы в кино- и фотодокументах.

В 1981 году весь мир узнал о явлении Богородицы в Меджугорье — горном селении в Сербии. Здесь Пречистая Дева являлась подросткам, но знамения также давались для многих людей. Пречистая являлась в местном соборе, куда собиралось до 15 тысяч человек. Лейтмотив бесед таков: для спасения людей и облегчения участи страждущих в аду необходимы пост и молитва. Богородица особо призывала к хранению мира — мира сердца и мира политического. Пречистая Дева вновь говорила о молитве за Россию. А главная ее цель и желание в том, чтобы ко Христу обратился весь мир.

На протяжении XX столетия Пречистая Дева являлась и отдельным людям. Этих фиксированных явлений, признанных христианским миром, было немало. Мы же хотим сообщить о новом чуде Приснодевы, о ее откровениях, которыми Она сподобила своего избранника, священника Истинно православной церкви, старца о. Иоанна.

Откровения эти продолжаются вот уже 6 лет. В них Пречистая Дева раскрывает суть и цель христианства, объясняет многие глубокие, духовные тайны мира видимого и невидимого. Богородица поучает, как шествовать путем «узким», путем христианским к познанию Бога, и обещает свое водительство принявшим ее Слово. Вся Россия, весь мир призывается к глубочайшему покаянию, прозрению, обновлению, посту и молитве, ибо грядут немалые бедствия: экологические катаклизмы, землетрясения, наводнения, неведомые болезни, которые будут поражать в первую очередь высшую нервную систему и излечение которых традиционными медицинскими средствами будет невозможно (СПИД — это первое предупреждение), политические и национальные конфликты.

Тексты откровений ныне приняты значительной группой священников, мирян и монахов, которые образовали братство с официальным названием Богородичного Центра Матери Божией Преображающейся. Это межконфессиональная организация, открытая для всех, ищущих сердцем Господа Иисуса Христа и Матерь Божию.

Священники, монахи и миряне братства глубоко озабочены нынешним духовным состоянием России и всего мира. Они глубоко убеждены, что внешние настроения и неурядицы есть отражение нашей сердечной жизни, того зла, которое мы в себе носим. По христианской антропологии, разумная жизнь наша сосредоточивается в сердце. Это есть центр, определяющий наше духовное состояние. Поэтому решение внешних проблем нужно начинать с разрешения внутренних, очищения себя от всякой лжи, злобы, клеветы и окаянства.

Цель братства — объединить духовные силы человечества на пути действенного покаяния, возможного лишь под водительством Приснодевы. Ибо только Она может изменить, преобразить внутренний, сердечный строй человека.

Священники и члены братства заняты распространением Слова Божией Матери. Его широким благовестием. Они выступают с проповедью на предприятиях, в общественных организациях, школах, несут правду о Слове в больницы и тюрьмы, к страждущим исцеления от телесных и духовных недугов, занимаются издательской деятельностью.

Возрождение России они видят на путях возрождения Православной веры. Поэтому они выступают с широкими инициативами, способными изменить к лучшему судьбы многих людей. Так, на встречах с министром обороны СССР и министром внутренних дел РСФСР было предложено организовать институт духовников — священников в армии и для осужденных, в местах отбывания наказания. На встрече с представителями Министерства культуры РСФСР были выражены взгляды священников братства на воспитание подрастающего поколения. Было предложено обратить самое пристальное внимание на духовную сторону этого сложного процесса.

Члены братства приглашают всех честных людей, ищущих правды и неравнодушных к судьбам нашей страны, к сотрудничеству.

Ниже публикуется текст Первого откровения Слова Матери Божией, которого Богородица сподобила духовника Богородичного Центра о. Иоанна в январе 1984 года в городе Смоленске, куда он приехал поклониться чудотворной иконе Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы).

Как это было? Отец Иоанн вошел в кафедральный собор и хотел приложиться к святыне. И вдруг увидел, что икона засияла удивительным Светом. Он долго не решался подойти к Ней, молился, полагая себя недостойным такого чуда. Наконец решился, благоговейно прикоснулся к чудотворному образу и вышел из собора. И тут о. Иоанн увидел икону Одигитрии Смоленской на воздусех. Икона изливала Свет. О. Иоанн услышал голос Божией Матери: «Пойди и скажи людям, что весь мир должен начать каяться...» Пречистая обещала даровать России свой особый Покров и сообщила первое откровение Слова.

Вот уже шесть лет Божия Матерь удостаивает своего избранника таинственных «бесед». «Беседы» эти происходят вне видимых образов и человеческих слов. Сейчас имеется уже почти 20 книг откровений Слова Матери Божией, каждая приблизительно по 100 страниц.

Иером Богородичного Братства, отец СТЕФАН ЛАВРИН.

ОТКРОВЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИИ В СМОЛЕНСКЕ

Пойди и скажи всему миру, что ПРИШЛИ СРОКИ и что ЕСЛИ НЕ БУДУТ МОЛИТЬСЯ И ПОСТИТЬСЯ, ТО ПОГИБНУТ ВСЕ. Кто спасется, тот уже сейчас пробуждается, а кто не проснется (сейчас), погибнет не родившись, как ребенок, задавленный в чреве.

Не можете поститься оттого, что не имеете Духа. Кто много ест — приносит жертву бесам.

По грехам не имеете поста. Когда входит Дух, прекращается жертвоприношение и начинаются скорби.

Святые не вкушали неделями. Как можете есть перед Распятием?! А кто мысленно не с Распятым Господом, тот отлучен. Чувствуйте вину за то, что употребляете земную пищу и не можете питаться от Духа.

Смерть у вас отнята, оттого и скорби умножены. Вам должно оплатить дар великий. Как можете бояться смерти, если веруете?

Поста нет, оттого и молитва не идет. Молитвенное состояние (духовное созерцание) предуготовляется постом.

КАК НАУЧИТЬСЯ ПОСТУ?

У большинства нет поста из-за отсутствия покаяния.

Конец ваш будет тих, не бойтесь. Но тому, кто не оставит греха, будет тяжело на мытарствах. А душа благочестивого хранится в светлом сне до Второго Пришествия.

Не друг друга ищите, а Меня, и тогда обрящете.

Стремитесь к большому в малом, а не к малому в большом (как в мире). Кто ищет многого, не получает и малого. Господь раскрывается в малом.

Дни ваши пришли. Молитесь и укрепляйтесь, и приумножайте ревность, ибо еще мало ваших сил для того, что предстоит вам.

ДОЛЖНО КАЖДОМУ РОДИТЬСЯ ВО ГОСПОДЕ, для чего родить Его в сердце своем от Него же. Святы и легки роды те, но идут к ним скорбями и болезнями.

Дни ваши сочтены. Скоро примете Сына Моего, и вот вам Омофор Мой во облегчение страданий.

КАК МОЛИТЬСЯ?

Дух учит молитве. Держите сердце собором с иконами и мощами и не впускайте в святой храм посторонних ни днем, ни ночью. Дух пребывает даже в брошенном храме: раздвигаются врата, восстают камни с пола — и начинается служба с ангелами и святыми...

Войди в храм сердца, затвори двери, стань на колени, закрой глаза и молись.

Молитва трудна из-за грехов. Вот чаша и вот Кровь Господня. Сколько Пречистой Крови пролитой стоит Господу научить вас молиться Ему, приведя тем самым в целомудренное состояние, которым подготовитесь к Царству Небесному!

Дух ведет сердце чистое. Живущий во грехе лишается водительства от Духа и идет в темноте, повинуясь демонам.

КАК БЫТЬ, КОГДА ОТНИМАЕТСЯ МОЛИТВА И НЕТ СИЛ?

Утверди в сердце своем грозный лик Архангела и рази врагов с его помощью.

Вера — вверение себя в пресвятую Волю Божию. Будьте истинно смиренны. Тихая сердечная молитва дороже Мне звона колоколов.

Странничайте в мире, а ум держите во Господе,— так нужно жить христианину. Многие одеревенели сердцем из-за насиженных мест.

Странничая, помните о мире ином, истинном...

Ищите и чайте Господа в каждом вздохе своем. Иначе как молиться и просить Мне милосердного Бога и возлюбленного Сына Моего о вашем спасении?

Тем, кто чает и любит Меня, возвращаю премного и преизобильно, так что могут почувствовать лишь самую малую часть благодати Моей. Спастись можно лишь Моим Покровом. Под Моим укрытием не страшны тьмы врагов.

Россия — разоренная страна, временно отданная на откуп врагу. Но в том и вера, чтобы не отчаяться в отчаянии.

О ЦЕРКВИ В РОССИИ

Церковь скорбит — и Я с нею. Церковь распята — и Я у ног ее (как тогда стояла при Распятом Сыне Божием). Церковь обливается слезами — и Я с нею. Мой ЗАВЕТ ВАМ: пребудьте во святом Доме Божием, где до конца дней будет теплиться и сиять свет неизреченный.

Милость и благодать Моя — с Церковью православной. Православие — любимый дом Мой, часовня кладбищенская, которую часто посещаю и молюсь об исцелении живых и облегчении усопших.

ПРИТЧА

В храме было сто праведников. Вот они вышли из храма, но молитва не прекратилась — молятся вне стен церковных (не на земле)...

Велик собор Русской Церкви на небесах. РОССИЯ СПАСЕНА ОТ ВЕКА.

Много раз спасала Я Россию. Вы не знаете и малого от того числа... И теперь спасетесь Моим заступничеством.

ЕСТЬ ЛИ СЕЙЧАС ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ В МОНАСТЫРЯХ?

МОНАСТЫРИ — ТАЙНЫЕ РАНЫ МОИ. Кто прикладывается к ним, тому особая доля и благословение Мое.

ПРЕБЫВАТЬ ЛИ СРЕДИ ЛЮДЕЙ ИЛИ ИСКАТЬ ЗАТВОРА?

Ищите Царства Божия, а оно открывается и в миру, и в пустыне, независимо от места.

Серафим Саровский — самый великий молитвенник земли русской. Он — святой духовидец наряду с Иоанном, любимым учеником Божиим.

МАТЕРЬ БОЖИЯ, О ЧЕМ ПОМЫШЛЯТЬ НАМ?

Чтобы прозрели слепые, ибо, когда узрят Свет Славы Господней, ослепнут навек.

КАКОВ УДЕЛ НЕКРЕЩЕННЫХ УСОПШИХ?

Некрещенные уже сейчас окрещаются кровью невинных мучеников веры. Это одна из тайн искупления.

КАКОВЫ САМЫЕ СТРАШНЫЕ ГРЕХИ?

Ложь, предательство, блуд и осквернение святыни.

О ФАРИСЕЯХ

Имя их слышать не могу. Позор их несмываем. Они очернили Церковь и осквернили раны Господни. На них кровь многих праведных Моих.

КАК УБЕРЕЧЬСЯ ОТ ФАРИСЕЙСТВА?

Возгоранием духа. Если дух не возгорается — значит ложно идешь. Ложь в сердце мешает духовному продвижению. ЛОЖЬ ЕСТЬ САМЫЙ СТРАШНЫЙ ГРЕХ. Покаяние — самая великая добродетель.

БУДЕТ ЛИ ВОЙНА?

Войны боится тот, кто не воин — не ведущий брань. Много нашествий темных надо отбить, прежде чем воцарится мир — в душе и в поднебесной. Ведущему непрерывную брань открываются тайны небесных войн.

Для воина Христова мир — поле брани, и только.

Войны избегнете, но другое ждет вас. Уснете и не встанете — вмиг изменится земля.

Проповедь не в словах, а в свидетельстве. Господь говорит во смирении, поэтому проповедуйте Его смирением.

КАК СЕЙЧАС ИЗЪЯВИТЬ СМИРЕНИЕ?

Не роптать в скорбях и укрепляться в брани. Врагов нужно любить, ибо чрез них — спасение.

Укреплю тебя, и спасешься за ревность твою. Умножу веру твою во Святого Господа и в Мой Покров, чтобы не роптал и не унывал, но был бодр духом.

Отвергнись гордыни — и станешь неуязвим для зла.

Превозношение — то же, что человеконенавистничество. Когда мнишь себя выше пусть (в твоем представлении) и последнего из людей,— отвергаешься от Бога. Господь отворачивается от гордых (как от ненавидящих брата своего).

Смысл земного пути — в покаянии и смирении. Помещаетесь в дурные обстоятельства, чтобы прозрели на грехи свои.

В двух храмах присутствует Господь: в храме сердца и в церкви. Если сердце не отправляет святых тайн, то бесполезны храмовые таинства.

Я живая на иконах всегда пребываю...

С детей сейчас спрос за грехи уже с одного года.

О ЦЕРКВИ

Вы[1] и есть — Церковь грядущая. Тогда придут во плоти многие святые Мои... Но не спрашивай об этом, ибо это тайна пока...

[1] Истинно ревнующие православные.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

УРАЛЬСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Грасгофская литейная мастерская на Пермском Пушечном заводе.

В архиве Д. И. Менделеева хранится богатая фотографическая коллекция. Дмитрий Иванович начал интересоваться фотографией еще в 60-е годы прошлого века и много успел сделать для ее развития. 5 марта 1878 года ученый подписал заявление в Совет Императорского Русского технического общества об организации отдела светописи. Это одно из первых объединений деятелей фотопромышленности просуществовало более полувека и во многом способствовало распространению фотографии в России.

Особое место в коллекции Д. И. Менделеева занимают снимки и альбомы, относящиеся к его поездке на Урал и в Сибирь в 1899 году. Это путешествие имеет краткую предысторию.

В конце столетия Дмитрий Иванович всерьез задумывался о наиболее рациональном использовании природных богатств России. Как раз в это время он сделал несколько крупных обобщений экономического характера. Вступив, например, в открытую полемику с известными промышленниками братьями Нобель по поводу географического расположения нефтеперегонных заводов, Менделеев нашел оптимальную систему их местонахождения.

Министр финансов И. А. Вышеградский привлек ученого к работе в различных правительственных комиссиях в качестве консультанта. Кроме того, он был назначен почетным членом Совета торговли и мануфактуры, активно включился в деятельность Комитета по таможенным тарифам, целью которого было дать ход русским товарам за границу.

Поездка на Урал стала как раз одним из эпизодов научной деятель-

Д. И. Менделеев со своими сверстниками в селе Аремзянском, неподалеку от Тобольска. Снимок сделан у церкви, построенной по инициативе матери Д. И. Менделеева.

Участники Уральской экспедиции (слева направо): С. П. Вуколов, химик; К. Н. Егоров, технолог; Д. И. Менделеев (сидит); профессор СПБ университета, минеролог П. А. Земятченский.
Фото Е. МОРОЗОВСКОЙ, СПБ, 1899 г.

Снимок из альбома "Нижне-Тагильские заводы Демидовых", подаренного Д. И. Менделееву А. Н. Жонес-Спонвилем. Фото ИСКАКИНА в Н. Тагиле.

ности ученого в те годы.

В состав экспедиции вошли, кроме Менделеева, профессор Петербургского университета, специалист по железорудным месторождениям П. А. Земятченский, химик С. П. Вуколов и технолог К. Н. Егоров. Комиссии предстояло осмотреть уральские заводы, копи и рудники, провести ряд магнитных измерений, а главное — выявить общие закономерности развития этого региона и дать рекомендации, способствующие развитию промышленности.

Лето 1899 года ученые провели на Урале и в Сибири. Они посетили десятки заводов, побывали в Перми, Нижнем Тагиле, Екатеринбурге, Тюмени, Тобольске, проехали и проплыли многие сотни километров, встречаясь с промышленниками, инженерами, управляющими заводов, купцами, рабочими. Менделеева интересовало буквально все — технология производства чугуна и состояние лесного хозяйства, способы отливки орудийных стволов и содержание заключенных.

Официальным отчетом о поездке стала докладная записка графу С. Ю. Витте, где Менделеев вскрывал причины медленного развития промышленности (ученый сетовал, в частности, на бюрократический аппарат, который «душит все новые начинания») и называл мероприятия, способствующие, по его мнению, возрастанию производства чугуна и стали. Вообще нельзя не заметить, что мотивы и результаты уральско-сибирской экспедиции выглядят очень современно. Сегодня, когда так остро стоит вопрос социального и экономического переустройства России, невольно обращаешь взгляд в прошлое и видишь, что многое из того, что делается сейчас, уже неоднократно предпринималось ранее.

Оранжерея и зимний сад на Кыштымском заводе.

Фактический материал, собранный во время трехмесячного путешествия, лег в основу изданной в 1890 году книги «Уральская железная промышленность...». В ней, наряду со статистическими данными и таблицами, немало описаний природы и условий жизни людей, с которыми виделись путешественники.

Название первой части книги — «Личные и фотографические впечатления Уральской поездки» — говорит само за себя. Во время путешествия снимали все, в том числе и Дмитрий Иванович. Причем для него фотография была не просто иллюстративным материалом, а своеобразным продолжением повествования, способом выразить свои ощущения.

Снимки, опубликованные в книге, сохранились не полностью, поэтому нет возможности их показать. Зато остались фотографии и альбомы, привезенные из экспедиции Д. И. Менделеевым. Это виды городов, заводов, приисков, запечатленные уральскими и сибирскими фотографами: Шустером и Уссаковским в Тобольске, Шестаковым и Искакиным в Нижнем Тагиле; замечательные работы фотомастера В. Г. Дружинина, снимки фотографов-любителей Дунина-Горкавича, А. Верниковского, Д. Соломирского...

На снимках Урал и Сибирь встают перед нами точь-в-точь такими, какими увидели их на рубеже веков Д. И. Менделеев и его спутники.

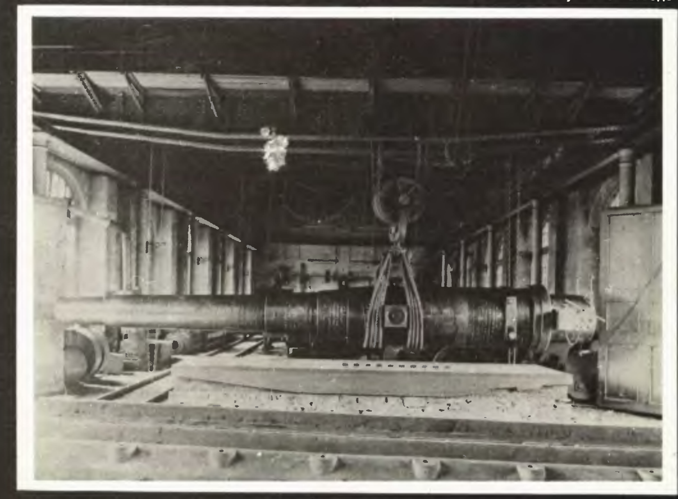

Реконструкция Нижне-Тагильского завода 1899 г.

Тобольск. Вид с площади на гору. Фото Шустера, 1899г.

11-дюймовая пушка, отлитая на Пермском пушечном заводе

Сдано в набор 14.11.90. Подписано к печати 05.12.90. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 395 486 экз. Заказ № 3123. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28 68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.